
Ленинскому комсомолу сорок лет!
ОГОНЁК
№ 44 ОКТЯБРЬ 1958
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

В экспериментальном цехе завода сельскохозяйственного машиностроения «Красный Аксай» имени М. В. Фрунзе (Ростов-на-Дону) трудятся слесарь-сборщик коммунист Константин Ананьевич Саранча и его сын комсомолец Юрий. Тридцать восемь лет работает на заводе Константин Ананьевич. В честь XXI съезда КПСС отец и сын взяли на себя повышенные обязательства — досрочно завершить работу над экспериментальным культиватором.
Фото Г. Дружелюбова.

На первой странице обложки: Комсомольцы — передовые строители доменной печи «Ждановская-комсомольская» на Металлургическом заводе имени Ильича в городе Жданове. Слева направо: бригадир каменщиков Володя Слободенюк, арматурщица Нина Малявко, бетонщица Галя Суткова, монтажник Виктор Гриценко.
Фото Н. Козловского.

На последней странице обложки: Лучшие сборщицы хлопка комсомольско-молодежной бригады в колхозе «Москва», Ленинабадского района, Таджикской ССР. На переднем плане (слева направо): Малохат Маджидова, Адолат Зокирова и Онабегим Касимова.
Фото И. Тункеля.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 44 (1637)
26 ОКТЯБРЯ 1958

36-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Да здравствует Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи—верный помощник и резерв Коммунистической партии, передовой отряд молодых строителей коммунизма!

Из призывов ЦК КПСС к 41-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции

Плакат В. ИВАНОВА.

Жить по-ленински!

Елена СТАСОВА,
член КПСС с 1898 года

В дни юбилея нашего славного комсомола хочется еще раз напомнить молодежи ленинские слова. «Мы партия будущего,— говорил Ильич,— а будущее принадлежит молодежи. Мы партия новаторов, а за новаторами всегда охотнее идет молодежь. Мы партия самоотверженной борьбы со старым гнильем, а на самоотверженную борьбу всегда первою пойдет молодежь».

Да, молодежь всегда шла за партией большевиков. И партия всегда ценила, любовно пестовала, направляла ее на правильный путь.

В свое время мне приходилось по заданию ЦК партии много работать с молодежью. И, сколько я помню, всегда там, где было особенно трудно, опасно, действовали молодые.

Живо встают в памяти годы подполья. Юноши и девушки, рабочие и студенты тайно хранят оружие, распространяют нелегальную большевистскую литературу, переправляют ее через границу. Сколько было среди них смельчаков, много раз смотревших смерти в глаза!

А в дни Октябрьского штурма, в годы гражданской войны — какие подвиги свершали юноши и девушки!

В первые годы Советской власти при ЦК партии была комиссия по работе среди молодежи. Как секретарь ЦК, я бывала на заседаниях этой комиссии и внимательно следила за деятельностью комсомольских вожаков.

Часто случалось так. Пошлешь кого-нибудь с поручением ЦК и предложишь попутно побывать в комсомольском комитете. Вернется товарищ в Москву и разводит руками: «Не выполнил поручение. Комната, где находится комитет комсомола, закрыта, а на дверях надпись: «Все ушли на фронт». А как смело действовали в те годы комиссары-комсомольцы! Прошло уже много лет с тех пор, как на гражданской войне погиб комиссар полка, сын писателя Александра Серафимовича, комсомолец Анатолий Попов. Но и сейчас я с волнением перечитываю записи из его дневника: «Бороться, пока сил твоих хватит, пока рука твоя поднимается, а глаза видят кругом. Все, что можешь сделать дурного врагам твоим, делай. Делай с отвагой, юным задором, делай страстно».

Почему я все это вспоминаю сейчас? Да потому, что хочется пожелать юношам и девушкам быть такими же отважными и преданными делу партии, какими были их отцы, матери.

Комсомол носит имя Ленина. Вот и нужно, чтобы молодые товарищи на каждом своем жизненном шагу задавались вопросом: а как бы поступил в таком случае Владимир Ильич? Как учил Владимир Ильич?

Черты ленинского характера — вот что я пожелаю каждому комсомольцу и комсомолке.

О них, об этих ленинских чертах, уже много написано, о них мы, люди старшего поколения, часто рассказываем молодежи. Но о некоторых чертах ленинского характера я хотела бы в эти юбилейные дни снова напомнить комсомольцам. И прежде всего о ленинской дисциплинированности.

Был такой случай в 1918 году. В коридоре, соединявшем квартиру Ильича с Совнаркомом, стоял постовой. Он не пропускал никого из СНК в квартиру Ильича без пропуска. Но однажды Ильич забыл свой постоянный пропуск, а ему понадобилось что-то в квартире. Постовой не пропустил его. Пришлось Ленину пойти в комендатуру и взять разовый пропуск. По окончании суточного дежурства постовой доложил о случившемся своему командиру, а тому уже сообщили об этом из комендатуры. Курсант, узнав, что он Ильича не пропустил на квартиру, побежал к Ленину, чтобы извиниться. Владимир Ильич, выслушав курсанта, улыбнулся и сказал: «Нет, вы не виноваты. Я виноват. Что такое распоряжение коменданта на территории Кремля? Это закон. Да как же я, председатель Совнаркома, мог нарушить этот закон».

И еще об одной черте, которую молодежи нужно воспитывать в себе,— скромность.

Однажды Ленин пришел в гости к Цюрупе на домашний концерт. На вечере был пианист — фамилии его я не помню. Он исполнил любимую Лениным бетховенскую «Аппассионату». Когда он кончил, я спросила у Владимира Ильича, как ему понравилось исполнение. Ленин пожал плечами: «Какое значение может иметь мое мнение: ведь я только любитель музыки...»

В заключение хочу напомнить молодым об одном, на мой взгляд, важнейшем ленинском завете: учиться не только по книгам, но и у жизни, на практических делах, в труде, на заводе, в поле. Это очень важно, и об этом всегда должны помнить юноши и девушки. Учиться, не боясь трудностей, отдавая все свои силы делу партии, делу народа.

Гость из ОАР в Москве

19 октября в Москву по приглашению Советского правительства прибыли вице-президент Объединенной Арабской Республики, военный министр маршал Абдель Хаким Амер и сопровождающие его лица. 20 октября Абдель Хаким Амер нанес визит в Кремле Председателю Совета Министров СССР Н. С. Хрущеву. Во время визита состоялась дружеская, сердечная беседа.

На снимке (слева направо): А. А. Громыко, посол Салах эд-Дин Тарази, Н. С. Хрущев, маршал Абдель Хаким Амер, Н. А. Мухитдинов.

Фото А. Новикова.

Комсомольский стан

День и ночь на Кировском заводе не умолкает шум прокатных станов. У каждого из них своя история: на одном прокатывали металл для первых тракторов и пропашников, на другом — для первых легковых автомобилей и судовых турбин... Но особенно популярен на заводе мелкосортный комсомольский стан. Если кто-либо из вальцовщиков уходит из цеха на учебу, в армию или уезжает на целинные земли и на его место поступают новички, то в бригаду тотчас же приходят мастера Николай Петрович Васильев и Корней Артамонович Пуглеев. И начинается разговор о немеркнущей славе комсомольского стана, о том, как создавалась первая комсомольская бригада и как четверть века назад ей вручали знамя шанхайских комсомольцев...

А было это так. Николай Васильев, в то время вальцовщик и секретарь комсомольской ячейки, заглянул с активистами в конторку мастера и предложил создать молодежную бригаду.

— Да кто вам доверит стан? Пустое задумали...— недоверчиво встретил мастер молодых вальцовщиков.

Скептически был настроен и начальник цеха. Только в парткоме выслушали молодых прокатчиков и подбодрили.

В бригаду, названную именем Серго Орджоникидзе, записалось двадцать восемь молодых рабочих, большинство — комсомольцы. Бригадиром стал Николай Васильев. Неладно вначале шли дела: стан работал с перебоями, план срывался.

Но комсомольцы не сдавались. Шустрый, низкорослый паренек Корней Пуглеев говорил:

— Изучать технику нам нужно...

Работали, учились, на усталость не жаловались. Бывало, мастер еще дома, чай пьет, а комсомольцы уже в цехе муфты осматривают, заменяют подработанные, настраивают стан...

И вот как-то вышел экстренный номер стенгазеты «Прокатчик». Хоть по формату она была и маленькой, но весь цех взбудоражила. Небывалый рекорд! Комсомольская бригада Васильева прокатала за смену двенадцать тонн полос!

Нарком тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе прислал комсомольцам приветственную телеграмму. Похвалил Николая и отец, работавший нагревальщиком в том же цехе.

Бригаду Васильева ставили в пример всем. Она первая достигла рекордного съема металла со стана, первая перешла на хозрасчет, первая добилась высокого качества проката... И вот тогда-то ей и вручили переходящее Красное знамя с золотыми китайскими иероглифами.

Четверть века назад, в день 15-летия комсомола, тридцать четыре передовых рабочих и руководителей комсомола были награждены орденом Ленина. Высокой награды удостоился и Васильев.

Когда Николая Васильева выдвинули в мастера, бригадиром первой комсомольской стал Корней Пуглеев, награжденный орденом Трудового Красного Знамени.

В годы Отечественной войны Васильев и Пуглеев прокатывали металл под вражескими обстрелами. Они встретились и на Ладожском озере, на знаменитой «дороге жизни»: Васильев был там начальником пирса на пристани, Пуглеев — комиссаром автобата.

Вернулись друзья на завод почти одновременно, и оба с боевыми наградами. Вместе восстанавливали стан, тот самый, на котором работали до войны, организовали новые бригады. Вскоре Корней Артамонович Пуглеев стал мастером. Бригаду на мелкосортном стане возглавил воспитанник кировцев комсомолец Фяздрахман Комалтынов.

Хотя мелкосортный стан и остался тем же, но теперь с него снимают значительно больше проката. Сотни тонн сверх плана выдали к славному 40-летию комсомола вальцовщики-кировцы. Продукция их пошла и на ледоколы, и на вездеходы, и для новостроек Китая, Польши, Румынии, Болгарии. Вместе с молодыми вальцовщиками в строю и ветераны: Пуглеев — мастером в прокатном, Васильев — мастером в копровом цехе.

Старые традиции живы: комсомольская бригада Комалтынова, так же как когда-то бригада Васильева — Пуглеева,— одна из лучших на заводе. Недавно в заводском комитете комсомола появилось знамя, расшитое золотыми китайскими иероглифами. Его прислали молодым кировцам комсомольцы народного Китая, прислали в благодарность за оказанную братскую помощь.

К. ЧЕРЕВКОВ, В. КАРПУЩЕНКО

К. Пуглеев и Н. Васильев беседуют с молодыми прокатчиками.

Фото Б. Уткина.

ЮНОСТЬ В ДРУЖБЕ С НАУКОЙ

Как ни безгранична человеческая фантазия, но вряд ли даже самый смелый мечтатель мог представить себе, что пастухи-кочевники менее чем за полвека станут культурными земледельцами, квалифицированными рабочими, инженерами, артистами, учеными. А ведь именно такое удивительное превращение произошло с туркменским народом за годы Советской власти.

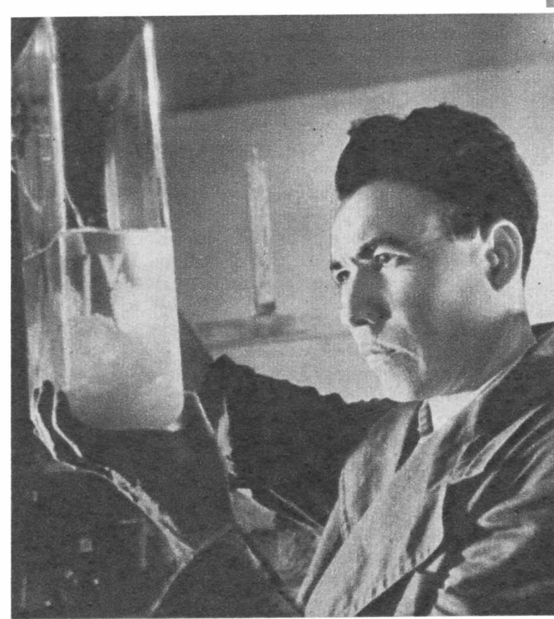
Посмотрите на эти снимки, и вы увидите, как работают и учатся, как двигают вперед науку и технику молодые туркмены, чьи отцы не знали грамоты.

Д. УХТОМСКИЙ

Фото автора.

В горах Копет-Дага трудятся комсомольцы — научные сотрудники и аспиранты Института геологии Академии наук Туркменской ССР Р. Муратлиева, О. Оразов, Д. Курбанназарова, Н. Назаров и братья Кулиевы — Аннамухамед и Какали.

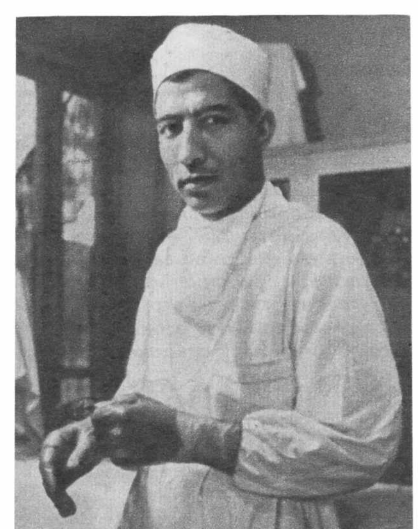
Как лучше использовать несметные богатства залива Кара-Богаз-Гол на Каспии? Над этой проблемой работает младший научный сотрудник Института химии Аллаберды ← Нурыев.

В Туркмении бывают землетрясения. Строителям нужно знать, где и как, из каких материалов сооружать здания, чтобы не были страшны колебания почвы. Ответы на эти вопросы строители получают от ученых.
Научный сотрудник лаборатории сооружений Института антисейсмического строительства Академии наук Туркменской ССР комсомолец А. Маманиязов записывает показания приборов опытной маятниковой установки, сконструированной ← учеными института.

Нелегко подчас приходится Наде Бекметовой, которую недавно избрали секретарем комсомольской организации Института физики и геофизики Академии наук республики. Но она старается поспевать всюду. Мы, например, застали Надю в поселке Вановского, где она проводила беседу с комсомольцами — молодыми учеными, сотрудниками астрофизической лаборатории.

Еще недавно студент Ковсы Курдов был секретарем комсомольской организации в Туркменском медицинском институте. А теперь он ординатор клиники, преподаватель практической хирургии на третьем курсе института.

Вместе учились в университете, вместе стали учеными Тоты Разыева и Ораз Узаков — молодые супруги,геологи. Вместе собираются они в научную командировку. Перед поездкой с ними беседует президент Академии наук Туркменской ССР Г. А. Чарыев.

Покорители Волги

Здесь будет перекрыто русло Волги у Сталинграда.

Л. ОВЧИННИКОВА, Г. КРЕМЕНЕЦКАЯ,
сотрудники газеты «Стройка коммунизма»

Фото А. Гостева.

Последние дни у Сталинграда пароходы идут обычным маршрутом. Скоро в узком проране будет наведен наплавной понтонный мост, начнется перекрытие — последний штурм могучей реки. И потом Волга потечет по новому руслу. А пока ее берега в створе Сталинградской ГЭС напоминают тылы великого наступления. К воде протянулись трубы пульповодов. Приготовлены к атаке тысячи бетонных пирамид.

Портальные краны, медленно передвигающиеся по бетоновозной эстакаде, напоминают огромных фантастических птиц. В «клювах» их — бадьи с бетоном, металлические сетки, доски. Гидростанция готова к приему воды. На монтажной площадке собираются статоры и роторы генераторов, рабочие колеса турбин.

В разных уголках гигантского сооружения вспыхивают яркими точками огоньки электросварки. Люди в серых спецовках на высоких колоннах сваривают металл, принимают бадьи с бетоном, стоя на гребне отвесной напорной стены.

У каждого человека на стройке — своя судьба, свой трудовой подвиг.

Мастерство и мужество

«Привет из Волжского.

Здравствуй, дорогой брат Саша!

В первых строках своего письма сообщаю, что я жив и здоров. До Сталинграда доехал хорошо. А вот до Волжского добираться пришлось с трудом...»

И Николай вспомнил, как подошел он к канатной дороге на правом берегу. Впереди шагала девушка в пушистой белой шапке. Вслед за ней он ступил на зыбкий, качающийся из стороны в сторону мостик. Одной рукой держал чемодан, другой хватался за перила. Под ногами—широкая река, по-осеннему темная; внизу медленно плывут серые льдины. До воды метров сорок. Николай шел, стараясь не терять из вида белой шапочки...

Он обмакнул перо и продолжал письмо. Николай писал о том, что многие рабочие живут в поселке, который называется Зеленый остров. Но на этом Зеленом острове одно дерево от другого — на целый километр. Когда идет дождь, грязи больше, чем на берегах Сыр-Дарьи. Юноша сообщал брату, что устраивается на работу в бригаду сварщиков-арматурщиков, но не уверен, сможет ли удержаться. Может быть, лучше уехать обратно?..

Бригада, в которую попал Николай Сатурьян, вела монтаж арматурных конструкций на строительстве водосливной плотины. Перед началом работы арматурщики собирались в кружок, грубовато шутили. А потом брали маски и поднимались на колонны, на металлические сетки. Там, на большой высоте, сидя верхом на деревянной перекладине, рабочие вели сварку. Николай не раз восхищенно наблюдал, как какой-нибудь веснушчатый паренек со сварочным держателем в руках бесстрашно лез по сетке на 20—30 метров вверх. И никогда никто из членов бригады не похвастался этим. Опасная работа считалась здесь обычной.

Домой Николай возвращался со сварщиком Иваном Чижовым. Рабочий поезд еще не пришел. Они вместе присели на кусок ржавой трубы. Иван достал из кармана сложенную вдвое тетрадку, стал черкать карандашом.

— Скажи, Иван,— тронул его за рукав Николай,— трудно тебе работать и учиться в техникуме?

— А как ты думаешь? Но бросать не буду. Кончу обязательно. Вот увидишь.

Подошел поезд. Николай и Иван вскочили на подножку.

— А почему ты не учишься, Николай? — пробасил над ухом Чижов.

...Прошло два года. На арматурном участке отбирали рабочих в бригаду, которой предстояло вести монтаж колонн и ригелей мостового перехода на плотине. В числе самых смелых, самых опытных сварщиков-верхолазов оказался Николай Сатурьян.

И вот он вместе с Василием Деевым стоит на узкой шестнадцатиметровой бетонной колонне. Далеко внизу паровозы, отдуваясь, тянут платформы с металлическими конструкциями. Сверху стрелы двух портальных кранов опускают металлический ригель. Даже быва-

Николай Сатурьян.

лые строители соседних секций молча наблюдают за монтажом. Арматурщики должны «посадить» ригель на бетонные колонны. Соблюдены все меры предосторожности. Но все-таки рискованная операция. Малейшая неточность — и металлическая конструкция может смахнуть людей с колонны.

Николай Сатурьян, чуть приподнявшись, хватается за край ригеля, и огромная конструкция прочно садится на бетонное основание. Все в порядке! Теперь монтажники, оказавшись внутри ригеля, один за другим выбираются наружу через верхнее отверстие.

Вслед за Василием Деевым Николай Сатурьян спускается по шаткой отвесной лестнице. Оба вытирают потные лбы. Сложная была смена! Но такая работа будет и завтра и послезавтра, и никто из арматурщиков не станет рассказывать о том, как трудно, как опасно наверху. Об этом говорить не принято. Подталкивая друг друга, сварщики лезут в кузов грузовой машины. Николай Сатурьян торопится. Сегодня у него занятия в техникуме. Он теперь работает только в первую смену.

«Осьмушка» весит 20 тонн

В сводке сообщается: «температура воздуха в тени плюс 39°, температура почвы — плюс 58°». Горячий ветер, колкая песчаная пыль, удушливый пар от сохнущего бетона. Комсомолец Ваня Соболев, небольшого роста курносый паренек, сидит над кратером агрегата. Бригада монтажников, в которой он работает, ведет сборку статоров турбин на гидростанции. Ваня высоко поднимает кувалду, изо всей силы бьет по болту. Солнце как будто остановилось. Раскалился металл статора, раскалилась кувалда. Удар, еще удар!

— Хорош! На месте «осьмушка»,— показывает бригадир Тихашков.

«Осьмушкой» монтажники ласково называют сегмент статора весом в двадцать тонн. Каждую такую конструкцию нужно установить с точностью до десятых долей миллиметра. Ведь статор турбины — фундамент всего агрегата.

Сигнал приготовиться к установке очередного сегмента. Его поднимают над эстакадой стрелы двух кранов. Сверху кажется, что двадцатитонная конструкция опускается прямо на людей, стоящих на бетонном основании. Но вот монтажники словно облепили «осьмушку». Они начинают слегка поворачивать ее.

Ваня Соболев льет себе за шиворот воду из шланга: жарко — и снова берется за кувалду. Сменное задание бригада уже выполнила, но монтаж продолжается.

Соболев смотрит сверху, как бригадир Алексей Михайлович Тихашков осторожно проводит шершавыми ладонями по стыку. Ваня считается новичком на монтаже агрегатов — он работает всего на второй стройке. А если перечислить гидростанции, на которых монтировал оборудование Герой Социалистического Труда бригадир Тихашков, то получится большой список. Ваня учится у бригадира точности удара, ловкости.

Кончается день. Монтажники ставят на место последнюю «осьмушку». За одну смену они установили на бетонное основание 166-тонный статор турбины. А за год бригада Алексея Михайловича Тихашкова установила все 22 статора турбин Сталинградской ГЭС. На других станциях эта трудная, кропотливая работа продолжается по нескольку лет.

Иван Соболев.

КОМСОМОЛЬЦЫ

Ярослав СМЕЛЯКОВ

В окнах праздничных клубов
загорается свет.
Сорок лет комсомолу!
Сорок лет. Сорок лет...

В дни его юбилея,
как положено, тут
встречи трех поколений
комсомольских идут.

За столами на сценах
рядом тесно сидят
те, которым по двадцать,
те, кому шестьдесят.

Те и эти друг другу
ближе всякой родни,
не отцы и не дети,
комсомольцы одни.

Пусть виски ветеранов
серебрит седина,
незабытая юность
в их повадке видна.

Хоть ломается голос
у ребят молодых,
целина и заводы
за плечами у них.

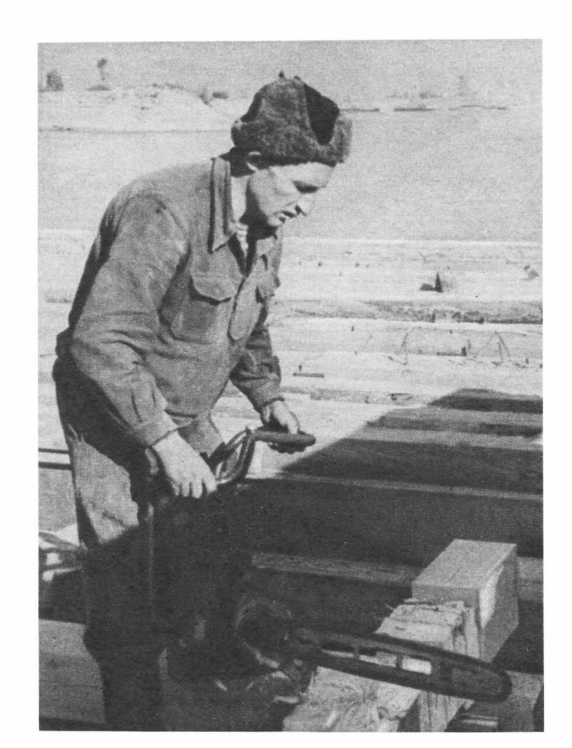
На трибуне оратор.
Аплодирует зал...
О своем поколенье
я еще не сказал.

Нам по сорок с немногим,
но и мы, побратим,
из рядов комсомола
уходить не хотим.

Не хотим и не можем
посторонними быть,
комсомольское званье
нам нельзя позабыть.

Счастлив тот бескорыстно,
кто, волнуясь, в свой срок
прикреплял возле сердца
комсомольский значок.

Это юность и Ленин,
это битва и труд...
Встречи трех поколений
в наших клубах идут.

Василий Лебедев.

Высшее плотничье образование

На баржах пахнет деревянной стружкой, смолой и бензином. Баржи чуть покачиваются на воде. В затоне плотники и монтажники заканчивают подготовку наплавного понтонного моста для перекрытия русла Волги.

Бригадир Василий Лебедев стоит на корме, по-матросски широко расставив ноги.

— Майна, чуть майна! — командует он.

Плотники работают в необычных условиях: качается на воде плавучий кран, качается вся строительная площадка.

Отец Василия Лебедева Алексей Федорович — старый рыбак. Он часто приходит сюда и смотрит, как на баржи наплавного моста опускают бревна, металлические конструкции. Лебедевы живут рядом, в 200—300 метрах от места, где готовится наплавной мост.

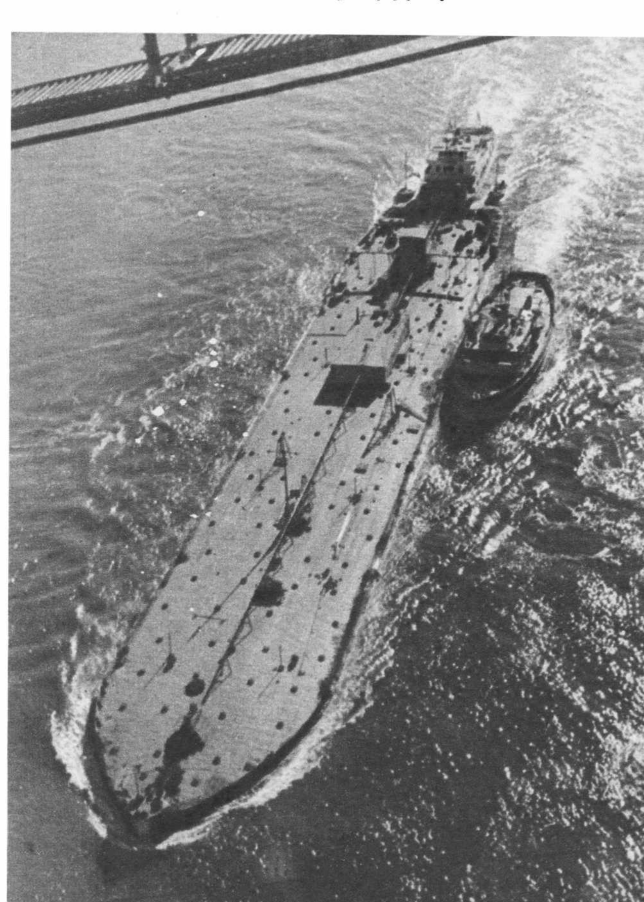
Василий Лебедев вырос на берегу Волги. Река была первой его игрой, первой работой, мечтой. С детства он привык ходить по пояс в воде с бреднем, чинить лодки. В армии его определили в саперный батальон. Там он и научился наводить понтонные мосты через реки.

А когда Василий демобилизовался и приехал домой, на Волге, где раньше резали воду моторные лодки, трудились земснаряды. Куда идти работать Василию? Конечно, на стройку плотником. Лебедев с детства привык держать в руках топор и пилу, но на стройке пришлось учиться заново. Ведь тут нужно по геодезическим отметкам делать все расчеты и измерения, уметь читать чертежи, подавать сигналы машинисту крана. И совсем не простое это дело, закрепившись верхолазным ремнем, снимать опалубку с бетонной стены или, поднявшись по металлической сетке, монтировать плиты. Василий в шутку говорит, что на стройке получил высшее плотничье образование.

Минувшей весной комсомольско-молодежный пятый участок заслужил право начать подготовку к перекрытию русла Волги. Бригадиру Василию Лебедеву поручили оборудовать баржи наплавного понтонного моста. Он осматривал баржи, сбивал бревна, готовил проезжую часть моста для самосвалов. Работа на воде была знакомой с детства и в то же время такой новой, необычной.

...Каждого, кто приходит на стройку Сталинградской ГЭС, поражают необычайные размеры сооружений. Мост, по которому идут мотовозы с бетоном, монтажная площадка, где передвигаются краны грузоподъемностью по 450 тонн, огромные роторы и статоры генераторов. Но приглядитесь поближе — и станет ясно, что самое удивительное здесь — это все-таки люди. Такие маленькие на фоне огромных машин — и такие большие, сильные своим опытом, знаниями, мужеством!

Последние суда проходят по старому руслу Волги.

КОГДА Я ДУМАЮ О ПОЛЬШЕ...

Варшава. Площадь Дзержинского. Налево — здание Президиума столичной Рады народовой.

**Станислав Рышард ДОБРОВОЛЬСКИЙ,
польский писатель**

Думать о Польше отвлеченно я просто не умею. Сразу же перед глазами возникает картина Мазовше и мазовецкой деревушки Ковалй, а в ней старый «дворак» — убогая халупина, в которой жили мои деды и родилась моя мать.

Образ этой находящейся в ста километрах к северу от Варшавы деревушки с детских лет слился в моем сознании с представлением об отчизне, родине. Но произнося слово «родина», я думаю и о Варшаве. Отсюда родом мой отец, здесь он прожил жизнь, и здесь погребены его останки. Здесь дымили трубы завода, на котором работал не только он, но и его отец, мой второй дед. Тут и сейчас возвышаются стены цитадели, в которой был заключен мой отец в годы царизма и в годы первой мировой войны.

В рабочих районах «Повисле» и «Воля» прошли мои детские годы, там была школа, в которой я учился, там же я написал свои первые стихи, а в жестокие годы второй мировой войны, гитлеровской оккупации, в дни восстания 1944 года вместе с другими варшавянами оказывал отпор фашистам — разрушителям моего родного города. Тут, в Варшаве, я продолжаю жить и работаю для своего народа, для социализма, идеи которого запали мне в душу с юношеских лет.

Однако плохо понял бы меня тот, кто представил бы написанное выше таким образом, будто за деревушкой, где мой дед пас коров, за моей Варшавой я не вижу ничего другого, не вижу Польши.

О, нет! Все села и города моей страны так же дороги и близки мне, как и Ковалй и город на Висле. Я люблю горы моей отчизны. Самое большое (и, как утверждает критика, лучшее) из своих поэтических произведений я посвятил им. Я влюблен в наше море и считаю Краков, а не Варшаву самым красивым польским городом. Я восхищаюсь очарованием Вармии и Мазур, прелестью тамошних озер и лесов, и к некрасивой Лодзи я питаю теплые чувства. Так же, как жители Мазовше и Варшавы, близки и дороги мне силезцы и сандомирцы, хотя я и не бывал в чудесном старом Сандомире. Как я уже сказал вначале, Польша всегда для меня нечто вещественное, зримая, живая земля и живые люди. И еще, конечно, история этой земли и этих людей.

История Польши — это долгие века, наследие которых так или иначе живет в каждом из нас: в сознании одних — меньше, в сознании других — весьма буйно. Наша история богата гуманистическими, демократическими традициями, которые до сих пор способны питать самые благородные умы, быть стимулом для высокой гражданственности. Однако последние полвека нашей истории имеют особенно большое значение и вес. Это было полустолетие великих революционных перемен в жизни нашего народа. В этот период изменялся и продолжает изменяться каждый из нас. Начало этому было положено революцией 1905 года. Эхо ее доходит до нас и сегодня. Не без некоторой гордости я думаю о том, что и сам я не был только наблюдателем этих перемен, что и я — маленькая частичка их. С гордостью думаю я о том, что в эти революционные перемены было вложено нечто — пусть крохотное — и моими близкими: отцом, матерью, моими родными и друзьями.

И я хорошо помню то время, когда отец, слесарь-механик, работая до позднего вечера на заводе, находил время заглянуть в книги только ночью. А жажда учиться была у него неукротимая. Сын кузнеца, он очень недолго ходил в школу, потому овладевал знаниями с огромным трудом, уже будучи пожилым человеком и живя в очень тяжелых условиях.

Жаль, что молодежь народной Польши, для которой ныне широко распахнуты двери школ и вузов, еще мало знает об условиях, в которых жили, работали, учились ее отцы и деды. Для наших молодых это чуть ли не «древняя история», и добавим, несколько отвлеченная.

В те времена мой отец, родные и друзья отца вели тяжелую борьбу за перемены в жизни рабочего класса и своего народа. Они дрались против капиталистов и царского гнета. Некоторое время, еще перед первой мировой войной, мой дед работал на славном Путиловском заводе в тогдашнем С.-Петербурге. Примерно тогда же в русской столице работал и брат отца, по профессии обойщик. У того и другого в Петербурге было много друзей русских, и они не раз могли воочию убедиться, что поляки не одиноки в своей революционной борьбе. Из Петербурга в родную Варшаву они принесли твердую уверенность в том, что польские рабочие имеют мощного собрата и союзника в лице русского рабочего класса. Не раз, еще будучи мальчишкой, слышал я рассказы об этом от деда.

Вот почему для меня традиция осуществляющейся ныне в новой Польше прочной советско-польской дружбы — это опять-таки дело моей собственной жизни. И таких, как я, насчитывается в современной Польше очень и очень много.

Отец моей матери был сельскохозяйственным рабочим. Он никогда не владел и клочком земли, а на старости, как я уже говорил, ему выпала горькая доля пасти коров нашего помещика, имение которого было по соседству с деревушкой Ковалй. Дед не умел даже писать, а работать перестал, когда ему было уже за восемьдесят.

Я побывал несколько лет назад в Ковалях. Теперь и духа не осталось от помещика, которому принадлежала эта деревня и который из своих пышных вилл командовал всей округой. Земля по-прежнему родит зерно, но она стала иной: она в руках сыновей и внуков тех людей, которые вместе с моим дедом от зари до зари работали на барском поле. Это отнюдь не единичный образ, да и не писательское обобщение. Это живой, ощутительный результат социалистической революции в Польше.

Я беседовал с крестьянами, которые хорошо помнят моего деда, мать и ее сестер-батрачек. В километре от села построена новая школа, в которой учатся и дети из Ковалей. Ну, эти уж не будут похожи на моего неграмотного пастуха-деда! И спросите у любого из школьников, он вам скажет, что новая жизнь его ро-

дителей была бы невозможна без Великой Октябрьской революции, без помощи русских революционеров.

Войну и гитлеровскую оккупацию я, как уже сказано, пережил на родине. Мою мать в 1944 году замучили в лагере смерти Равенсбрук. Два брата отца погибли в концлагере после того, как было задушено гитлеровцами Варшавское восстание. Сам я тоже после Варшавского восстания оказался в концлагере и вышел оттуда живым только благодаря бурному и стремительному наступлению Советской Армии в феврале 1945 года. Когда говорят о Советской Армии, как об армии-освободительнице, то это понятие имеет для меня черты самые конкретные, живые, сросшиеся со всем пережитым мною лично. И опять-таки таких, как я, в Польше миллионы.

Когда я вернулся из концлагеря в родную Варшаву, столица Польши лежала передо мной сплошным гигантским кладбищем. На правом берегу Вислы — в Праге — жило около полутораста тысяч варшавян, в самой же столице, на левом берегу, не жил никто. Это было царство руин и пепелищ, где гулял по ночам единственный обитатель города — ветер.

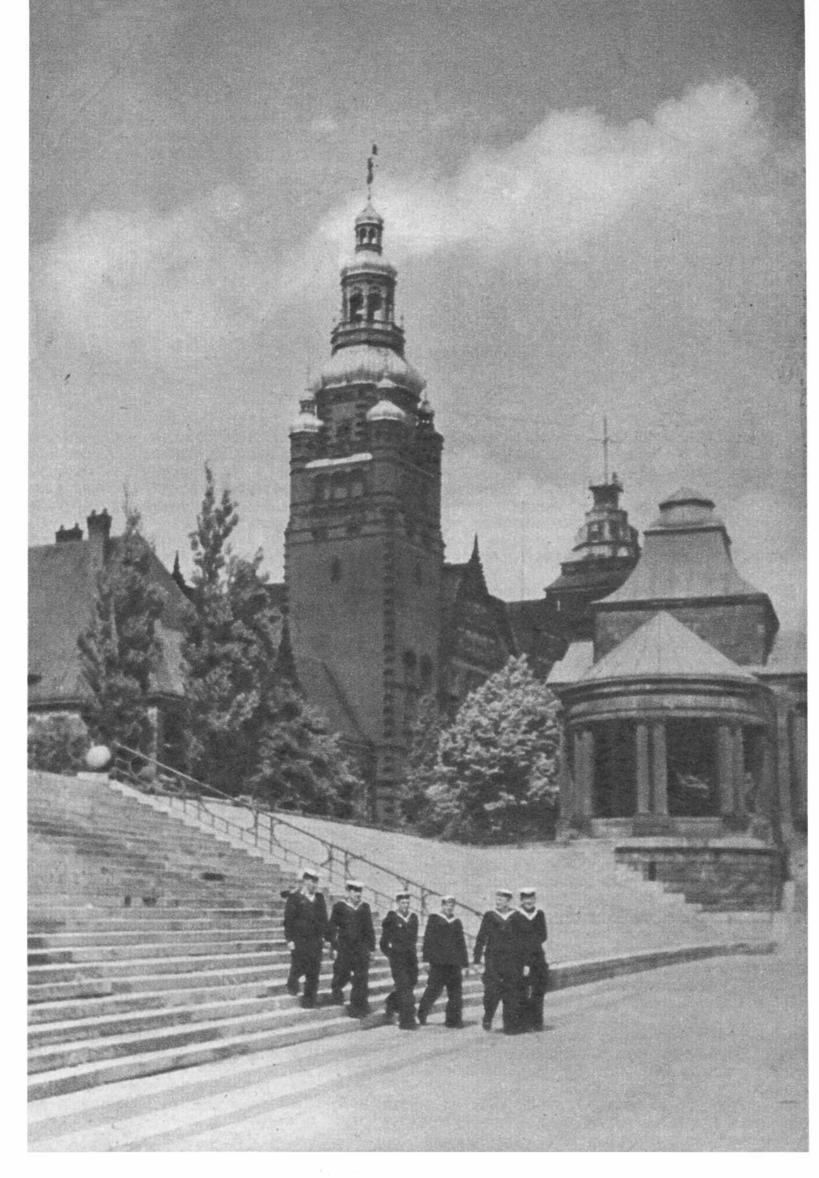
Сегодняшняя Варшава — снова живой, веселый, более чем миллионный город. Могу ли я забыть, что первыми, кто протянул нам руку помощи в восстановлении из руин любимого моего города, были наши советские друзья? Среди них были сыновья и внуки тех русских, с которыми 45 лет назад работал на Путиловском заводе польский кузнец, отец моего отца.

Когда я думаю о современной Польше, мысли мои обращаются прежде всего к тем переменам, которые произошли в ней после войны, которые происходят в ней сегодня и будут происходить завтра.

Я родился в стране, где добрая половина населения не умела читать и писать и потребление мыла было самым низким в Европе. Целые волости в поисках хлеба, которого они не могли найти на собственной земле, эмигрировали на чужбину, часто за океан: в Канаду, США, Бразилию. Сколько их безвременно кончило жизнь на корчевке девственных лесов, на постройке дорог в первобытных скалах, из-за изнуряющей, выматывающей работы на чикагских бойнях!

Мой отец, когда мне было два года, тоже попытал счастья в США, обманутый миражем заокеанского «золотого руна». После долгих скитаний по Америке он вернулся домой на одолженные у друзей деньги еще более нищим. Эта оказия дала ему возможность на собственной шкуре узнать хваленый американский образ жизни. Его рассказы были тем более интересны, что попал он в США во время гигантского экономического кризиса начала тридцатых годов.

Сегодня ни один поляк не имеет надобности искать хлеба за рубежом Польши. Земельная реформа и огромный размах индустриализации страны обеспечивают каждому поляку работу и хлеб на своей земле. Сегодня у нас есть и такие отрасли экономики, где ощущается резкая нехватка рабочих рук, в частности на селе, откуда в последние годы бурного

Щецин. Вал Болеслава Храброго.

развития промышленности молодежь уходила в города, чтобы увеличить ряды заводских рабочих.

Я снова побывал недавно в Ковалях. Сыновья соседей и друзей моего деда и отца — теперь молодые инженеры, врачи, юристы, художники, артисты, техники, научные сотрудники институтов, высококвалифицированные рабочие промышленности. Один из братьев моего отца, погибший в гитлеровском концлагере, был, как и мой отец, слесарь-механик. Сын его уже в народной Польше получил высшее образование, стал ученым и работает в Польской академии наук. Все это типичные факты, они сами красноречиво говорят за себя.

В жизни современной Польши немало трудностей. Поколению, к которому принадлежу я, недешево достался подъем страны из отсталости и упадка, до которых довели ее польская буржуазия и гитлеровские оккупанты. Этому поколению пришлось поднимать из руин наши города и села, наши шахты и заводы. Теперь мы строим крупные промышленные предприятия, перестраиваем деревню, чтобы обеспечить тем, кто придет после нас, работу и хлеб. Строим новые школы и расширяем вузы, чтобы широко обеспечить нашим детям их великое право — получить знания.

Естественный прирост населения Польши составляет теперь свыше полумиллиона человек в год. Зреющее на наших глазах новое поколение поляков предъявляет все более растущие материальные и культурные запросы. Мы должны помнить и об этом.

Польская революционная песня «Красное знамя», которой меня научил отец, говорит:

Никому не сдержать наш
могучий поток,
Нет на свете такого оружия!

Да, никому не сдержать победный бег социалистической революции. Но есть еще в мире темные силы, которые приводит в бешеную ярость это величественное движение вперед, начатое в России Октябрем и охватившее многие страны мира. Они хотели бы остановить его любыми средствами, повернуть вспять.

Мрачные силы реакции хотели бы и у нас, в Польше, столкнуть наш народ с пути к социализму. Нам грозят, как и всему лагерю социализма, все новыми видами оружия, шантажируют атомными и водородными бомбами, науськивают на Польшу бешеных псов, выкормленных еще на гитлеровской псарне. Им, видите ли, не нравится наш общественно-политический строй! Им не нравятся наши исконные, исторические северные и западные границы. В своем цинизме они зашли так далеко, что собираются даже нас... освобождать! От кого? Им хочется «избавить» наш народ от великих его завоеваний и великих обязанностей, которые он добровольно принял на себя.

Это было бы просто смешно, если бы гитлеры наших дней и их полупомешанные герольды не готовили новую разрушительную войну.

Правительство народной Польши, наша Польская объединенная рабочая партия, боевой авангард польского народа, проводят неуклонно политику мира. Наш народ, который столько выстрадал в войнах, особенно в последнюю, не желает больше никаких войн: ни «холодных», ни «горячих». Никаких! Так же, как Советский Союз и весь лагерь социализма, мы дали уже тысячи доказательств своих мирных устремлений.

Нет, мы не собираемся метать бомбы на головы наших ближних или дальних соседей. Мы хотим другого. Сегодня мы в Польше издаем много книг, больше, чем когда-либо прежде. Но мы хотим печатать их еще больше. Мы мечтаем о том, чтобы каждый поляк ходил в театр, чтобы в каждой семье был телевизор, чтобы все у нас слушали хорошую музыку.

Но мы не наивны. Международные атомные шантажисты вынуждают нас строить и укреплять свои народные вооруженные силы. Вместе с непобедимой Советской Армией и армиями других стран лагеря социализма они служат нашему народу гарантией, что трагедия сентября 1939 года никогда больше у нас не повторится!

Польский воин, связанный братством по оружию с воином советским, братством, закаленным в огне совместных боев, и общей пролитой кровью,— этот наш солдат, показавший свою отвагу в трудную годину, плечом к плечу с советским братом надежно охраняет мир своей родины, лагерь социализма и всего человечества.

Мы не угрожаем никому. Мы хотим, чтобы на всем земном шаре господствовал закон мирной жизни и дружбы между всеми народами. Для нас, польских коммунистов, для всех сынов народной Польши самое ценное на земле — человек. Мы не забываем об этом в повседневном труде и в часы отдыха, когда приходят мысли о прошлом и будущем нашей Польши.

Перевод с польского.

Варшава.

Жерань (в Варшаве). Завод легковых автомобилей.

Волк пойман...

Фото А. Бочинина.

НАРОДНЫЕ ИГРЫ

Вик. ВАСИЛЬЕВ

— Как! — изумленно восклицали, уткнувшись в программу, скептики.— Живой волк будет выпущен на дорожку ипподрома и орел его схватит? И это не в горах Тянь-Шаня, а вот здесь, в Москве, близ Ленинградского проспекта? Не может быть!

Но на этом необычном празднике на Центральном ипподроме в Москве, который действительно напоминал сказочный вымысел, происходило самое невероятное: орел настигал волка, юные всадницы в красивых костюмах состязались в головоломной скачке, всадники — двое на двое — соревновались в козлодрании (не очень благозвучное слово это обозначает на редкость увлекательную и мужественную игру!). Словом, дорогие наши гости — участники киргизской декады — показали яркое народное спортивное представление, где сила соперничала с выносливостью, смелость — с хитростью, ловкость — с быстротой.

...На дорожке, расшвыривая копытами грязь (увы, погода не была милостивой!), мчатся кони. На одном скачет «невеста», на другом — «сноха», на третьем — джигит. Это «кыз-куумай» — погоня за невестой. Обычай умыкать невест давно канул в прошлое, но веселая и мужественная игра эта очень популярна среди киргизской молодежи.

Джигит, который начинает скачку несколько позади, должен догнать невесту и на всем скаку дотронуться до ее головного убора. Это, так сказать, программа-минимум. В соответствии с программой-максимум жених должен поцеловать девушку, но когда в первой скачке джигит Нагман Маразыков сумел догнать Батыю Джунаушеву, он ограничился прикосновением к ее шапке (как сообщил диктор, «из скромности»).

Зрители оценили эту деликатность и наградили смелого юношу громкими аплодисментами. Но героине следующей скачки школьнице Айке Эмилкановой была устроена настоящая овация. Сумев ускакать от своего преследователя, она, увы, не проявила великодушия, а повернула коня и сама (таков обычай!) помчалась за джигитом. К великому удовольствию женской части зрителей, кыз хлестала неудачливого жениха плеткой по спине. Но и этого ей показалось мало, и тогда Айке добилась полного триумфа: сорвала шапку с головы посрамленного джигита.

...Перед трибунами степенно и важно выстраиваются седобородые старцы. На руках у них замерли орлы-беркуты, а у одного — сокол-сапсан. Это знаменитые в Киргизии охотники, чье искусство пользуется в народе огромным уважением. В самом деле, редким мужеством и терпением надо обладать, чтобы, разыскав в неприступных горах орлиное гнездо, похитить птенца, завоевать у него дружбу, а затем годами приучать гордую птицу охотиться вместе. Недаром самые знаменитые охотники — старики: самому «младшему» из них— пятьдесят два года.

К трибунам выносят длинные ящики. Вот они, волк и лиса! Зрители притихли. А тут еще диктор подлил масла в огонь, предупредив фотокорреспондентов, чтобы они отошли подальше, так как волка выпустят несвязанным и «никаких гарантий нет». Но бывалые репортеры и ухом не повели: во-первых, в кои-то веки заснимешь еще живого волка, а во-вторых, показать, что ты боишься зверя сейчас, когда только что демонстрировали мужество девушки?..

И все-таки непослушных призвали к порядку, после чего сокол Чалагыза Иманкулова настиг поочередно двух уток, а орел Сыдыка Эгенбаева поймал сначала лису, а потом и волка. Оба хищника отнюдь не собирались сдаваться без боя, и беркуту, к гордости хозяина, пришлось блеснуть всем своим искусством, причем орел так вошел в роль, что его с трудом оторвали от жертвы, если это слово применимо по отношению к волку...

Хотя моросил мелкий дождь и было холодновато, участники соревнований по национальной борьбе «куреш» выступали обнаженные до пояса: такова традиционная форма борцов.

Последней парой выступали борцы тяжелого веса—студент из Фрунзе Усен Абдыкеримов и тракторист Иссык-Кульской области Зарлык Асанкулов. Честно говоря, зрители ожидали, что дюжий тракторист быстро добьется победы. Но студент, изловчившись, бросил соперника на ковер и выиграл схватку.

Когда начались скачки «кыз-жарыш» и «келин-жарыш» (скачки девушек и невесток), мой сосед сказал:

— Посмотрите, как замечательно, прямо-таки по-мужски держатся девушки в седле!

Всадницы ни в чем не уступали джигитам — ни в искусстве верховой езды, ни в смелости, ни в лихом азарте, без которого, наверное, немыслима скачка.

О том, насколько популярна среди киргизок верховая езда, можно судить хотя бы по тому, что в скачках девушек и невесток участвовали несколько школьниц, две артистки, работница, колхозница, бухгалтер и студентка. Первой закончила двухкилометровую дистанцию школьница Бермет Быржибаева.

В киргизском народе всегда пользовались особым уважением мужественные, сильные, выносливые люди. Недаром любимый персонаж народных сказаний Манас наделен, подобно русским былинным героям, богатырской силой и ловкостью.

Именно поэтому так популярны в Киргизии «оодарыш» — борьба на лошадях, где надо свалить противника на землю, и «улак-тартыш» — упоминавшееся уже козлодрание, где участники, отнимая друг у друга тушу козла, стараются затем забросить добычу в финишный круг. Оба эти состязания, где гости вызвали бурю восторгов высшим классом джигитовки, непревзойденной ловкостью и отвагой, покорили сердца москвичей, которые тут же «заболели» этими увлекательнейшими видами киргизского народного спорта. Во всяком случае, двукратным победителям в «улак-тартыше» колхозникам Тянь-Шаньской области Окошу Базарбаеву и Тавану Эргешову достались особенно горячие приветствия.

Закончился этот необыкновенный праздник, как и начался, скачками, на этот раз мальчиков от десяти до шестнадцати лет. Если всадницы ни в чем не уступали джигитам, то мальчики не уступали ни тем и ни другим.

Погоня за невестой.

КАК РОЖДАЛАСЬ КАРТИНА

Образ великого Ленина — неистощимый источник вдохновения советских художников. Предо мною стояла увлекательнейшая и труднейшая задача — написать Ленина в окружении молодежи.

Эта тема дорога мне потому, что я люблю молодежь, отдал ей около 30 лет своей педагогической работы и думаю, что знаю ее. Естественно, что у меня, художника историко-революционного жанра, родилась картина «Ленин на третьем съезде комсомола».

Кратко о том, как она создавалась. Срок был жесткий: произведение должно было быть готово к выставке через год после предварительного эскиза. Я пригласил помощников — молодых художников Соколова, Чебакова, Тегина, Файдыш-Крандиевскую. В тесном содружестве мы написали картину.

Значительное время ушло на сбор материала. Во многом мне помогли воспоминания участников съезда. Особенно благодарен я поэту А. Жарову, давшему нам ценнейший изобразительный материал. По воспоминаниям участников съезда можно было ярко представить себе эту разноликую массу юношей, девушек, одержимых единым желанием послушать, что скажет человек, образ которого, как идеал, как воплощение ясной мысли, высочайших стремлений к освобождению человечества от вековой эксплуатации, носил каждый комсомолец в своей груди.

Время было трудное. Даже для выступления Ленина можно было включить в люстре только несколько ламп, горевших в полнакала. Но зал был до отказа переполнен молодежью. Она приехала с котомками, в которых были краюхи хлеба, в самых разнородных одеяниях — и во фронтовых шинелях, и в полушубках, и в легких пальтишках, в косынках, буденовках и кубанках, со всех губерний Российской республики.

Все они готовы были ринуться на подвиг, на спасение революции, отдать за народ свои молодые жизни и ждали только слова великого вождя. Вот он сейчас призовет их к этому.

Ленин задает вопрос: как вы думаете, какая главная задача сейчас стоит перед молодежью? Все ждут, что Ленин скажет «ринуться на Врангеля». И вдруг такая неожиданность. Ленин говорит: учиться, учиться и еще раз учиться. Вот этот момент и изображен в картине.

Трудность композиции для нас заключалась в том, что надо было так построить картину, чтобы показать лица молодежи и лицо говорящего Ленина. После долгих поисков была наконец найдена показавшаяся нам наиболее выгодной точка.

Мы получили много хороших отзывов о картине, услышали много теплых слов. Но это не значит, что мы довольны решением образа великого Ленина. Каждый из нас будет работать и стремиться к воплощению того народного образа, который живет в сознании советских людей, в нашем «художественном сердце». Это очень трудно, но возможно.

Народный художник СССР
Б. ИОГАНСОН

Б. В. Иогансон, В. В. Соколов, Д. К. Тегин, Н. П. Файдыш-Крандиевская, Н. Н. Чебаков. ВЫСТУПЛЕНИЕ В. И. ЛЕНИНА НА III СЪЕЗДЕ КОМСОМОЛА.

Ю. Д. Абрамов, Н. А. Ращектаев. НА ФРОНТ.

Всесоюзная художественная выставка «40 лет ВЛКСМ».

Два рассказа

Анна КАРАВАЕВА

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Наш артиллерист

ОТ АВТОРА

Несколько лет назад в одной читательской аудитории, где было много молодежи, мне задали вопрос: какие воспоминания храню я в памяти о разных поколениях нашего советского комсомола? Я ответила, что мне довелось близко наблюдать жизнь первого поколения нашего комсомола в годы моей педагогической работы в совпартшколе в Сибири и в Поволжье (с 1920 по 1928 год). Меня попросили рассказать, что я помню о тех далеких годах. Конечно, многое стерлось в памяти, но некоторые живые черты тех лет она сохранила. Так и были рассказаны мной несколько историй о том, как училось это первое поколение Ленинского коммунистического союза молодежи. Теперь, когда весь народ отмечает сорокалетие нашего комсомола, я предлагаю эти истории вниманию читателей.

Этот коренастый парень с красновато-смуглым, будто навсегда обветренным лицом и острым, как бы далеко прицеливающимся взглядом небольших коричневых глаз сразу выделился среди нескольких десятков юношей и девушек, которые пришли экзаменоваться. Парень сидел по-военному подтянутый; на старенькой, но отлично проглаженной гимнастерке медные пуговицы сияли, как новые, а выставившиеся из-под школьной парты уже не раз подлатанные сапоги блестели свеженачищенной юфтью.

Положив свободно на парту крупные руки с сильными пальцами, парень очень внимательно следил за ходом экзамена. Временами его ершистые рыжеватые брови хмурились, а в темных глазах зажигалась какая-то тревога. Но чувствовалось, что он старался приглушить это настроение и принимал вид еще более подтянутый и независимый.

КАК РОЖДАЛАСЬ КАРТИНА

...Гражданская война. Республика Советов в кольце фронтов. На борьбу с многочисленными врагами партия бросила все силы. Комсомол, передовой отряд молодежи, как один, поднялся по призыву Ленина на защиту Родины и революционных завоеваний. Листки со словами «Райком закрыт. Все ушли на фронт» появляются на дверях райкомов комсомола.

Тема нашего произведения была решена. Поиски композиции, строй картины определились именно этими словами, вошедшими в историю: «...Все ушли на фронт».

Сперва композиция была сложной, многолюдной: у здания райкома стоял отряд молодежи, готовый в дорогу; знамя, санитарная повозка, пулеметы, ящики с патронами... Но скоро мы почувствовали, что композиция перегружена, и решили многие детали удалить, сделать ее предельно лаконичной, простой. Постепенно отряд ушел на дальний план, а на переднем остались всего три человека: паренек, бывший студент, прибивший на дверь листок и торопливо пишущий на нем; молодой рабочий в кожанке с комсомольским значком на груди, в конармейском шлеме и красных «лихих» брюках, и ездовой, крестьянский паренек в кожухе, сдерживающий рвущихся вперед коней, впряженных в тачанку.

Работа над картиной дала нам большое творческое удовлетворение.

Сейчас обдумываем другую картину, тоже посвященную комсомолу, и, очевидно, герои картины «На фронт» будут участвовать в ней.

Ю. АБРАМОВ, Н. РАЩЕКТАЕВ

Когда дошла до него очередь, он ровной, военной походкой подошел к столу и стал твердо, как на смотру.

— Лазарев Степан,— произнес он хрипловатым, словно простуженным голосом, какой бывает у людей, долгие часы проводящих на холоде.

На вопрос, в какой части он служил, Лазарев ответил с горделивой краткостью:

— Артиллерист-наводчик.

Отвечал Степан Лазарев толковее многих, показывая не только политическую грамотность, но и некоторую начитанность. Экзаменаторы довольно переглядывались: вот и еще хороший парень, вполне развитой и, конечно, очень способный!

— Ну-с, дорогой наш испытуемый, теперь вам остается только написать небольшой диктантик! — весело сказал седовласый представитель губоно, старый преподаватель русского языка и литературы.

Он начал диктовать, а «испытуемый», стоя, по обычаю, за доской, довольно бойко застучал мелком.

Когда перевернули доску, все члены приемочной комиссии пораженно ахнули: беспорядочные, кривые строки на доске не имели решительно ничего общего ни с диктантом, ни с русским языком вообще!

— Это что же... что же такое вы натворили, молодой человек? — задохнувшись от возмущения, спросил старый педагог.

Степан Лазарев ответил спокойно, с искреннейшим недоумением:

— По-русски же написано.

— По-русски?! — гневно передразнил старик.— Великий русский язык для вас просто terra incognita!

— Что? — не понял Лазарев.

— Terra incognita, то есть неизвестная всем земля, нечто совершенно не-ве-домое!.. — И, резко повернувшись к комиссии, представитель губоно, весь побагровев, отчеканил: — А вам, молодые педагоги, да будет стыдно, что вы допускаете к испытаниям эту абсолютную безграмотность!.. Нет-с, в таких делах я, старый словесник, вам не помощник!

Когда дверь за ним захлопнулась, в комнате наступило тяжелое молчание.

Степан Лазарев молча пробежал взглядом написанные его рукой строки и недоуменно пожал плечами:

— Но ведь по-русски же написано!

— Э-эх, брат, скопище русских букв, брошенных как попало, еще не значит, что это русский язык! — с явным огорчением заметил Степану член губкома комсомола.— Но как же все-таки ты артиллерист, а оказался таким безграмотным по письму?..

— Как артиллерист я бил куда следовало: в Колчака, в интервентов,— объяснил Лазарев.— Вот учеником никогда не был, ни одного денька не пришлось сидеть за партой.

Кратко отвечая на вопросы, он рассказал, как, оставшись круглым сиротой, с десяти лет начал батрачить на помещичьем дворе.

— Вся крестьянская Россия, как сирота, жила, так что уж обо мне говорить!.. Вот потому школы я и не видел,— заключил он с печальной улыбкой, теперь поняв, что его постигла огромная неудача.— Грамоте я самоуком учился, кучер барский мне буквы показал... Ну, а политическое развитие потом от жизни на фронте получил.

Нет, этому человеку нельзя было отказать, надо было обязательно «вытянуть» нашего артиллериста, и мы записали в своем общем решении: принять условно после того, как «в сжатые сроки» он научится писать правильно.

— Недаром я писаний всяких избегал: конечно, слабость свою чувствовал...— признавался он, недовольно хмурясь.— А теперь на поверку выходит, что я как во тьме бродил!

Чтобы вывести Степана Лазарева из этой «тьмы», надо было прежде всего, помня об отпущенных ему «сжатых сроках», выбрать самый краткий путь подготовки к испытанию по родному языку, которое предстояло ему. Нечего было и думать, конечно, о том, чтобы недавний артиллерист-наводчик избрал путь обычного заучивания готовых правил, примеров,— нет, этот, так сказать, детский путь совершенно не годился для него. С ним нужно было идти от смысла, от живого опыта.

Повторив и разобрав по косточкам «разнесчастную диктовку», как ее назвал Лазарев, мы с ним пошли «от самого корня»: что же именно привело дело к такому скандальному концу?..

Лазарев долго вглядывался в неровные и корявые свои строчки, мрачно морщась и потирая лоб.

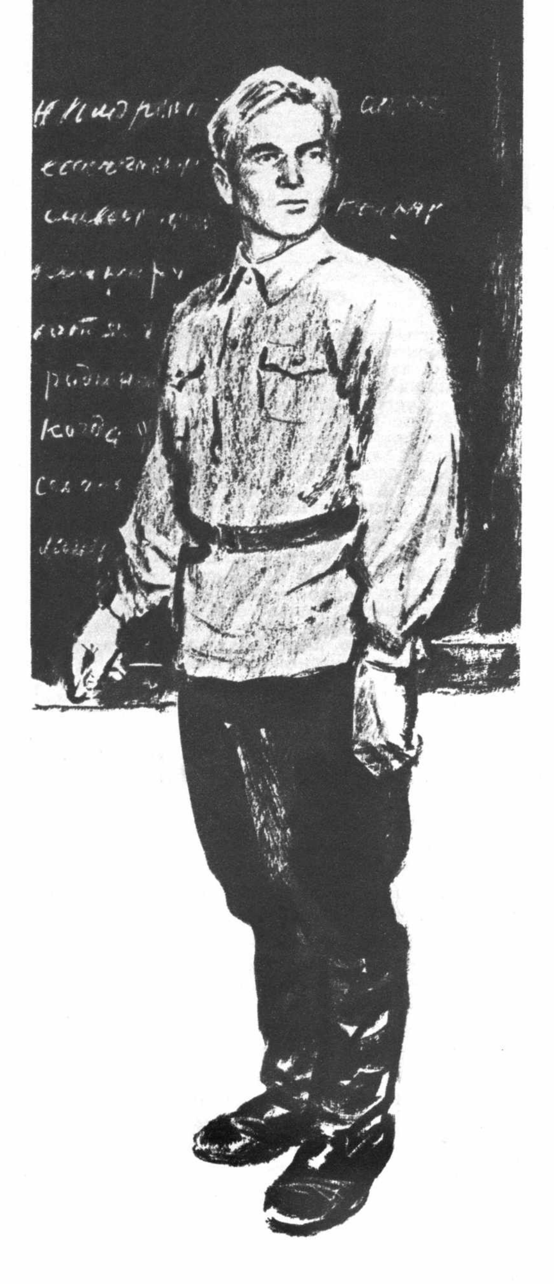
— Д-да... ниточку тут надо найти... — бормотал он.

«Ниточку» эту, как оказалось, он и раньше видел, но только теперь начинается серьезный разговор о том, что его всегда ставило в тупик, а как выбраться из него, он не знал.

— Что пишется вместе, а что отдельно, и почему? — наконец спросил он.— Вот в какой беде надо разобраться!.. И сколько всяких махоньких слов так и лезут, так вот и лезут на тебя отовсюду, всякие там «в», «с», «к», «на», «под», «над», «при», «об», «от»! Фу, черт, разве это настоящие слова?.. Ухом их ловлю, слышу, как толкутся они возле необходимых слов: «солнце», «хлеб», «дом», «земля», «человек» и так далее,—а куда эти словца в одну — две буквы приспособить, не знаешь... Вот и толкаешь их куда попало... Я вот думаю, может, лишние какие правила тут нагорожены, чтобы зря людям мозги засорять?.. Фу ты, право!.. «Под», «над», «об», «от»!..

«Ниточка» словно сама просилась в руки: вот с этих столь нелюбимых «махоньких» слов мы и начнем.

Сначала, недоверчиво усмехаясь, Лазарев проделал назначенные ему простые задачи: положить книгу на стол, взять ее со стола, сесть за стол, отойти от стола, положить книгу в ящик стола, а потом — под стол и так далее. Таким образом были «обыграны» и другие предметы. Каждая из этих задач немедленно записывалась Лазаревым. Записав, он, как и было ему сказано, неторопливо прочитывал написанное, отчеканивая каждое слово. Изумленная улыбка все чаще озаряла его лицо: он записывал все увереннее и уже не ошибался!

— Что должно быть отдельно, то и записано отдельно, все на своем месте! — радовался он, глядя в свою тетрадь. Потом, помолчав, вдруг по-детски звонко расхохотался.— А почему, позвольте спросить, я расхаживал то туда, то сюда, по-разному вещи передвигал и так далее? Почему я ни разу не ошибся, а? Да потому, что вот эти маленькие словечки...

— Они называются предлогами, товарищ Лазарев, предлогами.

— Да, да, потому что вот эти самые предлоги мне указывали: «от», «у», «за», «к», «в», «над», «под». Вот как! — радостно произнес он.

Тогда мы двинулись дальше. Итак, он убедился, что эти слова, которые ему так «мешали», очень точно обозначают движение, направление, противопоставление одного другому, начало или прекращение действия, обозначение места и еще многие оттенки русской речи.

— Да, зарубка вот здесь уже сделана! — снова подтвердил Лазарев и выразительно похлопал ладонью по лобастой голове.— Теперь я не спутаю, будьте спокойны!

А сейчас полезно было бы ему перейти к новому кругу знаний о русском языке — к образованию новых слов с безграничным многообразием заключенных в них понятий. Дети изучают все это, конечно, постепенно, годами, а ему уж придется двигаться со скоростью курьерского поезда; и чем больше он будет до нового доходить сам, тем глубже и прочнее все усвоит. Вот если он так же окажется внимателен, как и терпелив, ему обязательно нужно будет совершить множество «разведок» в одну сокровищницу русского языка, о которой он едва ли знает.

— Где же она? — спросил он, удивленно оглядываясь. И увидел четыре толстых тома с золотым корешком, уже достаточно подержанных. — Что это?.. А!.. «Толковый словарь»...

Он бережно снял с полки и подержал в сильных руках всю книжную стопу (словарь В. Даля), словно взвешивая мысленно ее значение для себя.

— Это как же понимать: здесь он весь, наш русский язык? Весь? Вот так штука-а!.. И даже со всеми говорами, всех губерний и уездов? Да ну-у? Но как же этакую махину слов можно было записать? В жизни я ни о чем подобном не слыхал!..

Пришлось в общих чертах рассказать о многолетней работе Владимира Даля, а затем о последующей работе русских ученых над словарем. Лазарев слушал очень внимательно, поблескивая темными быстрыми глазками.

— Д-да!.. Могу себе представить, такому делу, ей-ей, стоит всю жизнь посвятить!.. Но как к этой махине,— он уважительно кивнул в сторону четырех толстых томов на книжной полке,— можно подступиться вот такому, как я? Что я тут пойму?..

А школа революционной борьбы, упорства, смелости, боевого братства и единства нерушимого, которую он прошел на фронтах гражданской войны? Вот же сам он говорит, что эта школа «многого стоит», «что она дороже богатства» и «навечно в сердце»,— так вот эта школа ему и поможет!

— Хорошо бы... Эх! — взволнованно вздохнул он, оглядывая все четыре тома, которые сейчас лежали перед ним на столе, раскрытые, будто радушно зовущие его к себе.

Он прочел и вписал десятки слов, целых фраз, пословиц, поговорок, стихотворных строк, где, как он воочию убедился, действовали столь нелюбимые «ненастоящие словишки».

— До чего же интересно получается! — заговорил Лазарев час спустя.— Будто ведь и малость какая, а смысл-то совсем иной! Скажем: «я тебя, ты меня звал» — это одно. А вот «я тебя отозвал»,— ясно, в сторонку, чтобы только тебе что-то сказать. А вот: «я тебя призвал на помощь» — снова иное! А вот: «меня призвали в армию»... Однако нет, я сам на призывной пункт пришел, добровольцем записался. Опять иной смысл. Еще вчера я это слово надвое бы рассек, ей-ей: «добро», мол, само по себе и «волец» тоже. А вот когда обо мне записали «доброволец», тут все ясно: свободно, своей доброй волей стал я красноармейцем, потом комсомольцем, артиллеристом... Нет, тут ничего не рассечешь, тут все одно слово, как литое!..

Как с досадой говорил Лазарев, несколько «заузилось дело» с очень «хлопотными» для него «не», «ни», «некто», «никто», «ничто», «никогда», «некогда». Но и это он в конце концов преодолел. Зато, по собственному признанию, с ходу врезались в его емкую память слова, которые «от своего корня целые толпы слов породили».

Ему бесконечно нравились такие, например, коренные слова, которые он называл еще и по-своему — «родительскими»: «земля», «гора», «дорога», «лес», «ум», «правда», «дума»...

Мы, кучка молодых педагогов, готовя Степана к испытанию, не только давали волю его излияниям, но даже считали их полезными для дела. Мы шутили между собой, что в основном верно «прочли» характер нашего подшефного: эта целеустремленная натура только тогда полно и живо впитывала в себя новое, когда оно подталкивало мысль и фантазию.

— «Земля»!.. Этакое слово большое, будто на тысячи верст раскинулось!.. И любое слово от ее корня возьми: «земляк», «землянка», «землетрясение», «землемер» — отовсюду звучит она, земля, земля-матушка, и будто глядит на тебя сквозь каждую букву! Или взять совсем короткое слово — «род», а сколько же слов от него пошло! Тут тебе: «отец», «мать», «сын»,— то есть родной, родня. А дальше бери шире: «родина»! В древние времена род шел на род, и получилось большое слово — «народ», а из него — «народный», «народоведение», «народовластие», «народонаселение»... Но тут же, если пойдешь от этого слова — «родной»,— услышишь: «родненький», «родимый», «родниться», «породниться». А вот тебе «родник», родниковая вода—чище и слаще ее нету!.. От родника растекаются роднички, маленькие, тоненькие, как жилки, и до чего же дорого их в лесу встретить, жажду утолить!.. Эх, товарищи учителя!

Лазарев вдруг бурно взъерошил высокий бобрик жестких рыжеватых волос.

— Подумать только, каких знаний лишала меня батрацкая доля! Низкий поклон всем вам, кто мне эти знания открыл, к языку родному путь открыл! — И Лазарев с торжественным и строгим лицом склонился над своими записями.

Получив разрешение от каждого из нас читать книги и в наше отсутствие, Лазарев пользовался этим правом тактично и деловито, стараясь никому не мешать. Он знал, что в каждой учительской комнате ему уже приготовлено задание: упражнение для письменных работ, списывание на разные темы, чтение отрывков из произведений классиков русской литературы, заучивание наизусть хотя бы нескольких поэтических строк по его собственному выбору. Конечно, как истые старатели, мы назначали ему большие дополнительные задания, но другого выхода не было. Правда, порой, спохватившись, мы спрашивали, не слишком ли трудна ему программа, составленная несколькими ревнителями русского языка для него одного.

— Нет,— решительно отвечал он,— когда в атаку идешь, о гладкой дорожке не спрашивай!

Детишки мне иногда рассказывали, что опять был дядя, который «сам с собой разговаривает» и при этом любит повторять: «А сейчас опять пойдем в атаку!»

— «Пойдем, пойдем», а сам у стола сидит и пишет!

Экзамен по русскому языку был назначен Лазареву в конце первого учебного полугодия, перед самыми каникулами.

— Достанется тебе русский язык, артиллерист! — сочувственно подшучивали курсанты.

— Пусть достанется, зато и навек останется! — афористически отвечал он.

Сочувствовали ему еще и потому, что от испытания по русскому языку зависела дальнейшая судьба его образования.

— Сделаешь несколько ошибок в письменной работе — и прощай совпартшкола!

Лазарев всегда об этом помнил, и тревога все чаще мелькала в его быстрых и умных глазах. Но как военный человек, привыкший при всех обстоятельствах держаться спокойно, он выражал это по-своему и с пользой для своей подготовки. Улучив момент, когда в общежитии курсанты отдыхали, Лазарев начинал отчитываться по курсу русского языка. Об этих отчетах нам, учителям, скоро стало известно от курсантов.

— Право, силен наш артиллерист, прямой наводкой действует!.. Ему польза, потому что он просит проверять его, а для нас тоже проверка знаний, а кроме того, интересно: вечер вопросов и ответов, вроде спектакля!..

Однажды вечером, войдя в боковую дверь большой комнаты общежития и оставшись незамеченными, мы попали в самый разгар беседы. Наш артиллерист, стоя посреди комнаты, с дружеским видом укорял кого-то:

— Нет, ты напрасно успокаиваешься, будто родной наш язык проще всего нам дается... Нет, шалишь! Даже обыкновенный разговорный язык вырабатывается, бывает богатым, культурным или серым, как домотканый холст. Я столько передумал за эти недели и пришел к выводу: если нет у человека настоящего знания языка, если нет любви к нему, если он не чувствует, сколько в родном нашем русском языке богатства всякого, силы, разума и красоты великой,— ничего путного из этого человека не получится!

Кто-то спросил его, а за что именно он любит родной русский язык.

— Ого-го! За что? — гордо вскинулся Лазарев, и вдруг его коренастая фигура будто стала выше, а сам он — старше. Он заговорил страстным, звучным голосом, широко размахивая руками, будто хотел как можно более зримо показать все, что стало понятно и дорого ему самому. Его речь не была особенно последовательной, но жар был равен ее насыщенности мыслями, сравнениями, примерами, стихотворными, прозаическими поговорками, пословицами... Все учебные наименования русской речи принимали в устах нашего артиллериста живое, как бы даже пластически ощутимое выражение. Есть ли хоть в одном языке мира такая многообразная, богатейшая разработка, например, такой части речи, как глагол, тысячи тысяч слов, обозначающих действия или состояния предмета? Когда всерьез заду-

маешься и начнешь это изучать, будто все дальше и дальше устремляешься в глубины родного русского языка — очень верно учителя употребили это название — глубины языка! И он, погружаясь в эти чудные глубины, вынес оттуда зарядку на всю жизнь и обещает другим передавать, что сам пережил. Как искрящиеся светом и красками сокровища, Лазарев перебирал множество глаголов, имен существительных, прилагательных, наречий, тут же призывая прочувствовать и прославить «великую заслугу многих и многих поколений русского народа», который создавал этот великий и могучий язык!

— Ничего я этого не знал, товарищи, когда при поступлении в школу по русскому языку провалился!.. Правду говоря, вначале я обиделся, хотя и виду не показал: не последним человеком был я у себя в артиллерии, а тут и срезали меня!.. А теперь признаюсь: всем бы такую школу пройти!

— Да, парень, развязали тебе язык!.. Слушая тебя, даже о куреве забываешь! — громко произнес самый старший из курсантов, бывший партизан, уже отец семейства, поэтому все звали его по имени-отчеству.

Пока шел этот разговор, мы, учителя, сидя в уголке, довольно переглядывались между собой. Не бог весть какие мы были методисты, и наши общие старания и воздействие на волю и разум этого способного парня шли больше от сердца. Мы тоже были горячие, молодые головы и заразили его нашей увлеченностью и любовью к тому, что знали сами.

Увидев учителей, наш артиллерист ничуть не смутился: ведь с нами начал он думать вслух.

— А я тут опять репетицию себе устроил,— с серьезным и строгим лицом сказал он.— До вторичного моего испытания уже считанные дни остались!

Кто-то спросил у нас, будет ли присутствовать на испытании «сердитый старикан» из губоно, который так беспощадно «срезал» Степана. Признаться, молодым учителям не очень хотелось встретиться вновь с требовательным «стариканом».

— Как бы и сейчас не придрался он опять к нашему артиллеристу!

Курсанты тоже были явно против «старикана», и уже раздались голоса, что лучше его вовсе не приглашать.

— Нет, зачем же так?.. — раздумчиво проговорил Степан.— Старик просто обязан был тогда меня срезать... Уж если нужен представитель губоно, так пригласить надо, по-моему, только его.

А «старикан», кстати, сам вспомнил о Степане.

Перед экзаменом мы не упустили случая и немало нового рассказали старому словеснику о нашем подшефном. Одобрив его старание, старый словесник высказал предположение: может быть, полезней всего задать сейчас нашему артиллеристу сочинение на вольную тему? Мы с восторгом это поддержали.

По тому, как блеснули глаза нашего артиллериста, мы поняли, что ему прежде всего хочется излить на бумаге все перечувствованное и передуманное за эти месяцы напряженной подготовки.

Старый словесник, прочитав сочинение, сразу вызвал к себе артиллериста.

— Ну, молодой человек, поздравляю вас!.. «Мой родной великий русский язык» — отличное заглавие для сочинения: оригинально, душевно и, знаете, так по-русски вдумчиво!..

Нам показалось, что в эту минуту в глазах нашего артиллериста что-то жарко сверкнуло, но, возможно, это был просто лучик декабрьского солнца, которое щедро сияло в чистой голубизне морозного неба.

Федя Морской

Пожалуй, это был самый незаметный из всех принятых в школу осенью двадцать второго года. Маленький, узкоплечий, землисто-бледный, он напоминал истощенного подростка, на котором одежда сидела как с чужого плеча. Его большой костистый нос, который уныло и смешно торчал над впалыми щеками, некоторые ребята сразу высмеяли: «Вот так нос! На троих рос, одному в награду достался!»

Только темно-карие, глубоко запавшие глаза новичка могли привлечь внимание своим сосредоточенно-задумчивым выражением.

Двигался он медленно, временами потирая колени, да и подниматься с места ему тоже было трудно.

— Эй, Федор, откуда ты такой хилый, будто из старого перешитый? — спросили его с бесцеремонностью здоровой молодости.

— Я в госпитале больше года пролежал,— отвечал он без тени обиды.

— Ранили тебя, что ли?

— Нет, без ран обошлось.

— А зачем тогда в госпитале валялся?

— Ноги пришлось лечить.

— Ноги? Да сколько лет-то тебе, голова?

— В январе девятьсот третьего родился.

— Эка, тебе еще двадцати нет — и уже ноги! Только у стариков ноги болят... Что ты нам сказки рассказываешь?

— Я правду говорю,— терпеливо отвечал Федор.— И у молодых, случается, ноги болят. Ревматизм у меня сильный.

— Фу ты, опять не как у людей!.. Где же тебя угораздило?

— В армии был. Простыл.

— И мы без малого все в Красной Армии, а вот ревматизм нас и не коснулся.

— Всяко бывает,— с тем же неистощимым терпением возразил Федор.

— Чудной какой-то! — недоумевали многие.

У большинства всегда в запасе были шутки и прибаутки, многие любили «задирать» друг дружку только ради острого словца. А Федор ни с кем не спорил, словно и вообще не умел ни на кого сердиться. На вопросы он отвечал кратко, что некоторым его сокурсникам тоже не нравилось. Что за характер! Каждое слово хоть клещами из него вытягивай!..

Учился он старательно и ровно, за книгами мог сидеть часами, и тогда худенькое носатое лицо его принимало выражение глубокого удовлетворения и тихой радости. Если его просили что-либо разъяснить, сразу шел навстречу и здесь не жалел слов, чтобы спрашивающему все стало понятно.

И все-таки на Федора товарищи часто досадовали, утверждая, что он хотя и сидит среди людей, а сам думает о чем-то своем.

Иногда дернут его за рукав или насмешливо спросят:

— Эй, Федя, Федя! Куда тебя думушка унесла?

— Я тут, со всеми,— отвечал он глуховатым баритоном, а запавшие глубоко темно-карие глаза сосредоточенно смотрели куда-то вдаль.

Озорноватый балагур и гармонист Паша, широкоплечий здоровяк с пышной копной кудрей, особенно невзлюбил Федора.

— Хочешь, я тебе земно поклонюсь, скажи только: о чем ты думаешь?

— О многом,— спокойно отвечал Федор.

— А ты расскажи, расскажи мне свои думки!

— Разве можно думы пересказать? — терпеливо усмехнулся Федор.

Однажды хромой сталеплавильщик Саша, сосед Федора по комнате, получив от старшего брата письмо, прочел его вслух. Брат писал, что у его жены открылся туберкулез и врачи настоятельно требуют переменить климат, переехать в Крым.

Федор такое намерение одобрил и назвал несколько крымских мест, где больная женщина обязательно поправится.

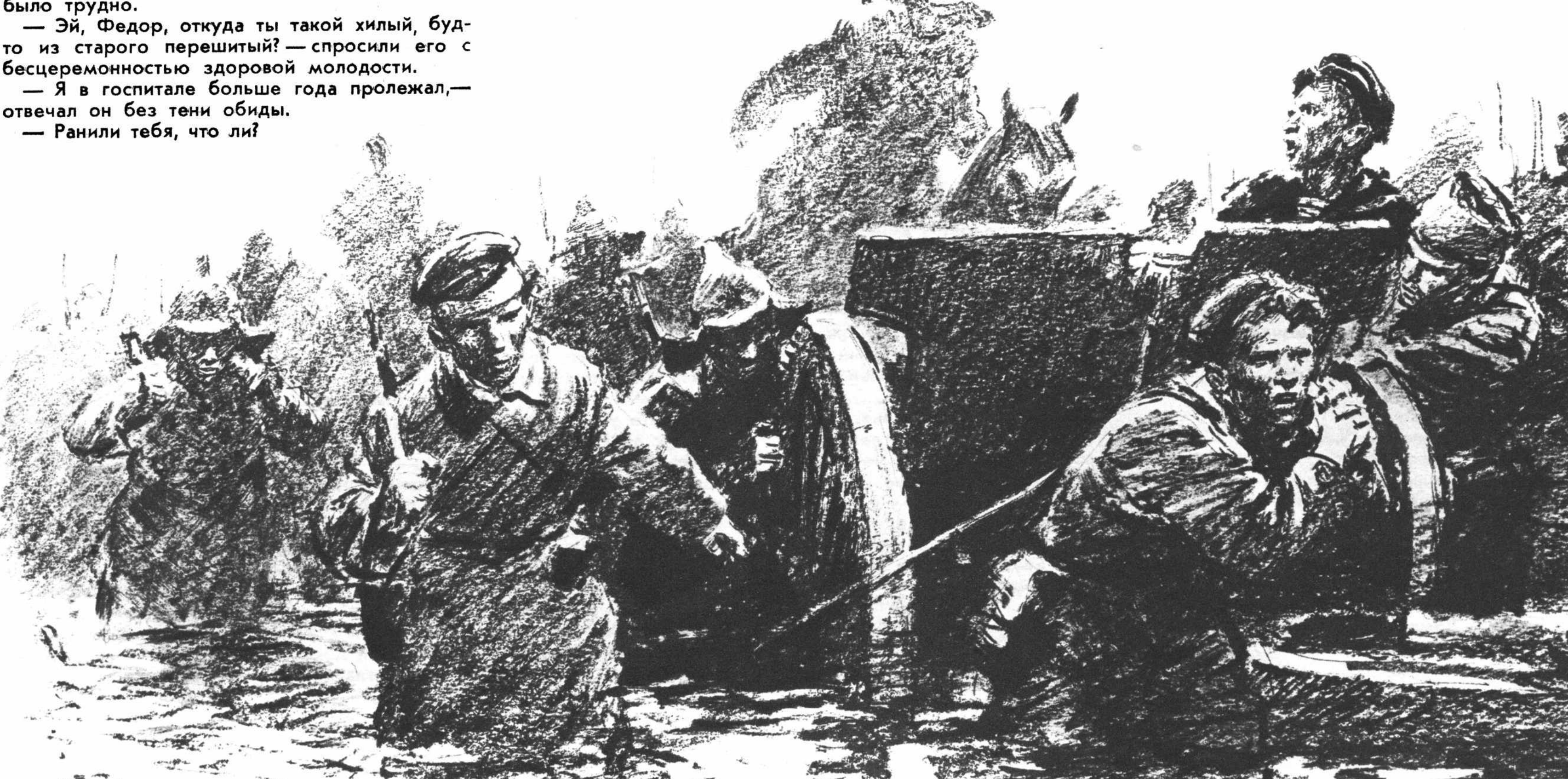
— Значит, ты бывал в Крыму, Федя? — удивился бывший сталеплавильщик.

— Весь Крым прошел, до самого Черного моря. Туда мы Врангеля и сбросили.

— Стой-ка, Федя... Да уж не на Перекопе ли ты был?

— Там и был... Перекопско-Чонгарская операция...

— Так ведь тогда Сиваш переходили, Федя?

— Да... Переходили Сиваш, Гнилое море,— спокойно повторил Федор.

— И ты переходил? — заволновался собеседник.

— Армия переходила, и я тоже.

— Батюшки, да что же ты молчал о таком деле, головушка?

Федор с улыбкой развел руками.

— Так я же не один, а вместе с людьми... Новость вмиг облетела общежитие.

Трудно было себе представить в те давние годы грамотного человека, который ничего не знал бы о легендарном наступлении Красной Армии, о переходе через Сиваш, Гнилое море.

Как же должна была взволновать нас новость, что незаметный, маленький курсант Федя — один из богатырей той великой битвы!

Обитатели всех комнат общежития набились в эту одну, сидели и стояли в тесноте, и все неотрывно смотрели на Федора, словно видели его впервые.

А он, никак не ожидавший этого всеобщего волнения, сидел на своей койке, растерянно встречая устремленные на него взгляды.

Казалось, товарищи, увидевшие его в новом, ослепительно-ярком свете геройского подвига, еще не освоились с этими, так не совпадающими между собой явлениями: богатырский поход — и этот маленький Федя, похожий на подростка!

Чтобы тут же избавиться от сомнений, некоторые комсомольцы, недавние фронтовики, начали задавать Федору специально военные вопросы. Он отвечал на них четко, с безупречным знанием.

После этого Федора забросали более простыми вопросами, например: все-таки страшно это было — ночью, в непогоду по морю вброд идти?

— Если бы одному идти, пожалуй, и страшно, а с людьми — другое дело,— ответил Федор.

— Но все-таки что-то страшило тебя лично?

Федор подумал немножко и сказал:

— Сапоги.

— Что... Сапоги?!

— Ну... за сапоги свои я боялся.

— Ты что? Шутишь?

— Да я же правду говорю! По ноге мне сапог не нашлось, а каптер менять не стал: скажи, мол, спасибо, что не тесны.

— Не тесны, да ведь велики,— сочувственно ввернул бывший сталеплавильщик.

— В том-то и беда. Шагал я в тех сапожищах и все боялся, как бы не сползли они у меня с ног. На Турецкий вал без сапог лезть...

— Еще бы, еще бы! — загудели добрые, заботливые голоса.

— А пока бродом-то мы шагали, набилось мне за голенища всякой морской дряни...

— Переобуться бы тебе где-нибудь, когда на землю вступили...— запоздало посоветовал кто-то.

Федор спокойно усмехнулся:

— На земле уже ни секунды свободной не осталось: понеслись мы, как волны, Турецкий вал брать. А когда его взяли и уже на самую верхушку взошли, там только малость передохнули... Ну, а потом все дальше в глубь Крыма — и загнали Врангеля и Антанту прямо в море. Ну, а мне в конце концов пришлось-таки отправиться в госпиталь...

Федор виновато повел плечами и по привычке потер свои ноющие колени. Но сейчас со всех сторон полетели к нему ободряющие слова:

— Поправишься, Федя!

— Эка, подумаешь, болезнь — ревматизм!..

— В бане раз двадцать попариться, все как рукой снимет!..

В конце этого вечера Саша, бывший сталеплавильщик, ласково встряхнув за плечи маленького Федора, сказал задумчиво:

— Думали мы, ты просто Федя, а выходит, ты Федя Морской!

Это прозвище так привилось к Федору, что почти заменило фамилию.

— Эй, Морской, тебе письмо!

— Морской, где ты?

— Я за него! — отвечал Федор с добродушной готовностью.

Теперь все в нем было понятно, ясно. Его полюбили. Но жалость к нему усилилась. Говоря о нем, каждый добавлял: «Парень замечательный, но все для него уже позади. Как и жить-то он будет дальше, откуда может взяться в нем сила взамен той, что целиком отдана была борьбе за Советскую власть?»

Но один случай показал, что у Феди Морского был свой источник силы.

К концу первого учебного полугодия обнаружилось, что из-за ранних морозов в старых школьных печах сожжено было столько дров, что запасы их истощатся уже к февралю. Городские дровяные дворы отказались дать топливо сверх нормы. Школьный совет обратился за помощью к курсантам. Создали несколько бригад, которые по очереди ездили на отведенную школе делянку в лесу и привозили оттуда гужом заготовленные кубометры прямо на школьный двор.

Однажды в субботний вечер Федя Морской тоже попросился в лес. В бригаду его взяли, правда, с некоторыми колебаниями: ведь трудно будет ему! Но он настоял на своем.

Бригады обычно возвращались в воскресенье к вечеру. Но эта почему-то не вернулась, хотя несколько подвод для вывозки людей и дров выехали еще до полудня. Никто не вернулся и к ночи. Послали еще двух конных, но и те запропали.

В понедельник утром все члены лесной бригады, хотя и усталые, но не обмороженные, чего мы очень боялись, вернулись к школьному очагу. Что же произошло? Подводы, выехавшие днем из города, попали в сильнейший буран, сбились с дороги и сделали большой крюк в сторону. Только поздней ночью, когда затих ветер и взошла луна, наши подводчики добрались до лесной делянки.

Отоспавшись, Саша рассказал мне, как они «проводили время в лесу»:

— Прямо вам скажу: не будь с нами Феди Морского, дело могло бы плохо кончиться!

Солнце уже клонилось к закату, когда школьные заготовители почти закончили распиловку срезанного леса и приготовились было закурить. Но Федор стал убеждать всех не терять времени: в тишине леса он почуял дыхание приближающегося бурана. «Сейчас прохлаждаться нельзя, а надо бревна складывать!» — настаивал он. Все недоумевали: зачем складывать бревна, если за ними вот-вот приедут подводы? «Пока еще не приехали,— последовал ответ,— а буран будет сильный». И он настоял на своем: бревна были уложены так, как он указывал. Между тремя высокими бревенчатыми стенами (внизу самые толстые комли, а кверху все легче) протянули бревна потоньше, набросали на них навес из веток, оставив отверстие для дыма. Потом притоптали снег внутри этой довольно просторной лесной избы без окон, сложили из хвойных веток и щепья небольшой, но стойкий костер — и вот тут Морской разрешил всем закурить. А когда действительно поднялся буран, все оценили настойчивость и предусмотрительность Федора.

Всем было ясно, что подводы сбились с дороги и тем людям гораздо труднее, чем им, заготовителям. Они-то сидели полукругом, ногами к костру. От тепла всех начало клонить ко сну. Но Федор решительно заявил, что спать не даст никому: во сне легче всего замерзнуть... И чего он только не изобретал, чтобы не дать товарищам заснуть!.. То «гонял память» по всему учебному курсу политграмоты, истории, русского языка и литературы, естествоведения; то предлагал решать арифметические задачи; то заставлял вспомнить, когда происходили разные события «текущего момента». Как ни устали все, трудно было спорить с Морским: правильно было, что он хотел разогнать одолевающий всех сон, а вовсе не стала занимать его память. Учился он старательно, но казалось, среди других способных курсантов особенно не выделялся. А тут выяснилось, что он таил в себе немало такого, что, пожалуй, не всякий из его сверстников сумел бы осознать. На вопросы товарищей, почему он знает и помнит больше, чем, например, все сидящие у этого костра, Федор ответил: знать, мол, сегодня надо и для того, чтобы больше знать завтра, через год и дальше.

Так прошло время до позднего вечера. Буран затих, над лесной поляной взошла луна, и тут всех, как по заказу, сморил сон. Но как ни крепок он был, все спящие просыпались, когда сильная рука встряхивала их за плечо или давала в спину здорового тумака: это Федя Морской стоял на часах.

Саша уж не помнил, сколько раз таким образом будил их Федя. Но глубокой ночью разбуженные увидели картину, которую едва ли кто забудет: волоча по снегу полы тулупа, слишком для него большого и тяжелого, Федя Морской, шатаясь от усталости, ходил вокруг костра и подбрасывал в огонь сучья. Шапка его сбилась набок, губы беззвучно шевелились, глаза были полузакрыты.

— Будто он, знаете ли, что-то свое видел,— рассказывал взволнованно Саша.— Может быть, море, ночь ту морскую он вспоминал. Уж если, мол, тогда по зыби шел, так теперь на твердой земле тоже держаться надо...

Более десятка молодых, здоровых парней вдруг вскочили на ноги, будто их одновременно ударило искрой.

— Это нас совесть толкнула! — продолжал мой собеседник.— Мы спали, а он один-одинехонек о нас заботился!.. Схватили мы его в охапку, а он, сердешный, бровью шевельнуть не успел, как тут же и заснул: сила его уже совсем к концу подошла. Но ее, однако, больше, чем у всех нас, оказалось... Почему?

— Тише ты, философ... еще разбудишь Морского! — предостерегающе зашептали Саше.

Он посмотрел на Федю, который спал на своей койке крепко, блаженно, как все много поработавшие люди.

— Да... Я опять же вот об этой силе... Почему у Морского ее на дольше, чем у других, хватило? — шепотом продолжал наш философ.— Та думка, что в лесу нам всем в голову пришла, по-моему, верная была... Человек, который оказался сильнее моря, сильнее смерти, ему грозящей, на вершину подвига взошел!.. После этого, спрошу я вас, будет ли тот человек потом чего-нибудь страшиться или отступать?.. Нет, не будет!.. Ведь вот так и весь народ наш на какой-то вершине побывал, узнал, в чем жизнь и правда... И не собьешь его с этой дороги вовек!.. Верно я говорю?

Все согласно кивнули ему в ответ.

Твердая порода

Александр ЖАРОВ

День осенний... Вечер мирный.
Круглый стол. Ковер. Диван...
Комсомольский ветеран
Во главе семьи обширной.

Держит речь глава семьи:
— Дорогие домочадцы,
Как на вас не разворчаться,
Драгоценные мои!

Отчего не весел я,
Злюсь подобно тигру в клетке?
Начал год с плохой отметки
В школе младший сын, Илья!

То ли дело мой Семен:
Этот нынче воин стойкий.
Алексей — герой на стройке,
Комсомолец добрый он!

У дочурки славной Оли
В спорте ладятся дела:
За границей приз взяла
Комсомолка в волейболе!

Соблюдает честь семьи
В институте старший, Коля.
Значит, я ворчать изволю
Только лишь из-за Ильи...

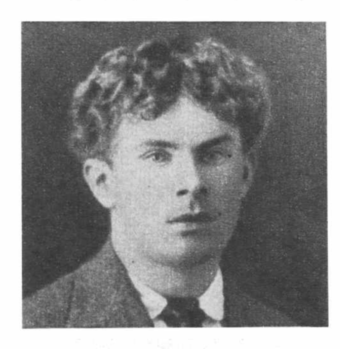
Тут не выдержал Илья,
Посмотрел на папу слезно:
— Мне исправиться не поздно...
В комсомол вступлю и я!

Успокоил сын отца.
Нет у нас в семье урода!..
Да, друзья. Тверда порода
Комсомольцев
образца
Восемнадцатого года.

ЗАРЕ НАВСТРЕЧУ

Почти двадцать лет в суровых условиях подполья жили, боролись, шли «заре навстречу» эстонские комсомольцы. Об их боевых делах рассказывается в публикуемых воспоминаниях.

ОРГАНИЗАТОР КОМСОМОЛА ЭСТОНИИ

Яан Креукс.

Однажды летом 1921 года Вильгельмине Клементи — Виллу, как мы ее называли,— пригласила нас в лес в дачный таллинский пригород Пирита. Мы поняли, что приглашает она нас неспроста: уж больно блестели у Виллу глаза.

В лесу я застала нескольких товарищей из «Союза молодых пролетариев», незадолго перед этим запрещенного буржуазией. Виллу исчезла за кустами и вскоре вернулась в сопровождении молодого человека.

Это был Яан Креукс — подпольщик, организатор молодежи при Центральном Комитете Компартии Эстонии. В тот день было создано ядро нелегального Коммунистического Союза Молодежи.

Креукс учил нас строжайшей конспирации. С большой осторожностью мы беседовали с молодежью на предприятиях, привлекая в комсомол лишь проверенных людей. Яан часто бывал на собраниях ячеек, помогал нам, знакомился с новым пополнением.

Раз в месяц мы проводили семинары секретарей ячеек. Собирались где-нибудь в пригородном лесу, а если был дождь, то в пустовавших дачах.

Деятельно готовились мы к первомайской демонстрации 1922 года: писали лозунги, рисовали плакаты. И вот, наконец, торжественно, с революционными песнями шагаем под алыми флагами по улицам. В наших рядах — члены Государственного собрания коммунисты Иоханнес Ванья, Эдуард Кягу. Не смог усидеть в конспиративной квартире и Яан Креукс. На улице его опознал шпик и сразу же открыл огонь. Яану удалось скрыться. Но одного из участников демонстрации, Линкхорста, арестовали. Он оказался предателем и выдал полиции руководителя коммунистов Эстонии Виктора Кингисеппа, многих подпольщиков и наши типографии.

Работать стало еще тяжелее. Охранке хорошо были известны приметы Яана Креукса — близорукий, носит пенсне. В те дни я получила партийное задание — быть связной Креукса, сопровождать его. Чтобы изменить внешность, он снял пенсне и с моей помощью мог передвигаться по улицам, не возбуждая внимания.

Встречи Яана с секретарями комсомольских ячеек происходили обычно по вечерам, на окраинах. Жил он на конспиративной квартире. Яан никогда не мог пойти домой: вечно у ворот торчала назойливая фигура шпика. И только изредка, где-нибудь за городом, на дороге, встречались мать и сын.

Охранники все же выследили Яана Креукса. Они так боялись потерять его след, что даже не стали предавать суду: шпик убил Яана выстрелом в спину.

Память о первом организаторе эстонского комсомола живет в сердцах нашего народа.

Ольга ЛАУРИСТИН,
председатель Эстонского отделения Общества культурных связей с заграницей.

ПОБЕГ

На улице ярко светит солнце, а за нами, шестью эстонскими комсомолками, захлопнулась дверь тюремной камеры. Мы сразу же начали думать о побеге.

Как бежать? Единственная возможность — сделать подкоп. Но нашим «оружием» были только погнутые тюремные ложки. И вот однажды мы получили такую записку: «Бежим в ближайшее время. Если рядом с вашей камерой есть пустое помещение, клянусь, что вы спасены. Моррис».

Вскоре, весенней ночью 1923 года, мы узнали, что нашим товарищам удалось бежать. Среди них был и Вольдемар Моррис, приславший нам записку.

Потянулись тюремные дни томительного ожидания. И вдруг за стенами нашей камеры раздались негромкие удары. «Ага, Моррис выполняет свое обещание»,— решили мы.

И не ошиблись. Моррис пробуравил в нашей стене узенькую дырочку и просунул записку: «Под нарами стену пробить нельзя — плитняк страшной толщины. Пробить можно под потолком. Если согласны, сообщите».

Это намного усложняло дело. Чем закрыть дыру? Ведь старший надзиратель каждый вечер при проверке обстоятельно осматривает стены. Но мы, конечно, согласились на предложение друга. И снова в верхней части стены раздалось осторожное царапанье. Вечером Моррис сообщил нам, что уже две ночи и день работает без воды и, кажется, больше не может выдержать.

У нас в камере были макароны. Мы просунули одну макаронину в дырочку, пробитую в стене, и Моррис стал через нее тянуть воду из бутылки. Бульканье казалось нам страшно громким, и когда шаги надзирателя раздавались в коридоре, мы трепетали.

К вечеру третьего дня дыра была пробита, только слой штукатурки прикрывал ее. Потом мы убрали и штукатурку, завесили дыру своей одеждой.

Нас в камере было шестеро: Хельми Ниинеберг, Аманда Моргенсон, Вильгельмине Клементи, Хелене Прууль, моя сестра Юлиана и я. Первой выбралась из камеры Вильгельмине Клементи, потом я. Пролезая в отверстие, перебираясь по каким-то балкам, я вдруг сорвалась, но все же успела схватиться за выступ стены. К счастью, все вокруг было тихо. Стоя внизу, мы с Вильгельмине помогали спускаться остальным девушкам. Наши тюремщики до утра так и не догадались, что вместо нас на койках лежали куклы, заранее приготовленные нами.

На следующий день, будучи уже на конспиративной квартире, мы прочитали в газетах сенсационное сообщение о нашем побеге.

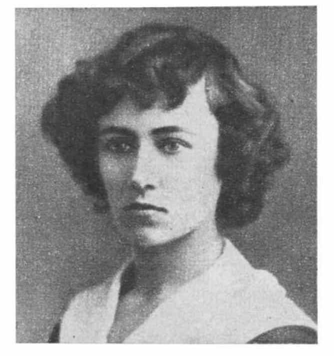
Целый месяц мы жили у товарищей, ожидая, пока можно будет переправиться в СССР. Наконец нам сообщили, что рыбачье судно будет ждать нас в Минной гавани.

Судно прибыло в гавань с часовым опозданием, и как только оно вышло в море, нас спустили в каюту. Но едва мы успели сесть, на пороге появились люди с револьверами. «Руки вверх!» Мы поняли, что преданы.

Контрабандисты, которые за плату обещали нашим товарищам перевезти нас через границу, получили в полиции за предательство гораздо большую сумму.

На этот раз двери тюрьмы закрылись за нами надолго. Началась борьба с тюремным начальством, борьба за то, чтобы уцелеть духовно и физически. И мы победили в этой борьбе, встретили долгожданный час крушения буржуазного строя в Эстонии.

Саломония ТЕЛЬМАН,
работница библиотеки имени Ф. Креуцвальда.

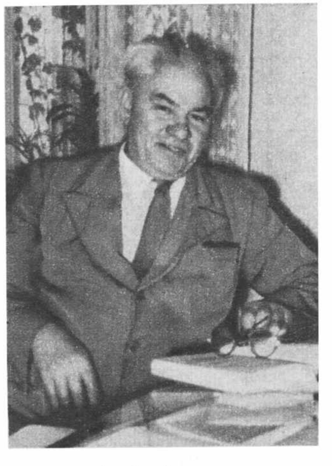

Саломония Тельман в комсомольские годы.

«ПОБЕГ». Картина художника К. Михайлова.

НОМЕР ОДИН...

Г. Ф. Петров.
Фото автора.

Это было в 1914 году в Петрограде. Возбужденная толпа подростков ворвалась в контору аккумуляторного завода. Управляющий, чуть побледнев, привстал за столом.

— В чем дело, молодые люди?

Стоявший впереди всех широкоплечий русоголовый парнишка вместо ответа протянул управляющему свои покрытые язвами ладони.

— Вот в чем! Мясо с костей слезает... Почему рукавиц не даете? Фильтры не ставите?.. Подыхать нам, что ли? Будем бастовать!

Забастовщики победили, рабочие цеха травления по металлу добились уступок администрации, но через несколько дней русоголового парнишку, четырнадцатилетнего Георгия Петрова, уволили с завода.

А через два года, работая слесарем у «Сименса — Гальске», он уже организовал вокруг себя товарищей на подмогу заводской группе большевиков.

В апреле 1917 года, когда Георгий Петров вступил в ряды большевистской партии, он был признанным вожаком рабочей молодежи не только на заводе «Сименс — Гальске», но и на других предприятиях Васильевского острова.

Когда в городской комитет партии привезли новенькие, только что отпечатанные билеты для членов Социалистического Союза рабочей молодежи, первые билеты были отправлены в молодежные организации Васильевского острова. 19 октября 1917 года членский билет № 1 Социалистического Союза рабочей молодежи — будущего комсомола — вручили лучшему в районе организатору, семнадцатилетнему слесарю Георгию Петрову.

...С тех пор прошло больше сорока лет. Много бурных событий было в жизни Г. Петрова. В дни Октября он во главе вооруженного отряда молодых рабочих отражал атаки юнкеров, охраняя Тучков мост, связывавший Васильевский остров с Петроградской стороной. В 1918 году участвовал в подавлении восстания эсеров в Москве. Затем был послан партией в Рязанскую область на борьбу с кулаками. Потом коммунист Петров был на гражданской войне: под Петроградом, на Украине и в Крыму. Он участвовал в героическом переходе через Сиваш под предводительством М. В. Фрунзе.

В годы коллективизации Георгий Федорович на Кубани организует первые колхозы. А когда грянула Отечественная война, верный солдат партии вновь взял в руки винтовку. С первого до последнего дня военных действий находился он на переднем крае.

С 1955 года Георгий Федорович на пенсии.

Но он совсем не похож на пенсионера! У него те же, что и в юности, широкие плечи, тот же проницательный, живой взгляд. Только седая шевелюра выдает возраст ровесника века.

Кипучая натура Георгия Федоровича не позволяет ему оставаться в стороне от жизни. Петрова отлично знают во Фрунзенском райкоме комсомола столицы. Он живо интересуется сегодняшними делами молодежи, часто выступает с воспоминаниями, лекциями на заводах, фабриках, среди студентов. У старого большевика тысячи юных друзей.

Таков Георгий Федорович Петров, чей комсомольский билет № 1 хранится ныне в Ленинградском музее Великой Октябрьской социалистической революции.

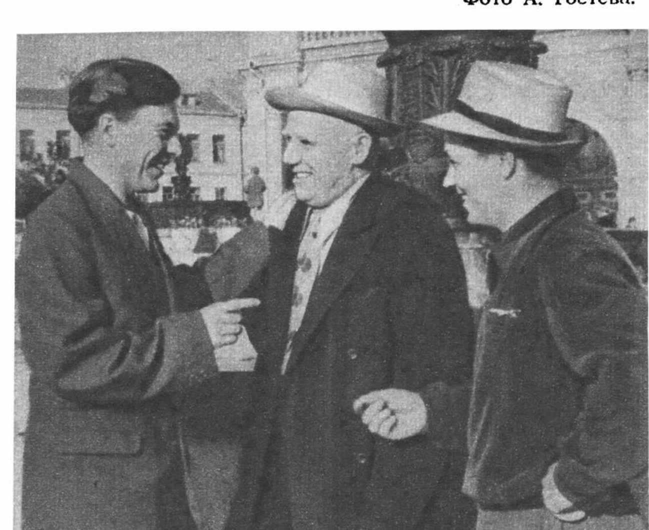
В. АГРОНОВ

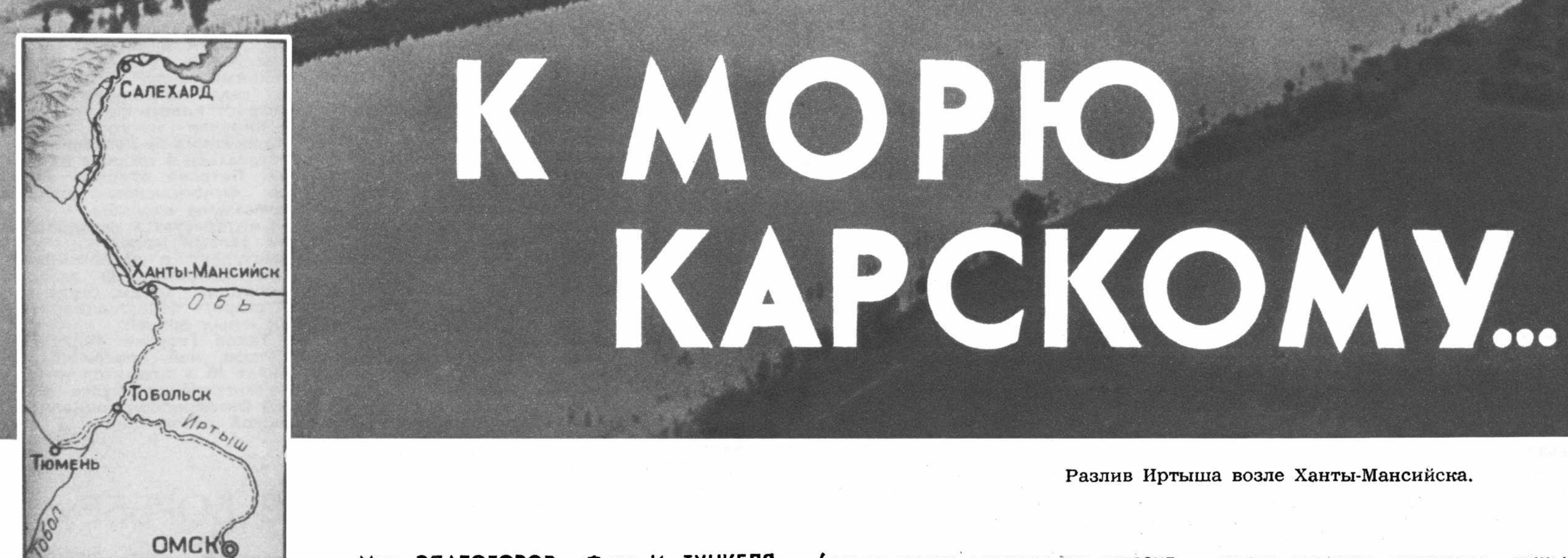
«ТОВАРИЩИ В БОРЬБЕ»

В № 21 «Огонька» за 1958 год был напечатан очерк А. Старкова «Товарищи в борьбе». В очерке рассказывалось о подвиге группы советских людей, которые, оказавшись во время войны в фашистской неволе, связались в Берлине с немецким антифашистским подпольем и вместе боролись против гитлеровцев. Среди активных участников этой борьбы были москвичи М. А. Куницкий, П. А. Гусев, а также Сергей Петроченков, о послевоенной судьбе которого ничего не было известно.

Но вскоре после выхода журнала от Петроченкова пришла короткая телеграмма: «Я живой». А недавно Сергей Иванович, работающий электриком на Капыревщинской лугомелиоративной станции в Смоленской области, приехал в Москву. Трогательной была его встреча с друзьями по совместной борьбе в тылу врага: учителем-пенсионером Михаилом Андреевичем Куницким и электриком машиностроительного завода Петром Алексеевичем Гусевым.

С. И. Петроченков, М. А. Куницкий и П. А. Гусев.
Фото А. Гостева.

К МОРЮ КАРСКОМУ...

Разлив Иртыша возле Ханты-Мансийска.

Мих. ЗЛАТОГОРОВ. Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Записка в бутылке

К Тюмени мы приближались по Сибирскому тракту, решив по дороге заехать в Ялуторовск.

Сибирский тракт!.. Какой вихрь ассоциаций поднимает в памяти эта старая «Екатериновка» с ее заросшими травой канавками, на которые, быть может, смотрели еще глаза Радищева. И глаза Чехова... Теперь уже бывшим почтовым трактом редко пользуются путешественники. А она интересна, дорога, она не такая, какой встает в памяти по прочитанным книгам. Частые объезды, тракторы и бульдозеры на ремонтируемых участках. Там, где звенели колокольчики обозной ямщины, тяжелые «МАЗы» заводских и строительных баз вздымают облака пыли; она долго стоит в безветренном воздухе. Колхозные полуторки везут бидоны с молоком. Куда? А туда же, в Ялуторовск: там пущен молочноконсервный завод.

Лес то подступает к самой обочине тракта, то отбегает назад березовыми и осиновыми зарослями. Где-то там, в глубине лесного массива, расположен известный своей механизацией Заводоуковский леспромхоз. Попутчик говорит:

— До миллиона кубометров древесины дает ежегодно.

Это-то хорошо, такая производительность, думается нам, а вот плохо, что порой встречаются возле шоссе обгорелые елочки (кто-то после привала не загасил костра) или пораженные непарным шелкопрядом березы. Велики лесные богатства края, но разве поэтому не надо беречь их?

У самого въезда в городок обогнали растянувшийся цепочкой отряд пионеров с рюкзаками за плечами.

— Откуда, ребята?

Выясняется, что юные пешеходы — школьники из села Лобаева и села Новые Заимки. Учительница рассказывала им: в Ялуторовске некогда жили декабристы, сосланные царским правительством. Они, пионеры, двинулись сюда в поход, чтобы изучить, какую память оставили по себе первые русские революционеры.

— Мы напишем об этом в школьный журнал.

Присоединяемся к следопытам истории. Входим в одноэтажный домик на тихой широкой улице.

На подставке—старинная бутылка темно-зеленого стекла с длинным, узким горлышком, а рядом — свернутая трубочкой записка. Записка многие десятилетия пролежала на дне бутылки.

С волнением разбираем ровные узкие строчки, писанные тушью на желтоватой бумаге:

«Государственные преступники, живущие в Ялуторовске в 1849 году. Кроме Муравьева-Апостола, Иван Дмитриевич Якушкин, Иван Иванович Пущин, Николай Васильевич Басаргин, Василий Карлович Тизенгаузен, Евгений Петрович князь Оболенский. Андрей Васильевич Ентальцев, наш товарищ, скончался здесь, в Ялуторовске, в субботу в 11 часов до полудни 27 января 1845 года. В Ялуторовске скончался еще другой наш товарищ — Василий Иванович Враницкий в 1830...

Для пользы и удовольствия будущих археологов, которым желаю всего лучшего в мире, кладу эту записку. 18 августа 1849 года».

Это писал живший в домике Матвей Иванович Муравьев-Апостол, родной брат повешенного Николаем Первым Сергея Ивановича Муравьева-Апостола и сам видный участник движения декабристов. Здесь встречались люди большой идеи, благородные русские интеллигенты, которые даже в ссылке неутомимо трудились для буду-

щих поколений. Узнаем подробности. Бутылка с запиской была найдена под печью, под толстой дубовой плахой, когда, уже в советские годы, производилась реконструкция домика. Вот продуманный ссыльными план застройки Ялуторовска — четкая сетка продольных и поперечных улиц, особыми значками помечен лиственный парк, его надо насадить. Показания самодельных метеорологических приборов, начало работ по изучению климата Западной Сибири; Якушкин установил над крышей флюгер и каждый день записывал скорость и направление ветра. А вот еще проект школы: «Она должна быть доступна для детей всех сословий...»

Потом с ребятами идем на окраину. Шумит вершинами столетних деревьев чудесная «Роща декабристов». Хорошая память о человеческом деянии! И не есть ли эта тенистая, благодатная роща постоянное живое напоминание, что человек должен жить не только для себя и не ради маленьких личных интересов, а всегда думать о том большом и святом, что звучит для нас в слове Родина!

На стапелях Тюменского судостроительного завода.

Первенец сибирский

Бывает, самое драгоценное у города — его прошлое, и он все время оглядывается на себя в зеркало истории. Этого не скажешь о Тюмени, первом — исторически — русском городе в Сибири. Тюменцы — народ по-молодому боевой, инициативный, они больше думают о завтрашнем дне, чем о вчерашнем. И о городе своем заботятся, украшают его. Центральная площадь своим зеленым убранством может поспорить с лучшими скверами сибирских городов.

Тюмени, между прочим, принадлежит честь быть родиной сибирского пароходства. Мы были гостями Тюмени как раз в те дни, когда исполнилось ровно сто двадцать лет со дня спуска здесь на воду первого сибирского буксирного парохода «Основа», построенного тюменским купцом Тюфиным для плавания по Туре. По Иртышу «Основа» с ее деревянным корпусом и плохой остойчивостью ходить не могла. Несмотря на специальные приспособления — бревна-плавники у колесных кружал,— «Основа» хватала бортами воду при первом сильном порыве ветра.

И вот нас ведут к стапелям судостроительного завода, крупнейшего предприятия области, и показывают другой первенец.

На широких, пока еще не окрашенных железных палубах змеятся шланги и провода; между переборками трудятся сварщики. Грациозно устремленная ввысь надстройка поднимается почти на пятнадцать метров над корпусом.

— Носик у него красивый, правда? — ревниво допытывается у нас молодой инженер Анатолий Семенович Строгий.— Белый будет, как лебедь. Внутри тоже все будет блестеть: полированное дерево, никель...

Забегая вперед, скажем, что позднее мы испытали огромное удовольствие, пройдя плес от Березова до Салехарда на красавце-теплоходе «Ленинский комсомол»; такие современные комфортабельные суда, отрада отпускников и туристов, сейчас курсируют не только по Оби, но и по Енисею. Строились они по нашим заказам на верфях Германской Демократической Республики. Но еще радостнее знать, что Сибирь и сама начинает создавать суда такого типа; вот этот, корпус которого перед нами, будет первым в серии, двухпалубный пассажирский теплоход мощностью в 800 лошадиных сил с проектной скоростью 20 километров в час.

— Первый экземпляр всегда трудно строить,— рассказывает Анатолий Семенович.— Но ничего... Вот же тоже мучились, когда несколько лет назад осваивали сухогрузный теплоход в шестьсот тонн грузоподъемностью.

А теперь отсюда, с этих стапелей, по Туре, Тоболу, Иртышу, Оби, через бурную Обскую губу прошли на Енисей целые флотилии сухогрузных теплоходов и нефтеналивных судов!

Нечто интересное инженер хочет показать на соседнем стапеле.

— Слыхали вы имя Александра Луковицкого? Нет? Вот это его создание...— Строгий хлопает рукой по стенке металлической палубной баржи.— Речной «самосвал». Обратите внимание на балластные отсеки и клинкеты: в них вся соль. Клинкеты открываются, в отсеки врывается вода, давит на левый борт, баржа накреняется — и лес с палубы мгновенно скатывается в воду. Баржа тут же выравнивается, как «ванька-встанька». Метод кренования! В считанные минуты делается то, на что требовались долгие часы утомительной работы грузчиков. Луковицкий к нам приезжал. Простой иртышский шкипер. Помытарили его в главке! Не сразу признали его предложение. Ну, он не из робких! Написал письмо в «Правду». Добился разрешения на строительство опытного образца. Мы ему и построили. Год назад состоялись испытания. Вот эта баржа,— инженер снова хлопнул рукой по железной стенке,— уже из третьего десятка! В Омске, в Салехарде — всюду лес возят на наших «самосвалах». Метод кренования получил признание по всему бассейну.

Он молчит несколько минут, влюбленный в свой завод человек, а потом, как бы опасаясь, чтобы собеседники не подумали: уж больно все хорошо на предприятии, расхвалился, мол,— добавляет:

— Живем тесно, сами видите. Площадей не хватает, кранов Нужны эллинги, крытые цехи А то ведь как внедрять автоматическую сварку на ветру?..

Когда мысль устремлена к нерешенным задачам, когда она беспокойна и требовательна, это тоже признак молодости, здоровья и роста.

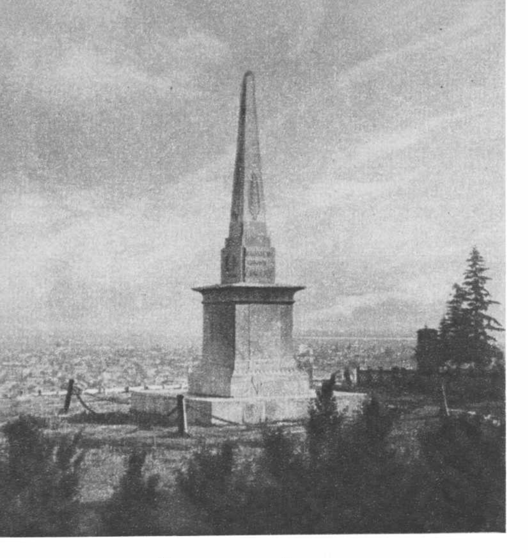
Старожилы

Приехав в Тобольск, вы как бы физически ощущаете дыхание веков.

Деревянные мостовые подгорной части ведут наверх, к горам Алафейским, сохранившим свое название еще от тех времен, когда их называли татарско-арабским словом «алагфалы» («коронный», «ханский»): земля эта принадлежала властительному хану.

Старейшая учительница Тобольска Александра Ивановна Ксенофонтова, врач-терапевт Алексей Григорьевич Тутолмин (слева) и краевед Михаил Петрович Тарунин.

Слияние рек

Окруженный садом, гордо стоит высокий серый обелиск — памятник Ермаку. Отсюда видны излучина Иртыша, желтый мыс, который все время подтачивается струями могучей реки. Именно там, вблизи теперешнего рабочего поселка Подчуваши, произошла решительная битва дружины Ермака с войсками хана Кучума, запечатленная в знаменитой картине Сурикова. И когда смотришь на эти места, невольно вспоминая картину, то понимаешь, что́ такое настоящее мастерство исторической живописи.

Мы долго бродили по Тобольскому кремлю и всей нагорной территории. Седая древность соседствует здесь с неугомонной юностью. В Тобольске мало новых зданий, а ведь жизнь не может остановиться, она идет вперед, у нее свои требования. И вот в бывшем дворце наместника занимаются студенты рыбопромышленного техникума, а в стенах прежней духовной консистории крепкие пареньки учатся, как пользоваться гирокомпасом и вести суда в штормовую погоду: здесь школа юнг.

Но старина не предана забвению. Правительство отпустило значительные средства на реставрацию наиболее ценных архитектурных памятников. Весь в лесах кафедральный собор. Делается все, чтобы еще долгие века стоял он нерушимый, со своим величавым фронтоном из цельных плит уральского мрамора.

У Тобольска не такая счастливая судьба, как у Тюмени: он не стоит на железной дороге, и пока еще большого индустриального развития здесь не намечается. Но у города есть свое лицо. Он хранитель многих историко-культурных ценностей (в тобольском архиве — богатейшие материалы по истории Сибири), и он рассадник новой, молодой интеллигенции, столь нужной современному сибирскому селу. На 40 тысяч населения здесь 12 тысяч учащихся! Тобольск готовит не только рыбников, речников, но и животноводов, ветеринаров, учителей, библиотекарей...

В Тобольске особенно заметно одно примечательное явление наших дней — необыкновенно возросшая общественная активность пожилых людей, старожилов города. Где бы мы ни побывали: в горсовете, на экзаменах в техникумах, в пионерском лагере, — всюду встречали почтенных, убеленных сединами общественников. Нигде не были они посторонними, везде вникали в будничные, сегодняшние дела с душевным жаром и с мудростью, данной большой жизнью, прожитой многими из них. Большевистская косточка! Человек на пенсии, кажется, сиди на лавочке, щелкай кедровые орехи и наслаждайся покоем, а он — нет, его волнует, почему затянулось строительство школы в нагорной части, как допустили, что на танцах в городском саду пьяный хулиган оскорбил студентку, почему с перебоями работает прачечная и низко качество кирпича местного завода. Возникли «совет старейших комсомольцев-коммунистов» при горкоме комсомола и женский совет при горисполкоме. Эти новые общественные организации дают городу агитаторов, пропагандистов, добровольных контролеров, которые и в детский сад заглянут, и в магазин, и в больницу, ни за что не пройдут мимо замеченных недостатков, безобразий, в этом можете быть уверены. Чудесный почин!

Хочется рассказать о нашей встрече с заслуженной учительницей Российской Федерации и депутатом Тобольского городского Совета Александрой Ивановной Ксенофонтовой.

Александре Ивановне пошел уже девятый десяток. Здесь, в Тобольске, восемнадцатилетней девушкой начала она учительствовать в 1895 году, когда многие из теперешних дедушек и бабушек и на свет еще не появились. Больше шестидесяти лет самоотверженного педагогического труда в родном городе, это ли не подвиг?!. По воскресеньям вместо отдыха молодая учительница спешила в здание приходского училища; там усилиями прогрессивной тобольской интеллигенции была создана воскресная школа для взрослых — «для людей, живших в услужение, ямщиков, рабочих».

— Мы работали в этой школе безвозмездно, — рассказывает Ксенофонтова (голос у нее негромкий, но с такой четкой, выразительной дикцией, с такой красотой настоящей русской речи, что слушать ее — одно удовольствие). — Я считаю это добрым делом своей жизни... Тобольск, не забудьте, был колыбелью просвещения в Сибири. Посмотрите на тот дом, — она подошла к окну и показала на здание, затененное деревьями, — там теперь поликлиника, а в мои годы там была мужская гимназия. Там учился Дмитрий Иванович Менделеев! И в этом же доме, представьте, жил в детские свои годы композитор Алябьев, Александр Александрович, и преподавал Петр Павлович Ершов — автор «Конька-Горбунка». Это все наши тоболяки!

Она вернулась к столу, надела очки, порылась в бумагах.

— Просят товарищи, давно просят, чтобы написала воспоминания, да все как-то недосуг: то на совещание, то на обследование, то к ребятам в пионерлагерь. А я ведь помню, как приезжал сюда Дмитрий Иванович, уже будучи ученым с мировым именем. В кремле встретилась с ним. Он стоял, задумавшись, возле древлехранилища. Мы его приветствовали... Знаете ли вы, что Менделеев всю жизнь считал преподавательство своей второй службой родине? Как он интересовался нашими школьными делами, заботами! Вот такое горение хочется привить нынешней молодежи...

Прощаясь, Александра Ивановна протянула нам руку; мы крепко пожали ее и ощутили, сколько силы и тепла в этой бледной, морщинистой руке, в нестареющей этой душе...

— От винта!

Длинные тени от несущих лопастей сначала медленно, потом все быстрее и быстрее закружились перед стоящим на земле вертолетом. Воздушный вихрь треплет, гонит волнами траву аэродрома. Но вот плавно, почти вертикально мы поднимаемся над берегом. Тени все еще мелькают, но уже не по траве, а по спине сидящего перед нами пилота.

Давно уже развернулись над Иртышом, а внизу все еще вода, вода; нельзя понять, где русло, где протока, где берег, где остров... Вдруг среди разлива возникает зеленая коса суши, и на ней коровы, копны сена.

Только с наслаждением полета на планере можно сравнить то волшебное, счастливое чувство, которое испытываешь в низко летящем над землей вертолете. Природа раскрывается перед тобой в интимных подробностях. Можно увидеть, даже сосчитать крупные продолговатые яйца в гнезде лебедей на уединенном островке. А вот мы спугнули лося, который вышел из чащи. Бедняга, наверно, спасался от оводов, а теперь отчаянно бросается в воду протоки, чтобы скорее уйти от жужжащего металлического зверя над головой. Дуралей! Тебе ничего не угрожает, кроме объектива фотоаппарата!

Мы участвуем в патрульном полете «лесной авиации» над тайгой в районе Ханты-Мансийска. На лице летчика Константина Константиновича Дубова написано безразличие, почти скука (мол, нам все это не в новинку), но мы понимаем, что пилот беспрерывно напряженно всматривается в курчавое зелено-рыжее море тайги: не вьется ли где дымок п а л а.

Два дня назад, когда мы возвращались лесной дорогой из пионерлагеря под Тобольском, нам случилось наблюдать, как вызванные из города рабочие-добровольцы тушили пал. Легкий красный пламень с хищным шорохом перескакивал с дерева на дерево, бился между стволами, как зловещий факел... Его скоро сбили, заглушили. Не так просто побороть огонь, если он загорится где-нибудь в глубине тайги! Тогда придется выбрасывать десант парашютистов с взрывчаткой и химикатами. Стоит жара. Надо быть начеку!

Заросли кедрача перемежаются соснами. Потом возникает низкое моховое болото — р я м. Долго тянутся топи, пока снова не появляются вершины деревьев. Сначала это одинокие сосенки на узкой песчаной гриве среди болота, а потом настоящая перепутанная, дремучая чаща.

Невольно думаешь: а каково прыгать с парашютом в такие вот дебри?

Недавно вспыхнул пожар в глубине отдаленного Карбанского лесничества. Там растут сосны ценной породы. Спасать лес полетели трое: Дмитрий Порфирьевич, Петр Володин и Таип Мустаев. Прыгнули прямо на рям. Несколько часов с немаленьким грузом за плечами пробирались трое смельчаков к релке — возвышенному месту. Сумели вовремя заложить аммонит, произвести взрыв и образовавшейся искусственной выемкой отрезать дорогу огню.

Так работают безвестные, скромные герои, те, кто оберегает величайшее богатство края — лес. А он десятками тысяч кубометров идет отсюда и на шахты Воркуты, и на стройки в безлесную тундру, и на новые, молодые заводы лесообрабатывающей промышленности.

Да и весь Ханты-Мансийск очень молод: официально ему всего около десяти лет; это, вероятно, самый молодой город в Западной Сибири.

Город построен из дерева, и воздух здесь напоен крепким, бодрящим смолистым ароматом. Кедры и сосны отступившей тайги еще растут между домиками. Узкие дощатые тротуары. Запрещено разъезжать по городу на автомашинах, так как улицы еще не замощены, не заасфальтированы и нельзя поднимать пыль. В домах стоят бочки с водой, ее привозят с реки: водопровода пока нет. И все же при всей этой внешней «провинциальности» Ханты-Мансийск — настоящая столица таежного края.

Надо понять, что значит этот город для необозримых пространств, где еще недавно встречались лишь редкие селения у берегов рек, юрты да охотничьи избушки, что значит он для забитых и невежественных в прошлом хантов и манси, которые только при социализме поднялись к национальному самосознанию, культурной жизни. Ханты-Мансийск построен недалеко от слияния Иртыша с Обью, и это символично. Как светлые стремительные волны Иртыша сплетаются с неторопливыми струями Оби, так и в больших созидательных работах, которыми руководит сегодня Ханты-Мансийск, сочетаются опыт и знания русских людей с растущей трудовой инициативой стародавних обитателей края. Газеты здесь выходят на русском и хантыйском языках. Энергия электростанции вращает моторы на рыбокомбинате и в Центральных ремонтных мастерских — этом арсенале лесной промышленности, откуда леспромхозы получают колонны боеспособных тракторов, бульдозеров и другой техники. Телефон и радио связывают центр округа с самыми отдаленными точками.

Интересно посидеть рядом с председателем окрисполкома Аркадием Николаевичем Лоскутовым, когда он разговаривает с районами.

— Вода как? Стала на меру? Так вы сенокос не упустите. Мы не получили от вас сводки по надою молока. Сколько вы надоили? Двадцать девять литров на корову за пятидневку? Только двадцать девять?.. Вот передо мной сводка. Самарово дало сорок, Сургут — тридцать семь и семь десятых, Октябрьский — тридцать семь и две десятых. Рекомендуем не загонять скот в леса. А с рыбой как?..

Слушаешь такой разговор и думаешь: как упорно борются наши

Лиза Вануйто, дочь ненца, вчерашнего кочевника, работает телефонисткой в поселке Яр-Сале на полуострове Ямал.

«Огонёк».

Тюмень, старейший русский город в Сибири, переживает сейчас пору нового расцвета. Так выглядит центральная площадь города. →

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

На берегах Обской губы Карского моря еще можно нередко увидеть чумы рыбаков и оленеводов. Но рядом с чумами все больше вырастает рубленых деревянных домов. Скоро и семья ненца Тонча Вануйто будет справлять новоселье. (Снимок сделан через дверной проем нового дома.)

На безымянном островке таежной реки Казым з
испытания газовой сква

Сибирский городок Ялуторовск украшает чудесна
этих местах в ссылке декабристы. Сюда пришли

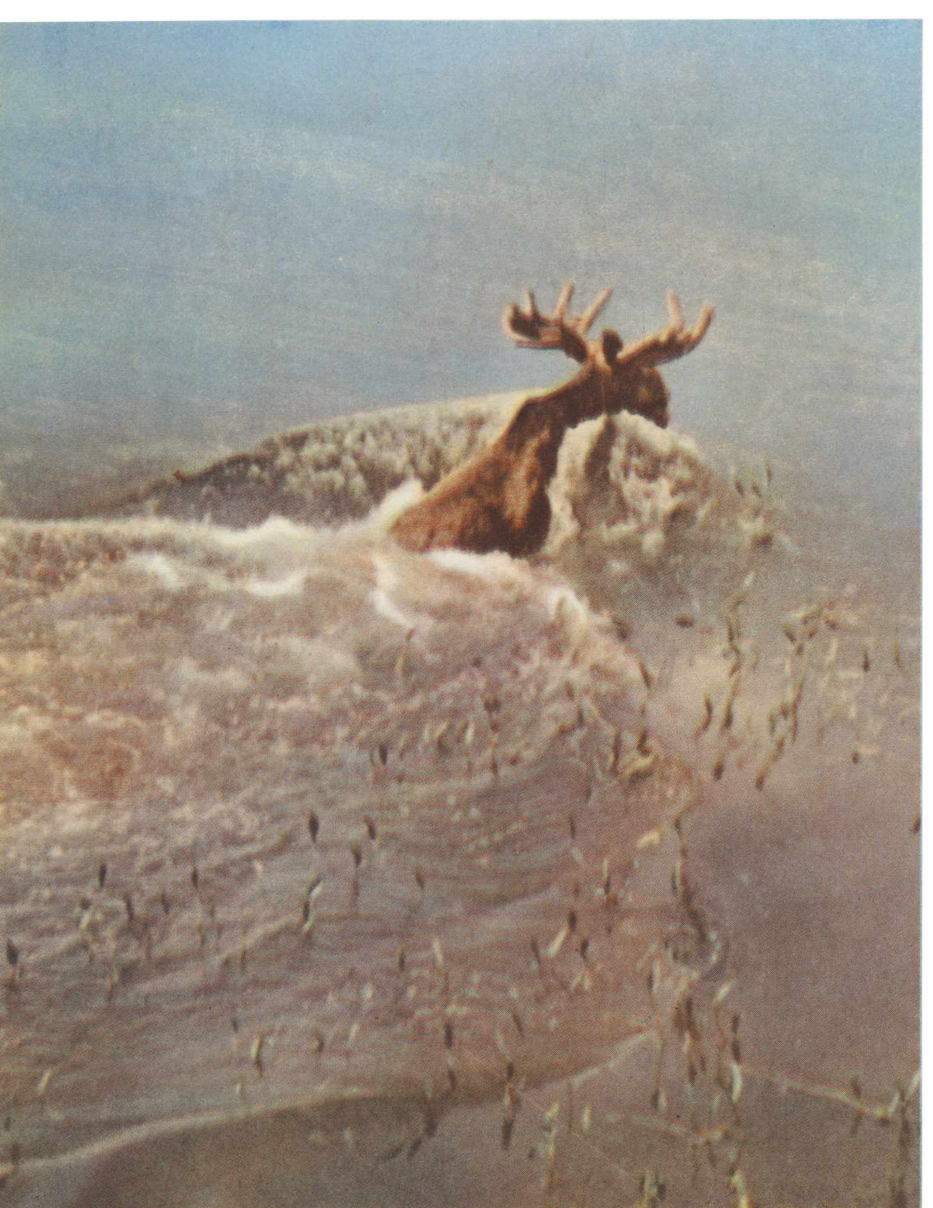
абил мощный источник газа. Инженеры проводят
жины. →

я березовая роща; ее посадили находившиеся в
на экскурсию школьники из сел Лобаево и Новые
Заимки.

Под Тобольском. На охоту.

Лось плывет...

Молодой рыбак колхоза имени В. И. Ленина Степан Вылко.

люди — планом, цифрами, упорной борьбой — за каждый добавочный литр молока, килограмм рыбы, за каждую пядь осушенного болота, раскорчеванной тайги!

Не так давно в Ханты-Мансийский округ все завозилось из южных районов Сибири. Теперь свои овощи, своя картошка. Отказались и от привозного масла. Даже сами вывезли — соседям на севере, в Ямало-Ненецкий округ, — сто тонн первосортного сливочного масла. Свои кирпич, смола, деготь. На таежной реке Конде, около Леушей, поднялись первые плодовые сады — скоро будут и свои яблоки.

Нас ведут к карте и показывают: здесь найден бурый уголь, а здесь — природный газ. Вот отсюда можно значительно увеличить вывоз древесины без ущерба для лесного хозяйства.

— Пусть только отпустят денег на строительство узкоколейки. Мы уже все рассчитали. На одной перевозке леса дадим за год более трехсот миллионов рублей экономии.

Трудно было нам, неспециалистам, определить, насколько обоснованы экономические расчеты ханты-мансийских товарищей, но одно не оставляло сомнений: горячо, преданно любят они свой край, упорно добиваются, чтобы хозяйство все время шло в гору.

И культура... Здесь тоже есть немало радующего, но еще больше предстоит сделать.

В дореволюционные годы на всей территории нынешнего округа работало десятка три учителей и семь фельдшеров. Даже в 1923 году, когда Москва попросила прислать для работы на сельскохозяйственной выставке грамотного ханта, из Тобольска ответили, что грамотных хантов не имеется. Теперь же в одном Ханты-Мансийске 245 учителей, 266 медицинских работников, 200 инженеров и техников. Из стен национального педагогического училища вышли не только сотни педагогов, но и первые научные работники, знатоки фольклора, исследователи языка — представители коренных национальностей. Нам повстречался поэт Иван Шесталов, худощавый курчавый парень в очках. Один из первых мансийских поэтов. Он очень молод, но уже печатается в московских журналах. Сейчас опять собирается в родные места, на таежную реку Сосьву — записывать песни и сказки народные.

Беседуем с Еленой Михайловной Сагандуковой. Смуглое, чуть скуластое лицо, маленький рот и живые, полные ума серые глаза. Она дочь ханта, охотника и рыбака, который и сейчас «каслает», то есть кочует, по тайге, по рекам, озерам и протокам.

— Без этого не обойтись,—объясняет Сагандукова, заметив наше удивление.— Известные элементы кочевья неизбежно остаются, ведь иначе не добыть пушного зверя, рыбы. Все дело в том, чтобы придать кочевью более культурный характер и чтобы росла сознательность тех, кто «каслает». Я, мои братья и сестры выросли в юртах, а все же сумели получить образование.

Эта сдержанная, обаятельная женщина не только известный в городе педиатр, но и руководитель всего дела охраны здоровья в округе. Она депутат Верховного Совета СССР.

Елена Михайловна Сагандукова — первая женщина-врач из народа ханты. Она депутат Верховного Совета СССР.

— В борьбе с прошлым нельзя ослаблять усилий,— высказывает Елена Михайловна, видимо, давно выношенную мысль.— Сказав «а», надо без промедления говорить «б» и «в». Мы резко снизили детскую смертность. Приучили женщин — хантыек и мансиек — рожать в родильных домах. А вот пользоваться пеленками еще не приучили. Миримся, что детей привязывают к «апам» — старым, уродующим детский организм люлькам, где ребенок не может лежать, а должен полусидеть... Или вот переселилась семья из чума в светлый деревянный дом, а спят по-прежнему на грязных оленьих шкурах. Ох, как много еще нам нужно своих национальных кадров: своих врачей, своих учителей, своих культработников!

Побывали мы с Еленой Михайловной в общежитии национального педагогического училища. Тут было тесно от съехавшихся со всех уголков края юношей и девушек. Объяснялось это вот чем. Детям хантов и манси предоставлено льготное право держать испытания для поступления в любые иногородние учебные заведения — омские, новосибирские, ленинградские, московские — тут, в Ханты-Мансийске. И вот они спешили воспользоваться такой возможностью. Другие же приехали, чтобы поступить в педучилище, и тоже готовились к экзаменам.

У окна с книжкой в руках сидела девушка с тонкими косичками. Сагандукова о чем-то спросила у нее по-хантыйски. Та коротко ответила. Сагандукова присела рядом и опять задала вопрос. Тогда девушка быстро, горячо стала рассказывать про себя, мешая хантыйские слова с русскими...

Вот что мы узнали об этой девушке. Она из далекого Ларьякского района. Зовут ее Дуся Прасина. Маленькой попала в школу-интернат; там был хороший учитель Михаил Федорович, приохотил ее к чтению. Она шибко любит читать. Но после шести классов мать забрала ее в юрту и заставила выйти замуж за охотника Лаврентия. Лаврентий не нравился Дусе. Он ни о чем с ней не разговаривал, а только требовал, чтобы она закрывала лицо платком, когда встречалась с его отцом и другими мужчинами. «Теперь никто не закрывается»,— возражала она. Лаврентий пил брагу и жевал табак, а Дусе это было противно. Ей было тоскливо в чуме, ей хотелось учиться или работать, жить среди людей. Она не пошла с Лаврентием в тайгу. Тогда он избил ее и забрал все вещи, что раньше подарил, и есть ничего не оставил. Но Дуся не испугалась. Она добралась до реки и устроилась работать на рыбоучастке возле Корликов. Месяц назад в Корлики приезжал в командировку журналист из ханты-мансийской газеты Михаил Никонович Мусьяков. Он оказался отзывчивым человеком, выслушал ее просьбу. Пять суток шли они на лодочке, а потом еще ехали на пароходе — сделали больше тысячи километров. И вот она здесь и будет держать экзамены: решила стать учительницей.

— Дуся добьется своего, — негромко сказала Сагандукова.— Чувствуете, какой характер? Вот такие девушки — наша надежда, наша уверенность. С ними мы окончательно победим и невежество и предрассудки.

Самое драгоценное

После Ханты-Мансийска мы двигались исключительно по воде. Шли не все время строго на север по Оби с ее гористо-таежным правым берегом и низким, заросшим кустами тальника левым, который почти сливался с зеркалом воды, а и по притокам: по Северной Сосьве и Ляпину до Саранпауля, где километрах в ста впереди увидели покрытые снегом восточные склоны Урала, и по Казыму.

Лишь небольшой участок многодневного пути под незаходящим солнцем северного лета довелось нам проплыть на борту теплохода. Все остальное время были пассажирами катеров связи. На Оби эту функцию несут сейчас суда с двигателем в 150 сил; против течения они делают до 18 километров в час, по течению — до двадцати пяти.

Катер сдает и принимает почту во всех прибрежных селах, рабочих поселках, на всех рыболовных участках и приемных пунктах, вкрапленных в сеть проток. И вот подходишь к какому-нибудь Урманному или Кеушкам, где над желтыми ярами обрывистого берега выстроились в ряд пять — шесть домиков да обязательная стая лаек с закрученными калачиком хвостами.

«Уууу-ууу!»— басовито оглашает тишину катерная сирена.

Хорошо, если местный почтовый работник поблизости и слышит гудок. Но бывает, что на сирену долго никто не откликается. В селении Ломбовож на розыски служителя связи пошел синеглазый, несколько меланхоличный и мечтательный моторист Коля Зеленин. Он мужественно отправился куда-то за речку, перепрыгивая с кочки на кочку в своих тапочках.

Мы ждали Колю, беседуя с рыбаками, которые занимались сушкой просмоленных мережей. Рыбаки готовились к «вонзу» — времени лова. Скоро вода начнет убывать, рыба двинется из речных заливов — сейчас она там нагуливается — и упрется в мережи. А уж тогда не зевай — бери ее неводами! Мы выяснили, что такие заливы называются здесь «сорами», что следует поторапливаться, потому что вода не ждет. Говорили и о бытовых делах: рыбаки ругали «Рыбкооп» и жаловались, что нет радиоприемника... Наконец Коля появился, несколько растерянный.

— Сдал почту?— осведомился строгий, но такой же юный, как Коля, капитан катера Владлен Корепанов.

— Понимаешь, какое дело...— Коля смущенно сдвинул тюбетейку и потер затылок.— В бане она.

— Кто она?

— Да заведующая почтой! Сегодня как раз женский день.

Члены команды прыснули.

— Какой тут может быть смех? — поучительно заметил Владлен.— В этом Ломбовоже долго не было бани, теперь построили; все население поголовно пользуется — замечательный факт, а вам все шуточки.

С помощью девочки, дочки одного из рыбаков, контакт с завпочтой был установлен: прямо из бани принесла она, распаренная, телеграмму, которую следовало передать в Ханты-Мансийск.

Другой раз мы надолго задержались возле села Игрим. Но тут неизвестно кто был виноват: местные почтовые работники или... Собственно, никто и не был виноват. Просто выдался чудесный, солнечный воскресный день. И как раз в Игриме справляли в это воскресенье праздник песни. Над крутым берегом, над сосенками носились неугомонные стрижи. Сосенки превращены были игримской молодежью в кулисы, а зрительный зал и сцена устроены прямо под открытым небом. Как раз, когда наши бравые связисты поднимались с почтой на берег, из сосенок вышли три стройные девушки в цветастых платьях и нежно запели:

Всем нам, всем нам нужен
спутник в жизни,
У земли он тоже есть...

Тут не только склонный к лирике Коля, но и строгий Владлен, как говорится, «вышли из графика» и прослушали всю программу праздника до конца.

...Пейзаж на Сосьве мягче, теплее, чем на Оби. Там раздольно, но сурово-однообразно. Здесь же берега сходятся ближе, теснее. Почти к середине реки протягивают они выступы лесистых мысов. Прячут в своей тени какую-нибудь легко скользящую лодочку-долбленку; манси умеют смастерить такую лодочку, не употребив ни одного гвоздя.

Километрах в двухстах от Березова мы приняли на борт группу только что вышедших из тайги изыскателей. Им надо было возвращаться на базу: на маленькой пристани мансийского селения они ожидали катер геологоразведочной экспедиции, но тот где-то застрял.

Было их человек семь, сплошь молодежь, в спутанных накомарниках, в сапогах с голяшками, да еще пес Верный, черно-белая лайка с умными, добрыми глазами.

Верный тут же растянулся на

нагретой солнцем палубе, а изыскатели, сложив на корме свои мешки, рейки, гравиметрические приборы, дробовики, немедленно принялись хлебать из ведерка сваренную ими на берегу шарбу, то есть уху без картошки. Тетя Таня, повариха катера, великодушно предложила ребятам буханку хлеба из скромных запасов команды.

— Намаялись в тайге, сердечные...— приговаривала она.— Сварили-то шарбу хорошо?

— Два часа варили, мамаша! — откликались веселые голоса.—Мясо любит недовар, а рыба — перевар. Угощайтесь с нами!

Вид у них был такой, про который говорят: «Хоть багром доставай глаза»,— все похудели и обросли за полтора месяца таежной жизни. Особенно запомнились трое: добродушный широкоплечий крепыш Боря Дудин, — звали его «дедушка», так как борода у него была самая пышная, солидная; друг Дудина — рыжеватый, спокойный, с трубочкой в зубах манси Ермил Сангалеев, этот показал себя в тайге не только отличным, грамотным работником, но и первоклассным добытчиком дичи: «глаз, как алмаз, всю группу бифштексами обеспечивал»; и вчерашний десятиклассник Витя Ржеуцкий — юноша из Белоруссии, романтик с фотоаппаратом через плечо — одна нога у него была не в сапоге, а в тапочке.

— Что с ногой?

— Так, маленькая неприятность. Просеку рубили, а у меня топор не туда пошел...

— Как же вы дошли с больной ногой?

— А ребята на себе тащили. По очереди...

Стали рассказывать, как жили в тайге. Рубились сквозь чащу, буреломом, болота, гнали теодолитно-высотный ход. Все делали по ночам: это удобнее, чем днем, потому что прохладно, комаров нет, а светло все равно. Днем же отсыпались в палатках с пологом, или читали, или песни пели.

— Дождь шпарит, а мы завернулись в спальные мешки — и на всю тайгу: «И эх... Вася-Василечек!» Медведь подошел к палатке и бегом от нас: сдрейфил мишка!

Такие вот самоотверженные и обеспечивают большие дела и успехи разведчиков природных богатств.

Тут надо рассказать об «Острове сокровищ».

Это было уже не на Сосьве, а на Казыме. Туда мы пошли, чтобы отыскать некий безыменный островок. Неделю назад, как нам рассказали, на островке забил мощный газовый фонтан.

Островок, конечно, не значился ни на каких картах, связь с ним была только по радио. Пройти туда даже на таком «мощном» судне, как почтовый катер, было затруднительно и рискованно: он мог застрять на перекате. На наше счастье, к островку отправлялась рабочая моторная лодка: везла аппаратуру для спуска в скважину глубинных манометров. Моторист согласился нас захватить.

Был уже вечер, довольно прохладный. Солнце не уходило с неба, прихотливо раскрашивая воду. За кормой непрерывной плавной чередой плыли синие вытянутые овалы волн, наполненные розовыми отсветами вечерней зари. Тихо было так, словно кругом первозданная земля. Моторка свернула в протоку, потом в другую, и вдруг впереди мы увидели высокую решетчатую вышку, гордо прочерченную на фоне неба. Через несколько минут мы были на кусочке суши. Хозяевами острова оказались двое: инженер-гидрогеолог Геннадий Петрович Быстров, комсомолец, несколько лет назад окончивший университет в Саратове, и его друг Анатолий Дмитриевич Сторожев, тоже инженер-гидрогеолог, но воспитанник не Саратова, а Свердловска.

Быстров похож на спортсмена. Он юношески гибок, подвижен, весьма общителен. Сторожев несколько другой: кряжистый, более медлительный и осторожный в словах, глаза спрятаны за стеклами очков. И все же в обоих много общего. Оба влюблены в свой островок (здесь они и живут, невдалеке белеет палатка) и в геофизику.

Чем они тут занимаются? Производят измерения и вычисляют суточный дебит скважины,— по предварительным данным, он достигает миллиона кубометров в сутки. Как нашли газ на островке? Сторожев отвечает лаконично: была проведена соответствующая разведка.

— Вы знаете историю скважины № 1 в Березове? — спрашивает Быстров.— Пробурили до 1 300 метров — ничего. Приезжал профессор из Москвы, посмотрел: безнадежно. Отсоветовал устанавливать превентор (так называется тяжелое предохранительное устройство от выброса): все равно, мол, ничего нет. Скептик был... А все данные говорили: есть газ в этом районе, есть! Нефтематеринские породы, куполообразно приподнятые пласты. На языке геологов — структуры, а попросту — ловушки для природного газа. Все дело только в том, чтобы дойти до насыщенных газом пластов. Уехал профессор... И вдруг... Это было уже в октябре. Навигация закончилась. В один прекрасный день как вырвется из скважины столб газа! Так загудело, что на 20 километров окрест было слышно. Фонтан невероятной силы!.. Гудит день и ночь неделя за неделей, месяц за месяцем. Вот когда пожалели, что послушались академических советов! Все деревья кругом стали гибнуть: метан! Попробуйте установить превентор при открытом забое! Семнадцать раз пытались это сделать наши рабочие, только на восемнадцатый сумели задавить скважину. Были несчастные случаи... Начальник экспедиции Михаил Павлович Барабанов говорил: это для нас большой, серьезный урок. Вот такая история... Теперь здесь. Так называемая Чуэльская структура — по имени поселка Чуэльский. Пробурили сначала севернее нашего острова — вода. Пробурили южнее — опять вода и немного газа. Знаете, как артиллерийская пристрелка: разрывы все ближе к цели. Так нашли, наконец, вот эту точку. Добрались до островка зимою. Лед, снег, пустыня. Ни души... А надо забросить тяжелое оборудование, обосноваться, жить. Ставить вышку, монтировать превентор. Никто ведь не позволит больше рисковать человеческими жизнями, пускать на воздух народное богатство.

Мы уже знали концовку этой маленькой героической повести. Она была перед нами в мощных очертаниях вышки, в железных зажимах превентора, плотно прикрывшего бунтующую теплотворную силу метана.

Вскоре на конце длинного металлического отвода расцвело, зашумело, заметалось веселое, гудливое малиновое пламя. Исследуя и проверяя, инженеры переводили газ в факел.

...Сколько тепловых станций, новых промышленных предприятий будет вызвано к жизни освобожденной энергией таежных недр! Вспомнилось, что узнали в Березове, в штабе экспедиции: разведано уже — в тяжелейших, суровейших условиях — около 14 миллиардов кубометров северного газа. Если больше помогать разведчикам, особенно техникой, будет найдено еще столько же, а может, и втрое, вчетверо больше. Тогда не только обский север, но и другие районы страны (в частности, сосед слева, Урал) сумеют улучшить свой топливный баланс.

Мы попрощались с островитянами, пожелали им новых успехов.

— А остров мы назвали «Островом сокровищ»,— сообщили они на прощание.— Почти Стивенсон!..

Через несколько дней мы пересекли Полярный круг возле Салехарда и добрались до последнего пункта маршрута — поселка Яр-Сале в Обской губе Карского моря.

В Яр-Сале было безлюдно. Рыбаки колхоза имени В. И. Ленина все вышли на лов: «вонз» был уже в разгаре. Лишь стучали топоры строителей. Пейзаж Ямальского полуострова меняется: вместо «экзотических» чумов здесь все больше появляется рубленых деревянных домов.

Мы привыкли представлять себе ненцев, суровых обитателей Крайнего Севера, только как рыбаков, оленеводов, охотников. Но в Яр-Сале нам пришлось познакомиться и с плотниками, штукатурами, мотористами, и с учительницами, фельдшерами, медсестрами, радистами — новой порослью древнего кочевого народа. На телефонной станции нас соединяла с дальними поселками невысокая приветливая девушка. Ее зовут Лиза Вануйто, она дочь рыбака-ненца. Лиза охотно объясняла нам значения разных слов и выражений ненецкого языка.

— Едей ил! — объясняла она.— Новая жизнь. Едей ил!

— А как будет «хорошая девушка»?

— Сава пириптя...— смущенно прошептала она и покраснела.

Попрощавшись с «савой пириптя» и поселком Яр-Сале, мы вскоре на пристани в Салехарде встретились с теми, кто продолжает путешествие «Огонька».

...Снова был синий сибирский вечер и незакатное солнце. За Полуем и дальше, за разливом Оби, на восточном ее берегу, сквозь зыбкое марево проступали снежные вершины гор.

Наши товарищи садились на пароход, который должен был доставить их на железнодорожную станцию со странным поэтическим именем Лабытнанги. Оттуда через гряду Полярного Урала им предстоял путь на Печору, Воркуту, на европейский север.

Народ быстро заполнял палубу. Вместе с нашими товарищами садились рыбаки, геологи, отпускники, туристы и две девушки — вчерашние десятиклассницы. Мы уже знали, что они едут работать радистками на одну из высокогорных метеостанций.

Прозвучала сирена. Пароход отвалил от причала. Путешествие открывало свою новую главу.

На борт катера поднялась группа молодых изыскателей, только что вышедших из тайги.

Дума ровесника

Константин МУРЗИДИ

Едва босоногое детство
Ушло от меня навсегда,
Мне отданы были в наследство
Одежда и обувь труда.

Я взял сапоги для работы,
Я их у костра просушил,
В придачу стачал еще боты
И ватную стеганку сшил.

И заячья шапка-ушанка
Входила в наследство мое:
И ловко сидит, и не жалко
Под голову сунуть ее.

Зато полотняной рубашкой
По праздникам я дорожил.
Мне вовсе не стыдно, не тяжко
Признаться, как трудно я жил.

На ощупь не пробовал нитку,
Не думал про модный покрой,
Я строил Кузнецк и Магнитку
И знал: впереди — Ангарстрой.

Не шил я нарядной одежды,—
Во имя идеи святой,
Во имя великой надежды
Я мог походить и в простой.

Хотя иногда и хотелось,
Особенно в красные дни,
Чтоб любушка вдруг приоделась
Иной щеголихе сродни.

Хотелось при случае всяком
Слегка самому щегольнуть,
Блеснуть неожиданно лаком
И шляпу с фасоном загнуть...

Но, верен партийному долгу,
Умел я с умом рассудить
И домну сперва —
«комсомолку» —
В стальной сарафан нарядить.

В своих сапогах для работы
Прошел я полями войны,
Взойдя на такие высоты,
С которых все дали видны.

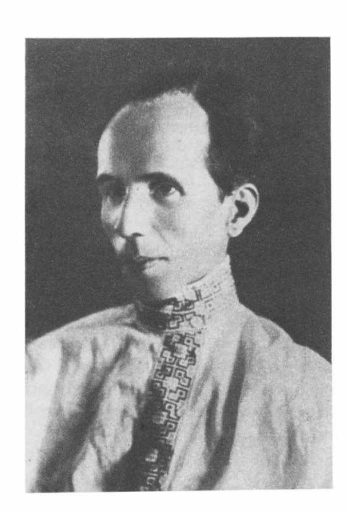
Я хвастать совсем не приучен,
Но даже враги говорят,
Что стал и прочнее, и лучше,
И краше мой новый наряд.

Но если художник захочет
Потомкам представить меня,
То пусть он не очень хлопочет,
Резцами о мрамор звеня.

Не надо одежды нарядной.
Как было в уральских снегах,
Останусь я в стеганке ватной
И в добрых своих сапогах.

На крепком, литом пьедестале
Я буду все тот же, земной,
Смотреть в неоглядные дали,—
Грядущее мира за мной!

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ ПИСЬМО НИКОЛАЯ ОСТРОВСКОГО

Роман «Как закалялась сталь» был напечатан в 1932 году в журнале «Молодая гвардия». Многие читатели писали Островскому, отождествляя образ Павла Корчагина с автором романа. Это очень взволновало Островского. В письме к секретарю ЦК ЛКСМУ С. Андрееву, которое мы печатаем здесь впервые, он высказал опасения, что его могут обвинить в нескромности и «огероизировании» своей личности. «Мной руководило лишь одно желание — дать образ молодого бойца, на которого равнялась бы наша молодежь»,— писал он.

Беспредельно преданный народу, отдавший жизнь за счастье людей, Николай Островский и сегодня любим и помогает молодежи жить и бороться.

Один из посетителей Музея Н. Островского в Москве, Николай Сахно из кубанской станицы Медведовской, написал в книге отзывов: «Низко склоняю голову перед тобой, Человек-боец. Дела твои бессмертны в памяти нашей. Любовь к тебе беспредельна в народе».

Р. ОСТРОВСКАЯ

25.X.35 г.
Сочи, Ореховая, 47.

Генеральному Секретарю ЦК ЛКСМУ
тов. Андрееву.

Дорогой товарищ Сергей!

Получил твое дружеское письмо. Когда я узнал о твоем прыжке, то очень тревожился за исход, но летчики, бывшие у меня в этот день — Спирин, летавший с Громовым, и др. — успокоили меня.

Говорят, что ты должен поправиться и все будет хорошо.

Мне очень приятно, что ты слушал радиопереличку. Мое выступление могло быть многим лучше, но я впервые говорю с такой аудиторией в необычной обстановке. Все это создает такие трудности.

Ты спрашиваешь, где я думаю провести Октябрьские праздники. Я и сам не знаю еще. В Москву я должен был уехать 20 октября, но Горком партии задерживает меня, желая, чтобы орден Ленина был вручен здесь. Думаю уехать 28—30 октября. Если же задержат, то останусь на Октябрьские праздники здесь. Конечно, я очень рад был бы встретиться с украинскими ребятами, о которых ты пишешь, и провести с ними праздник. Но как видишь, я сам не знаю, где я в это время буду. С тобой я буду очень рад видеться. Мы это обязательно сделаем.

Ты, наверное, знаешь, что украинское правительство постановило построить мне в Сочи дачу. И т. Косиор уже утвердил проект строительства в огромную сумму 100.000 р. Я смущен всем этим необычайно. Ты понимаешь, Сережа, я — обыкновенный старый комсомолец, таких тысячи. Правда, я, может быть, немного упрямее других в смысле сопротивления стихии. Но меня молодежь подняла на щит. В первую очередь, вы, украинцы, и назвали меня героем. Вспоминая свою скромную биографию, я искренне думаю, что я не заслужил такого высокого звания. Ты понимаешь, Сережа, несмотря на все мое сопротивление, десятки писем и статей моих, все же книга «Как закалялась сталь» трактуется, как история моей жизни, как документ от начала до конца. Ее признают не как роман, а как документ. И с этим самым мне присваивается жизнь Павки Корчагина. И я ничего не могу сделать против этого.

Когда я писал эту книгу, я не знал, что так все получится. Мной руководило лишь одно желание — дать образ молодого бойца, на которого равнялась бы наша молодежь. Конечно, я вложил в этот образ немного и своей жизни.

Почему я пишу тебе об этом? Знаешь, Сережа, ничего мне не было бы так обидно и тяжело, если бы вы упрекнули меня в нескромности и в «огероизировании» своей личности. Я уже говорил об этом со многими руководящими работниками нашей партии. Они успокаивают меня, что это никогда не случится. Но все же мне как-то неловко.

Передай привет всем товарищам из ЦК ЛКСМУ.

Истинная дружба связывает меня с вами. Я всегда готов выполнить ваш приказ.

Крепко жму твои руки.

Н. ОСТРОВСКИЙ

Эшелон пришел из Казахстана...

Вот они и приехали с целины, из Казахстана, наши ребята, и, высыпав из вагонов, стоят на платформе на московской земле, загорелые, возмужавшие, отпустившие (кому удалось) суровые, мужественные бороды. Мы, встречающие, с тревогой вглядываемся в их лица. Мы знаем: это была трудная осень для них.

Еще до возвращения ребят я читала их письма к родным. Торопливые письма со следами земли и солярки на листках. Запомнились мне, в частности, письма Тани Ф., студентки МГУ. Они предназначались не для чужого глаза, поэтому я и не называю фамилии девушки.

Сперва на целине стояла жара, такая, что ребятам являлись миражи.

«...Однажды мы увидели свой совхоз,— писала матери Таня.— Белые здания отражались в воде. Их отражения колебались, и если бы я не знала точно, что это именно наш совхоз, в котором нет ни единого колодца, и единственный водяной источник — цистерна, я поверила бы, что вижу чудесный курортный город на морском берегу».

А потом над степью повисли набухшие влагой тучи. И зарядил дождь. Он лил много дней подряд, с упорством, доводящим до бешенства, до отчаяния. Теперь воды было так много, что земля ее больше не впитывала. По улицам плавали гуси. Ноги вязли в тяжелой, цепкой жижице. И вдруг проснулись — снег. Вокруг бело-бело.

«Холодные-холодные снежинки колют лицо, попадают за шиворот. Зверский ветер, и степь, как в тумане,— писала Таня.— Работаем на овсе. Солома мокрая. (Таня работала копнильщицей.) Тяжело. Не повернешь вилами. Руки болят, особенно по утрам. Просыпаюсь и минуты две не могу пошевелиться. А по «саманке» (саманному домику) ходит бригадир:

— Вставайте, комбайны ждут!

Да, суровое время! Я на настоящей, взаправдашней уборке. В самую горячую пору. И где? На целине! Трудное, непривычное чувство ответственности. Мы сбавим темп — остановятся и комбайн и трактор.

Мамочка и папочка! Вы, конечно, привыкли видеть во мне человека, о котором пока еще надо заботиться. Но ведь именно такая же молодежь, пареньки — трактористы и комбайнеры,— которым по 18—20 лет, и наш брат студент убираем знаменитый казахстанский миллиард. В ваших булках, наверное, будет и мое зернышко.

Но, главное, мы сейчас хоть и в малой, может быть, степени, а столкнулись с настоящей жизнью. Мы тут многому научились и многое пересмотрели. И, кажется, избавляемся понемногу от лишнего эгоизма, мелочной гордости и чувствительности...»

И вот они теперь на московской земле, наши дети, участники великой битвы за хлеб! Загорелые, возмужавшие, в чем-то неуловимо другие, чем несколько месяцев назад, когда мы провожали их в дальний путь. И золотые, литые колосья пшеницы, как память, как символ, виднеются почти из каждого рюкзака.

И. ИРОШНИКОВА

Встреча на вокзале студентов МГУ, вернувшихся из Казахстана.

Фото Е. Умнова.

ПЕРВЫЕ ХОЗЯЕВА КУБКА

Группа легкоатлетов 387-й школы Сокольнического района Москвы. Слева направо: Анатолий Беляков, Нина Климкина, Рафаэль Шарафутдинов, Алиса Ермолаева, старший преподаватель физкультуры В. Дрючин, Ольга Корсунская, Валерий Зайцев, Марина Модлибовская и Владимир Попков.

В начале этого года редакция журнала «Огонек» решила провести среди физкультурных коллективов московских школ конкурс на кубок «Огонька».

Основной показатель конкурса — постановка в школе легкой атлетики, имеющей важное значение для всестороннего физического развития подрастающего поколения. Претенденты на кубок были выявлены в итоге городских легкоатлетических соревнований школьников. Ими оказались физкультурные коллективы школ №№ 711, 387, 485, 585 и 75.

Однако право на кубок получала лишь та из пяти этих школ, где лучше развита работа секции легкой атлетики и спортивная самодеятельность учащихся, где шире ведется подготовка разрядников и значкистов комплексов БГТО и ГТО. По решению жюри, победителем конкурса в 1958 году была признана школа № 387 Сокольнического района (директор школы — Е. А. Жердина, старший преподаватель физкультуры — В. С. Дрючин).

Физкультурному коллективу этой школы вручены переходящий кубок журнала «Огонек» и премия.

Физкультурным коллективам школ №№ 711, 485, 585 и 75 будут вручены памятные вымпелы.

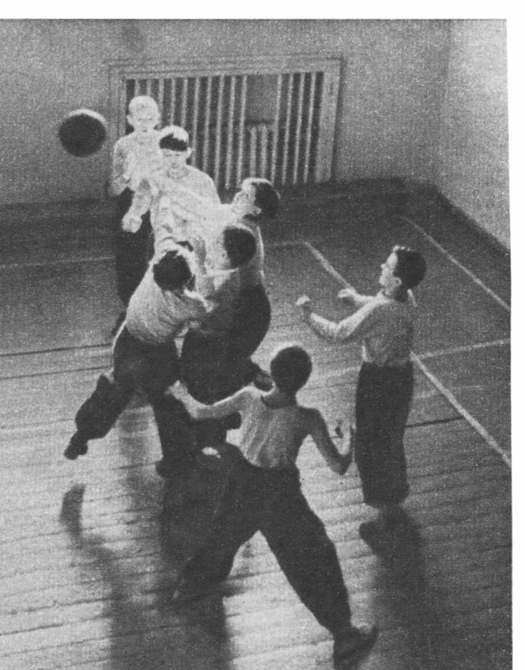
Е. ШАТРОВ

Фото А. Бочинина.

ДА, ЛЕГКАЯ АТЛЕТИКА!

В только что открывшейся школе-новостройке оказались светлые, удобные классы и отличные кабинеты. Сюда направили опытных, любящих свое дело педагогов. Однако для того, чтобы успешно провести первый учебный год, этого оказалось мало. Не хватало если не главного, то очень важного: учащиеся, переведенные в новую школу из нескольких соседних, не слились еще в единый, сплоченный и дружный коллектив.

Мяч научит быть ловким.

Ребята упорно держались группками, а между ними — отчужденность, холодок, иной раз и перепалки, ссоры. Учителей это сильно тревожило. Вопрос о том, как помочь детям сблизиться, подружиться, встал на педагогическом совете.

— Давайте сделаем всей школой экскурсию на сельскохозяйственную выставку! — предложил кто-то.

— Устроим поход в театр! — предложил другой.

— Надо бы привлечь школьников к спорту, это очень сплачивает ребят,— сказал преподаватель физкультуры Василий Степанович Дрючин.

За эту мысль ухватились. И, конечно же, быстро организованный легкоатлетический чемпионат оправдал надежды — помог становлению школьного коллектива. Иначе и быть не могло. Ведь каждая команда представляла в соревнованиях не группочку, не компанию, а весь класс, перед которым несла ответственность. Какие тут могут быть раздоры!

...Победители состязаний стали чемпионами школы, лучшие результаты — рекордами школы. «Нашей школы!» — с гордостью начали говорить ученики.

С тех пор минуло три года. Школьный коллектив давно сформировался, окреп. У него свое лицо, свои традиции. Одна из них — осенние соревнования по легкой атлетике, всегда массовые, хорошо организованные, с широкой программой.

БЕЗ СКУКИ

Находятся педагоги, утверждающие, будто тренировки легкоатлетов лишены эмоциональной окраски, а посему неинтересны для подростков. Побывать бы этим педагогам на занятиях легкоатлетической секции в 387-й школе!

Тридцать девушек и юношей выстроились в спортивном зале. Они только готовятся к тренировке — делают разминку, но на лицах уже улыбки. Для разминки Василий Степанович дал не просто наклоны, потягивания и прыжки, а серию остроумных, порою неожиданных упражнений со скакалками. В них есть немало трудных гимнастических элементов, но они хорошо удаются. И видно, что ребята рады щегольнуть силой и точностью своих движений.

Затем Дрючин быстро делит спортсменов на три группы. В одной из них девушки начинают совершенствоваться в умении брать старт. Другая идет к лежащей в углу штанге, чтобы начать силовые упражнения. Третья группа, получив задание, спешит на улицу.

Скуки нет нигде и в помине. Увлекательно, весело проходят и рывки со старта, и поднимание тяжестей, и пробежки «с ускорениями» вокруг школы. А какими возбужденными, раскрасневшимися, пышущими здоровьем возвращаются ребята в зал! Незаметно летит время.

Уроки привили ребятам вкус к легкоатлетическим упражнениям. В школе любят и волейбол, баскетбол, коньки и лыжи, но популярность легкой атлетики тут особенно велика.

Три года назад, когда 387-я школа только еще открылась, ее легкоатлетическая команда заняла седьмое место в Сокольническом районе Москвы. В следующем сезоне удалось завоевать третье место, а в прошлом — уже и первое. Победа в районных соревнованиях позволила спортсменам школы участвовать в розыгрыше городского первенства по легкой атлетике, а следовательно, и в конкурсе «Огонька».

Претендентами на кубок, учрежденный журналом, становились коллективы, занявшие в общемосковском чемпионате первые пять мест. В зимнем туре соревнований легкоатлеты из Сокольников вышли на пятое. Это было достижением. Однако весной предстоял еще один тур. К нему готовились с удвоенным пылом. И недаром: команде 387-й школы удалось перейти с пятого места на второе.

САМИ ШКОЛЬНИКИ

Как удалось юным легкоатлетам так повысить свои достижения? Тренировки, вероятно? Занятия в секции?

— Ну, это само собой,— отвечает В. С. Дрючин,— но не меньшую роль сыграли и наши внутришкольные соревнования. Подготовка к ним придавала секционной работе целеустремленность.

Первенство школы по легкой атлетике мы разыгрываем три раза в год: осенью, зимой и весной. Кроме того, разыгрывается первенство по троеборью и проводятся отборочные соревнования для районной эстафеты...

Рядом с легкоатлетическими соревнованиями в спортивном календаре школы есть и волейбольные, баскетбольные, лыжные, конькобежные, стрелковые. Проводились даже гонки на трехколесных велосипедах для первоклассников.

Невольно возникает вопрос: как всюду поспевает, всем руководит, все налаживает и контролирует старший преподаватель физкультуры, имеющий к тому же двадцать восемь часов в неделю педагогической нагрузки?

Василий Степанович Дрючин — прекрасный, энергичный работник, но, конечно, он один не в состоянии охватить всю работу. Секрет успехов школы как раз и заключается в том, что это дело является здесь общим, что двигают его многие. Организаторами физкультуры и спорта стали и директор школы Екатерина Андреевна Жердина, и классные руководители, и комсомольский комитет, и пионерская дружина. Но самое, пожалуй, ценное и главное — это то, что на практические дела в спорте направлена инициатива и энергия самих учащихся.

ТАБЛИЦЫ И ТАБЕЛИ

В прошлом учебном году школа № 387 заняла в таблицах районных спортивных соревнований неплохие места: по легкой атлетике — первое, по конькам — второе, по лыжам и стрельбе — четвертое, по волейболу — третье... А какая была в это время успеваемость в школе? Какие отметки ставились в табели учеников? Оказывается, неплохие, очень неплохие. В прошлом году успеваемость по школе составляла 96,1 процента, что выше средней успеваемости по Москве.

— По-моему, физкультура и спорт как раз и помогли нам повысить успеваемость,— говорит директор школы Е. А. Жердина.

— Нет ли случаев, когда увлечение спортом идет в ущерб учению?

— Такие случаи очень редки, и мы, конечно, принимаем меры, чтобы их и вовсе не было,— отвечает Екатерина Андреевна.— Но тут надо помнить вот о чем... Далеко не всегда появление в табеле двойки надо связывать с занятием спортом. Неуспеваемость могли вызвать десятки других причин. Поэтому я считаю вредным сразу же отчислять из спортивных секций неуспевающих учеников. Напрасно думают, что оторванный от любимого спорта ученик сразу же начнет «исправляться»... Бывает и наоборот! Бывает, что такой ученик, махнув на все рукой, «хватает» новые двойки. К каждому случаю неуспеваемости мы подходим индивидуально. Если окажется, что спортивные занятия отнимают время, предназначенное для выполнения домашних работ, то ученику, который слишком увлекся спортом, предложат сократить число тренировок и правильно распределить свое время. Это и дает нужные плоды!

К словам Екатерины Андреевны следует прислушаться. Нельзя признать правильным, что во многих наших школах отстранение от спортивных занятий становится своеобразным «наказанием» неуспевающих учеников. Ведь спорт, как правило, не помеха, а хороший помощник в учении!

Недавно в 387-й школе был большой праздник. Актовый зал заполнили учащиеся, педагоги, гости. Заслуженный мастер спорта В. П. Куц вручил школьникам кубок «Огонька». Из рук другого прославленного легкоатлета, В. Д. Казанцева, лучшие физкультурники получили премии: копья, диски, комплекты спортивной формы. Победителей конкурса поздравляли представители городского и районного отделов народного образования, райкома комсомола, районного отдела физкультуры. Услышали они и приветствия пионерской дружины школы, родителей, своих самых маленьких товарищей по учебе — первоклассников.

Однако кубок «Огонька» — приз переходящий. Физкультурники школы № 387 — только первые его хозяева. Для того, чтобы кубок остался в школе навсегда, надо завоевать его два года подряд или три раза в разные годы. Само собой, что первые хозяева и будут к этому стремиться. Но надо думать, что не останутся равнодушными к судьбе кубка коллективы остальных московских школ: и они будут оспаривать почетную награду в 1959 году. Собственно, спор уже начался... Во многих районах столицы проходят легкоатлетические чемпионаты школьников, которые определят участников зимних и весенних городских соревнований.

Итак, конкурс журнала «Огонек» продолжается! Пусть и это соревнование послужит делу физического воспитания школьников, укреплению их здоровья.

Заслуженный мастер спорта Владимир Куц вручает кубок журнала «Огонек» председателю Совета физкультуры школы № 387 Валерию Денисову.

Я—МАЛАХИТ

Поэма

Василий КУЛЕМИН

Рисунки В. ЕЗДАКОВА.

Иная юность
Песнею начнется.
  Иная — нет.
В окопе обвалившемся
Очнется
  Она чуть свет.

В шестнадцать лет
У рта легла скорбинка.
  Тверда рука.
На волосах
Хрустальная росинка
  Дрожит слегка.

Бывало, вскинет голову
С опаской...
  О юность, ты ль?!.
Мне кажется сейчас
Далекой сказкой
  Вот эта быль.

1

Комбриг ее
На «виллисе» в бригаду
  Примчал, как вихрь.
— Одеть, как надо,
Накормить, как надо, —
  Сказал комбриг.

И в штаб пошел,
Взрывая снег унтами...
  Что делать ей?
Она ведь
Вовсе девочка летами —
  Как дочь, жалей!

Откуда знать,
Что некуда ей деться
  Средь бурь и гроз,
Что из села,
Отбитого у немцев,
  Комбриг привез!..

Комбриг забыл о ней:
Упомнишь разве,
  Когда война?!.
Средь ста ребят
В обычной роте связи
  Она одна.

2

Бойцы порой
Посматривали косо:
  Мол, вот привез...
Затеял кто-то
Долгие расспросы,
  Довел до слез...

Так и жила она,
Чужая будто,
  Девчонка та,
В шинель одета,
В сапоги обута —
  На пост с поста!

Продрогнет там,
А ей ни слова ласки:
  Все как сычи.
Однажды помню:
Греет воду в каске.
— Зачем? —
  Молчит...

И вдруг при всех
Помыла косы в каске.
  Взяв на ладонь,
Прошла к печурке,
Где метался в пляске,
  Шумел огонь.

Пред зеркальцем —
Светящимся осколком —
  Сушила их.
И что случилось,
Не припомню толком,
  Но в этот миг

Такая тишина
Установилась!
Не сводим глаз.
И слышно было лишь,
Как сердце билось
  У всех у нас.

Расчесывала волосы
Девчонка.
  Они с руки
По выцветшей стекали
Гимнастерке,
  Как ручейки...

За окнами
Осенний стылый вечер,
  Дождя следы...
Девичья шея
И девичьи плечи
  Совсем худы.

Друг другу отвечали
Односложно:
Лишь «да» иль «нет».
И почему-то
Спали ночь тревожно.
Пришел рассвет.

Как на парад, побрились
К построенью.
Не утаю,
Что не прихода ждали —
Появленья
Ее в строю.

Она вошла
Неспешною походкой.
У всех вопрос...
Глазам не веришь:
Нету под пилоткой
Тех пышных кос.

И прядка,
Что на лоб ей набегала,
Ну, как дымок,
Теперь с каким-то вызовом
Торчала
Куда-то вбок.

И вся она
Совсем-совсем другая:
Прямей, стройней.
Нет, не она —
Мы взглядом избегаем
Встречаться с ней.

Неловко как-то...
Лучше бы сторонкой
Теперь прошла
Та, что, по сути,
Младшею сестренкой
Нам всем была.

3

Я думаю:
Пошло бы все иначе
С минуты той.
Но тут комбриг
Прислал за ней: назначил
На пункт другой.

Над фронтом ночь,
И нет конца полетам!
Она не спит...
В ночи впервые
Слышится пилотам:
— Я «Малахит».

— Теперь знакомы...
Вызывай почаще...
— Я «Малахит».
И голос, словно
Ручеек журчащий,
Звенит, летит.

Каким-то незатейливым
Домашним
Был голосок.
Не слишком низок,
Как басок вчерашний,
И не высок.

— Я «Малахит», —
Серебряная нотка
Дрожит во мгле.
Пилоты слышат
Явственно и четко:
— Я на земле.

4

Дружок мой —
Удивительный товарищ,
Храбрейший ас —
Спросил ее:
— Когда вернусь, подаришь
Сиянье глаз?

А слово невоенное
Подаришь?..
Во мгле ночной
Она в ответ
Промолвила тогда лишь
Свой позывной.

Мы с ним давно
Приятелями были.
Я примечал:
По-своему
Удачный каждый вылет
Он отмечал.

Луга синели
За аэродромом,
И в те луга,
Как будто мальчик
Из родного дома,
Он убегал.

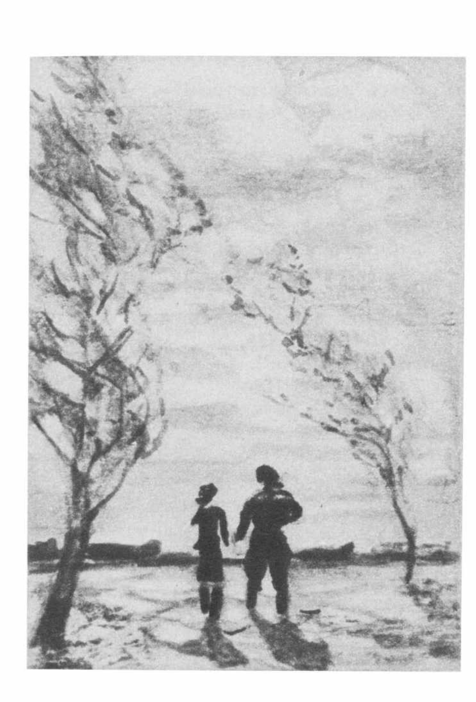
Взлетал он к звездам,
Жил он звездным небом,
А видишь ты,
Он рвет цветы...
(Покажется нелепым?)
Да, рвет цветы!

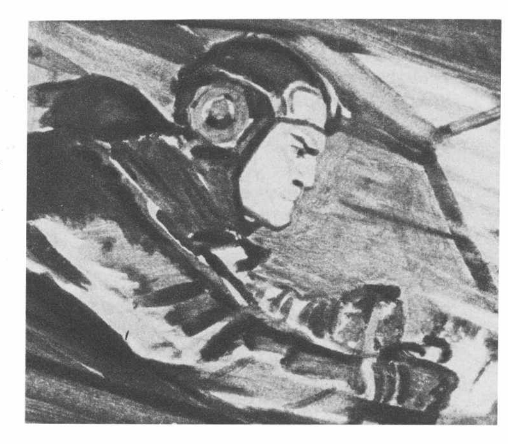
Друзья его
Романтиком прозвали,
Хоть знали все ж:
Испытанней, храбрей его
Едва ли
В полку найдешь.

Иван Сенцов,
А если просто — Ваня...
Товарищ, друг,
Ну, знал ли ты,
Что тут влюбленным станешь
Так сразу, вдруг?!

Мечта твоя,
Сестра твоя, невеста,
Твое вино...
Откуда это счастье?
Неизвестно.
Но есть оно.

И каждый взгляд
Особого свеченья,
И все слова
Полны непостижимого
Значенья.
Да, все слова!

5

Земля — с лицом окопным,
Как с плаката —
Обнажена.
Предчувствием недоброго
Объята,
Живет она.

Ты, крылья распластав,
Летишь над нею.
Ты в выси вхож.
И никогда, наверное,
Полнее
Ты не живешь.

В глаза поток
Заоблачного света...
Земля молчит.
И вдруг,
Как знак далекого привета:
— Я «Малахит»...

Он всякий раз
Совсем-совсем домашний,
Тот голосок.
Не слишком низок,
Как басок вчерашний,
И не высок.

Не ведаешь,
Девчонка-россиянка,
Ты ничего!
Ведь словно бы
Чапаевская Анка
Ты для него.

Он в бой вошел привычно,
Как-то сразу.
Воздушный бой!
Вот прочертили
Огненные трассы
Свод голубой.

Нет, не машина —
Человек крылатый!
Есть только он!
Его мотор,
Его стальные латы,
Борьбы закон.

В смертельный миг
И пулемет твой страшен:
Взахлеб кричит...
Пробоина
На фюзеляже
Кровоточит.

Лицо, поверить можно,
Из гранита,
Когда б гранит
Потеть умел.
Росой оно покрыто,
Огонь хранит.

В системе нервов
Тросы рулевые...
Вперед, назад!..
И кажется:
Живые
Одни глаза.

Мгновенья
Стали вечными в морщинах
У глаз и щек.
Вот запылала
Первая машина,
Потом еще...

Иван нажал гашетку.
Над землею
Вдруг замер он.
Не громом боя,
Полной тишиною
Он оглушен.

Секунда...
А противник выше, выше,
Скрывался с глаз.
Потерян слух?
Нет, просто вышел
Боезапас.

Кровь на штурвале:
В поединке ранен.
Есть сила в нем!
Уж коль гореть,
То надо знать заране,
Каким огнем!

В мозгу, как ток,
Последнее решенье.
Лицо, как мел.
Ты взмыл свечой.
Пошел ты на сближенье.
Ты так хотел!

— Я «Малахит»!
Да, голос тот далекий
Вел твой полет.
Ты говорил ей,
Что любовь все сроки
Переживет...

Нет, не сбылóсь!
В неумолимой схватке
Шел на таран.
Твой самолет,
Как будто в лихорадке,
Дрожал от ран.

И вдруг
Остановилось все мгновенно.
Огонь и дым
Закрыла
Облаков густая пена
Крылом седым.

Последней искрой
Жизнь твоя до срока
С высот летит...
Лишь не смолкает
На волне высокой:
— Я «Малахит».
— Я «Малахит».
— Я «Малахит»...

6

Не выдержало сердце:
Пустотою
Беда в груди.
Вот ночь сама
Склонилась над тобою:
— Он ждет. Иди...

Послышалось?
Все небо в тихих звездах —
Поражена.
Дрожит в лучах
Похолодевший воздух...
И вдруг одна

Тихонько отделилась
От созвездий,
Где век жила,
Пошла с летевшим самолетом
Вместе,
Пошла, пошла...

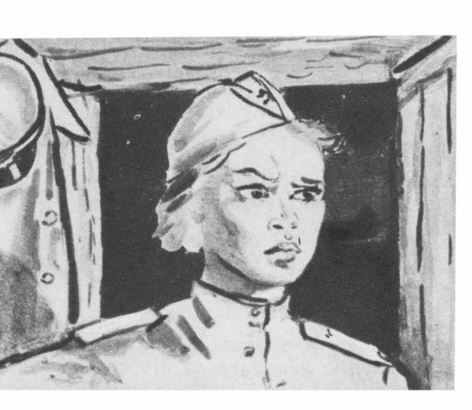
Уже заходит на посадку
В поле...
Но нет чудес!
И сердце сжалось
В нестерпимой боли:
Да, след исчез!..

И ты одна
В большой ночи глубокой.
Ночь, как беда.
Нет, не была
Такою одинокой
Ты никогда.

Накинь шинель:
Ведь ты же не одета.
Куда спешить?
Все кажется,
Что среди звезд он где-то
Остался жить.

Вот хрустнули
Под сапогами льдинки.
Бежит вода.
Задумчиво
Пошла ты по тропинке.
Пошла. Куда?

...Его землянка.
Свет едва сочится.
Сырая мгла.
Припомнились
Друзей Ивана лица.
Ты к ним пришла.

Ведь кроме-то
И поделиться не́ с кем.
Жаль, мамы нет...
Толкнула дверь
Движеньем нервным, резким
Метнулся свет.

Растерянно
У входа ты застыла.
Смятенье глаз.
Чужим, спокойным
Здесь, в землянке, было
Все в этот час.

Друзья Ивана
В домино играют.
В такой-то час!
Поднялся командир —
Сидел он с краю:
— Простите нас...

Как будто в грудь
Слова тебя толкнули.
— Сейчас? Простить?
Потерю друга
Так легко могу ли,
Как вы, забыть?

— Забыть? Забыть,
вы говорите?!
Так ли? —
Сказал в пылу.
Но тут же плечи
Как-то вдруг обмякли.
Он сел к столу.

— Эх, девочка!..
Такими были сами
Лет пять назад.
Круги у командира
Под глазами.
Тревожный взгляд.

Каким-то вдруг
Необъяснимым чувством
Ты поняла,
Как на душе у командира
Пусто:
Зима пришла.

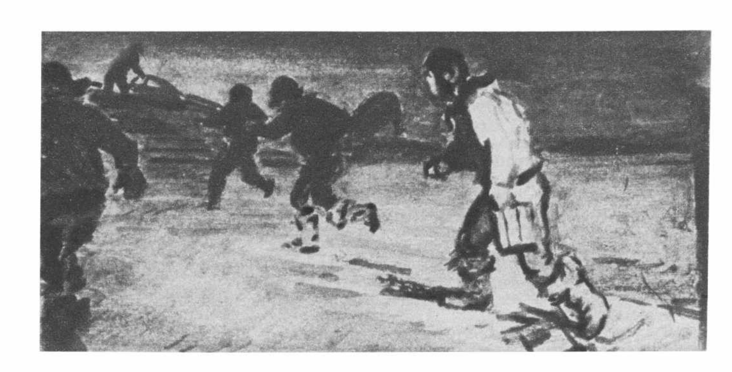
В такой вот час
Не согревает слава.
Белы́м-бело́.
Ведь столько дней
Привык он видеть справа
Его крыло...

Ты так ушла,
Как вдаль уходят реки,
Смиряя бег.
Всего дороже
В нашем человеке
Сам Человек.

Бывало, он
Ссутулится под грузом
Тревог и бед.
И трудно различить порою,
Рус он
Иль просто сед.

Но тронет вдруг тебя
Такой струною,
Сметая ложь,
Такою обернется
Стороною,
Что и не ждешь...

Уйдет... А ты...
Опять в раздумье замер
На гребне лет...

Его всегда отличную
Работу —
Нет, не за страх!
Ты чувствуешь:
Он словно ищет что-то
В твоих чертах.

Он даже встал,
Прошелся до порога...
Но в этот миг
Ночь рассекла
Воздушная тревога.
Смутила их.

— Вы знаете:
Я был с Иваном дружен... —
Не досказал,
Тебе лишь руку
Как-то неуклюже
Поцеловал.

И вышел в ночь.
Ты плачешь? Вахта скоро.
Сядь, помолчи...
Послышалось
Гудение мотора.
Огни в ночи.

И смотришь
Восхищенными глазами
Ему вослед.

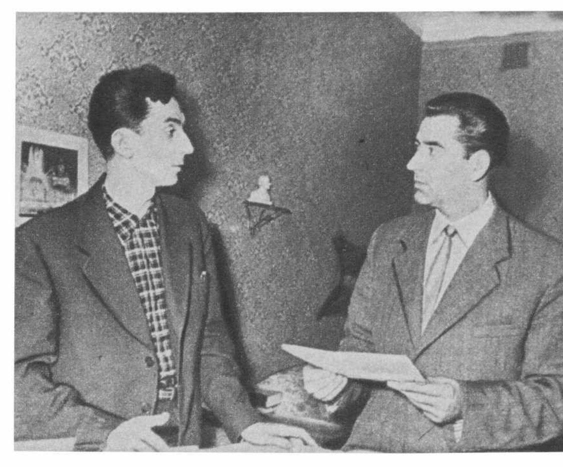
Ему, с кем полземли
Исколесили
В огне, в дыму...
Святую нежность
Женщины России
Даря́т ему.

Вместо эпилога

От тех дорог высоких
В отдаленье
Бежит строка.
Тебе, былая юность
Поколенья,
Моя рука.

Завьюжена
Метелицей холодной,
Ты так жила!
И, песнею озарена
Походной,
В века ушла.

Л. Афанасьев и Ф. Пархоменко.

ДВОЕ ИЗ ОДНОЙ ЭСКАДРИЛЬИ

Служили два друга в одном полку... Один, Леонид Афанасьев, был заместителем командира эскадрильи, второй, Филипп Пархоменко,— командиром звена. Вместе делили они трудности военных лет, вместе летали на штурмовку врага и даже одинаковые награды получили: ордена Красного Знамени, Александра Невского и Отечественной войны 1-й степени. Породнила друзей и любовь к искусству. Леонид с юных лет увлекался музыкой; он не только отлично играл на пианино, но и сам сочинял небольшие пьесы. Филипп Пархоменко любил задушевные украинские мелодии. Его приятный, мягкий голос не раз звучал в концертах самодеятельности.

В июле 1944 года во время штурмовки скопления вражеских танков Леонид Афанасьев был тяжело ранен и полгода провел в госпитале. Тяжелые последствия ранения не позволили врачам разрешить Афанасьеву возобновить боевую летную работу.

На выручку другу пришел Филипп Пархоменко. С разрешения командира он совершил вместе с товарищем пробный вылет. Проверил — убедился: нет, ничего не забыл Леонид. Крепко держат его руки штурвал, по-прежнему меток глаз, точен расчет. Афанасьев возвратился в строй и вместе с друзьями штурмовал Берлин, освобождал Вену, Прагу.

Но после окончания войны старые раны напомнили о себе. Капитан авиации Афанасьев был демобилизован по состоянию здоровья.

Прошло несколько лет. В марте 1952 года десятки телеграмм пришли в адрес аспиранта Московской консерватории Леонида Викторовича Афанасьева. Друзья-летчики поздравляли молодого композитора. Его концерт для скрипки с оркестром был удостоен высокой награды — Сталинской премии. В тот же день Леонида разыскал в Москве его друг капитан Филипп Пархоменко.

Радостное событие произошло вскоре и в жизни Пархоменко. Выступление его на заключительном концерте смотра художественной самодеятельности военно-воздушных сил привлекло внимание известных музыкантов и певцов.

И вот уже четыре года, как бывший военный авиатор выступает на сцене Большого театра Союза ССР. Ему поручались ведущие партии в операх «Кармен», «Русалка», «Галька», «Паяцы», «Декабристы», «Хованщина» и ряде других.

Не забывает офицер запаса Пархоменко и коллектив самодеятельности Военно-воздушной академии, откуда он шагнул на подмостки Большого театра. Шефские концерты с его участием в клубе академии проходят с неизменным успехом. Недавно Филипп Пархоменко в составе группы мастеров Большого театра выезжал на гастроли в Сталинград, выступал перед строителями, рабочими тракторного завода.

Композитор Леонид Викторович Афанасьев за это время написал симфоническую поэму «Мы славим Родину трудом», начал работу над скрипичным концертом, создает симфонию о летчиках.

Дружба, родившаяся в годы войны между двумя летчиками, продолжается и по сей день.

Ал. ФРИДЛЯНДСКИЙ
Фото автора.

ДОБРОЕ ИМЯ

В. ВОЛОДИН

Дело это чуть было не окончилось неприятностью. Около двадцати человек во главе с секретарем колхозной комсомольской организации и несколькими членами бюро из-за кукурузы едва не сбежали из колхоза. И случилось это в ту пору, когда дела в колхозе «Красный пахарь», Починковского района, Горьковской области, впервые за последние два десятка лет заметно пошли в гору; когда вырос в цене трудодень, а молодежь, норовившая в прошлом податься из села в город, стала прочно оседать в колхозе; когда уже не «Красный пахарь» стал нуждаться в рабочих руках, а совсем наоборот.

И вот по совету областных товарищей в колхозе посеяли кукурузу. Как посеяли? Пришел из района план, пришли инструкции, пришли мешки со странными, никому не знакомыми семенами. Агроном, видевший раньше кукурузные початки только на фотографии, прочел лекцию, не выпуская из рук инструкции-самоучителя. И, сказать по правде, мало кто в селе Кочкарове верил в успех. И людей-то на кукурузу ставили случайных, и поле под нее нарезали за рекой Алатырем, на песчаной стороне, «на камешках»: жаль было отводить еще незнакомой гостье жирный чернозем.

В Кочкарове после первой неудачи кукурузу поручили колхозному комсомолу. Создали звено, которое так и назвали: «Комсомольско-молодежное звено по выращиванию кукурузы». Правда, и звено в девять человек не смогли укомплектовать из добровольцев, так сильно была подорвана вера в кукурузу. Даже звеньевую Юлю Булычеву пришлось долго уговаривать.

Казалось бы, руководить звеном тоже должен комсомольский вожак, секретарь комсомольской организации Дуся Кулемина, тем более, что и делом она была занята в ту пору вовсе не женским: заведовала конноварной фермой. Но бывает ведь и такое — не нашлось ей подходящей замены.

А кукуруза выросла. Почему? Погода помогла? Нет, не только погода. На этот раз королеве полей отвели лучшие пойменные земли и ухаживали за ней как следует, а убрали — сами удивились: звено Юли Булычевой прогремело на всю округу — 765 центнеров зеленой массы с гектара! Такого урожая не собрал никто во всей области.

Но самое серьезное было впереди.

Юля Булычева вышла замуж в другое село. Кое-кто из ее подруг, удостоившись громкой славы, также ушли на другие работы. А кукурузу надо было сеять вновь. Но в том никто уже не видел большой сложности. Комсомольцы и на этот раз решили взять кукурузное дело в свои руки и дать ему новый разворот: собрать по 800 центнеров зеленой массы с гектара. Создали теперь уже два комсомольско-молодежных звена, чтобы можно было им между собой соревноваться. На этот раз добровольцев оказалось более чем достаточно. Пришлось даже воевать с бригадирами, которые не захотели отпускать из бригад лучшую молодежь. Спасибо, заядлым сторонником кукурузы оказался новый председатель, первый организатор колхоза в 1929 году, Сергей Ефимович Улыбин. Даже Кулемину согласился отпустить с фермы.

Дуся Кулемина и Тамара Слюняева были на комсомольском собрании утверждены звеньевыми. Комсомольцы не забыли старых уроков, и кукуруза быстро пошла в рост. Потом прекратились дожди, и она, как по волшебству, остановилась.

Решили отливать ее речной водою. Сергей Ефимович отдал на кукурузу все автопомпы. Почти неделю звенья не уходили с берега Алатыря. Воды перекачали из рени пропасть. Но кукуруза не шла.

— Ну, что, нацарствовалась ваша королева полей в прошлом году? Это не чудо — раз в сто лет один урожай вырастить. Раз в сто лет у нас и апельсин народится.

Раздавались такие голоса, и переспорить их было невозможно: крыть нечем. Дошло до слез, которых даже Дуся с Тамарой на людях не стыдились.

И тут-то, когда стало им ясно, что урожай погибнет, и задумались Дуся Кулемина, Тамара Слюняева и еще десятка два комсомольцев: а не бежать ли им из села от стыда и позора подальше? Еще бы, провалить такое дело, да еще так удачно начатое Юлей Булычевой! Где они, торжественно обещанные 800 центнеров?! Но бороться за спасение кукурузы все-таки решили до конца... И работали: рыхлили, пололи, поливали.

И тут полил дождь. Его первые капли были последними каплями, перевесившими чашу весов в пользу победы. Кукуруза словно проснулась: и пошла, и пошла, и достигла трех с половиной метров роста. Итог — 805 центнеров с гектара. Говорят, что такой урожай сделал бы честь даже краснодарским колхозникам.

В 1957 году звенья дали по 862 центнера. В 1958 году немного не дотянули до тысячи: каждое звено взяло по 980 центнеров с площади в десять гектаров.

12 марта 1958 года был подписан указ о награждении обеих подруг — звеньевых Кулеминой и Слюняевой — орденами Ленина. Все 34 девушки из их звеньев два года подряд являются участниками ВСХВ.

— А кто из девушек старательнее всех работал?

— Либо перепишите все тридцать четыре фамилии, либо никого не упоминайте,— сказала Дуся.— Все мы вместе и ночи недосыпали и в шалашах прямо на поле жили.

— Так будет справедливо,— согласилась Тамара.

И, пожалуй, будет верно славу поделить поровну: ведь каждая из девушек по праву достойна уважения, которое кочкаровцы, да и не только они, оказали их комсомольским вожакам. Дуся не только комсорг в колхозе, но и член колхозного парткома, и член Починковского райкома партии, член бюро райкома комсомола, член областного комсомольского комитета, а Тамара — член колхозного и районного комитетов комсомола — после последних выборов стала депутатом райсовета.

Тамара Слюняева и Дуся Кулемина.

КАК РОЖДАЛИСЬ КАРТИНЫ

В годы Великой Отечественной войны, выполняя задания командования, я бывал на территории, занятой врагом, видел бесстрашие и героизм советских партизан и подпольщиков.

После первой картины, «Языка привели», посвященной партизанам Советской Украины, мне захотелось рассказать в следующем произведении о борьбе против фашистских захватчиков подпольной организации Полтавы «Непокоренная полтавчанка».

В Полтаве, куда я ездил собирать материал для будущей картины, мне рассказали незабываемые эпизоды о смелых подвигах коммуниста Сергея Сапегу, руководителя группы, комсомолки Ляли Убийвовк, участников группы Бориса Сергу, Валентина Сороки, Леонида Пузанова и Сережи Илевского.

Чтобы заставить говорить молодых патриотов, гестаповцы не останавливались ни перед чем. В школе, где Ляля училась до войны, фашистские изверги поставили ее, полураздетую, у стены и очередью из автомата выбили на стене силуэт патриотки.

Константин Григорьевич, отец Ляли, показал мне дневник и письма Ляли из фашистского застенка. В своем последнем письме к родителям она писала: «...Я не боюся вмерти — всі люди вмирають, і якщо доведеться вмирати, то вмиратиму так, щоб від цього була найбільша користь».

В историческом музее Полтавы хранятся листовки, изготовленные комсомольцами «Непокоренной полтавчанки»: «...Поклянемся кровью наших братьев, что не покоримся оккупантам! Кровь за кровь! Смерть за смерть!»

На картине моей нет врагов и предателей. Но в композиции должно чувствоваться, что действие происходит в суровые дни оккупации, что враги находятся где-то совсем близко, за пределами картины.

...Подпольщики собрались за своей обычной работой, принимают радиопередачи, печатают листовки. Неожиданный стук в дверь. Взволнованность, тревогу героев, опасность положения надо было передать во взглядах, в выражениях лиц, в движении, композиционном и цветовом решении картины.

Мне думается, что в такой напряженной обстановке можно ярче выявить железную волю молодых подпольщиков, их убежденность в правоте своих действий.

Я отказался от «героических» поз и «бесстрашных» лиц. Старался, чтобы движения были естественны, выражения лиц жизненны.

Собранность, решительность, готовность комсомольцев пойти на смерть за свое святое дело — вот что я хотел выразить в картине.

В. ЗАБАШТА

* * *

В один из мартовских дней в поисках мест для пейзажных этюдов я порядочно удалился от Москвы по Минскому шоссе.

На 86-м километре неожиданно открылась панорама перекрестка дорог со скульптурным монументом и небольшой группой строений.

По мере приближения скульптура приобретала все большую и большую значимость и наконец предстала как творение потрясающей силы...

Что произошло со мною, трудно передать словами. Всем своим существом я чувствовал, что предо мною стоит живая Зоя, какой я представлял ее себе...

Простая девушка, спокойная, гордая, внутренне одухотворенная,— такой на гранитном пьедестале предстала моя любимая героиня. Так родилась тема картины и властно приковала к себе.

Трудно сосчитать, сколько дней я провел у перекрестка, наблюдая за тем, что происходит около памятника. Среди экскурсантов я ни разу не заметил людей равнодушных. Наиболее эмоционально выражала свои впечатления молодежь.

В своей композиции я и запечатлел почти документально то, что видел.

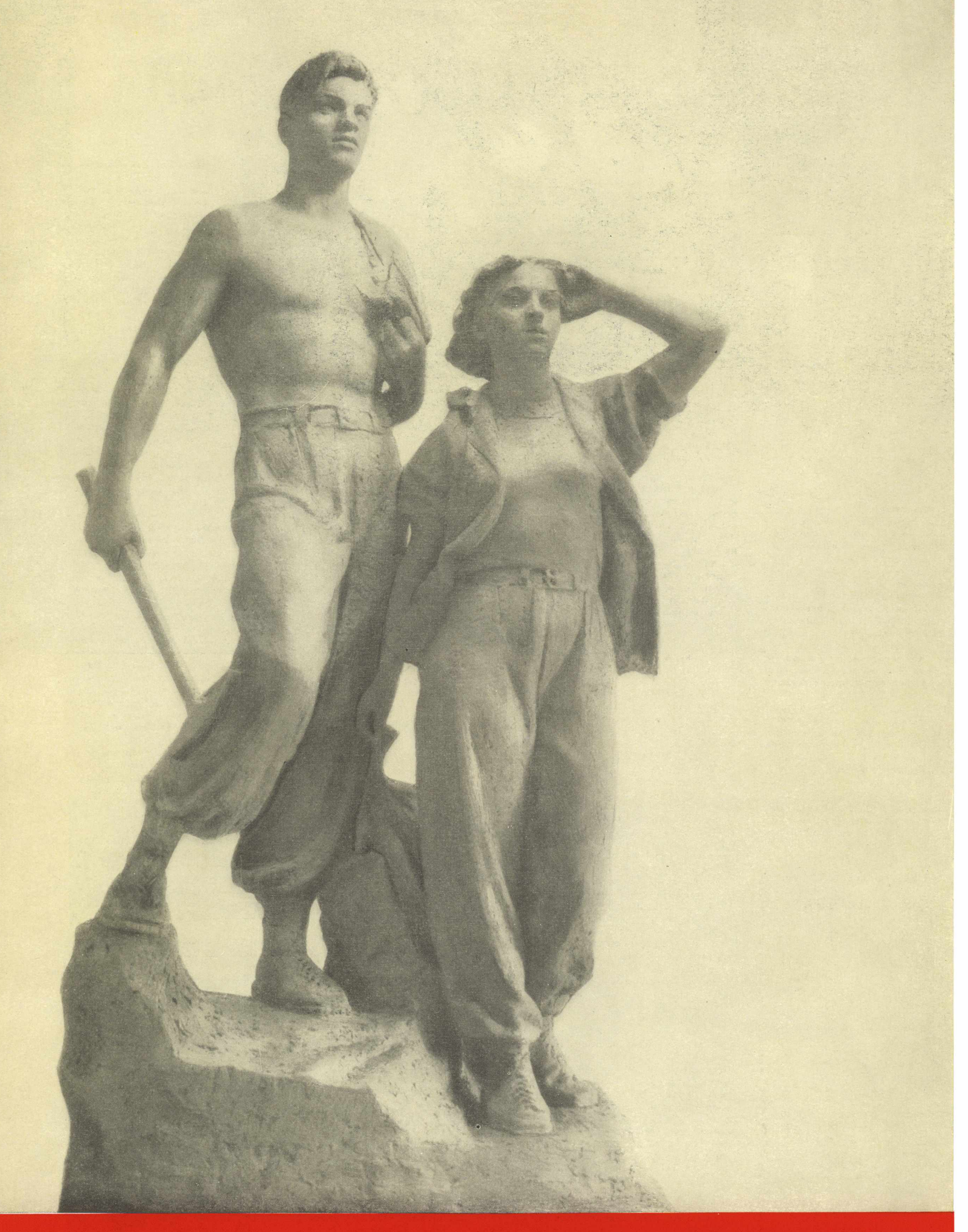
Но, разумеется, моя кисть могла передать только малую долю того настроения и тех чувств, которые вместе с венками приносили люди к подножию памятника.

Р. ДИДЕНКО

В. И. Забашта. В ГОДЫ ПОДПОЛЬЯ

Всесоюзная художественная выставка «40 лет ВЛКСМ».

Р. А. Диденко. У ПАМЯТНИКА ЗОЕ.

Д. А. Поляков. ГЕОЛОГИ.

Дипломная работа студента художественного института имени В. И. Сурикова выпуска 1958 года.
Всесоюзная художественная выставка «40 лет ВЛКСМ»

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ ГОМЕЛЯ

Григорий **РОЗИНСКИЙ**, сотрудник газеты «Гомельская правда»

В августе прошлого года в «Комсомольской правде» появилась заметка, в которой писалось: «Тяжелой была осень 1941 года. Оголтелые фашисты на всех перекрестках кричали о взятии Ленинграда и Москвы. В Гомеле, в ресторане на Советской улице, фашистские офицеры устроили банкет в честь... падения Москвы. Когда гитлеровцы подняли тост за «взятие» нашей столицы, раздался оглушительный взрыв».

Далее в заметке сообщалось, что после войны, убирая на одной из улиц Гомеля обломки полуразрушенного здания, ученики ФЗО нашли потрепанную сумочку, а в ней комсомольский билет на имя Марии Евдокимовой и записку.

«Не верю, не верю, что Москва не наша,— говорилось в записке.— В знак протеста и ненависти к врагам Родины, во имя нашей победы, взрываю 86 фрицев, но погибаю сама: иного выхода нет. Прощайте, друзья. Я уверена, что за нами победа!»

Молодежь Гомельщины была взволнована. В обком комсомола, в редакцию местной газеты, в краеведческий музей посыпались письма. Люди спрашивали: что сталось с Марией? Кто помогал ей? Кто, скажем, добывал взрывчатку? Как доставили ее в ресторан? Кто был очевидцем взрыва? Все это пока оставалось неизвестным...

Как легенду, из уст в уста передают старожилы Гомеля рассказ о смелых подвигах тайной молодежной организации, которую возглавил Роман Илларионович Тимофеенко, представитель подпольного Гомельского горкома партии.

Патриоты расклеивали листовки, карали смертью гестаповских палачей, уничтожали вражескую технику. Горели фашистские казармы и склады. Летом 1943 года взлетела на воздух электростанция. Кто же вел день за днем эту героическую борьбу? Как были связаны эти люди с отважной девушкой, чью записку нашли в комсомольском билете?

Старый хранитель областного музея Павел Акимович Годунов, когда я спросил его о Марии Евдокимовой, только развел руками:

— Нет, к сожалению, ничего не знаю. А если интересуетесь подпольщиками, вот есть один волнующий документ.

И он бережно достал из картонной папки вчетверо сложенный носовой платок. На платке еще сохранились следы запекшейся крови. Выцвели и стерлись карандашные строчки, но все-таки можно было прочитать:

«Родные!

В последний час пишу Вам. Видно, моя такая судьба, чтобы умереть от пули...

Мама, папа, Валя, Тоня, Лида, Нина, Женя, Володя, Аркадий, Саша, если я был к кому несправедлив, простите меня. Дорогие, берегите себя, не обижайте друг друга. Папа, берегите Тоню и Сашу. Привет в предсмертный час всем родным и знакомым.

20. VI. 42 г. Бородин Тимофей Степ.»

— Откуда это у вас? — спросил я.

— На днях старушка принесла,— сказал Годунов.— Мать Тимофея Бородина. Вот здесь, в уголке на платочке, и адрес написан: «Гомель, улица Плеханова, 46».

Я тогда же отправился по этому адресу. Меня встретила седая, старая женщина.

Узнав, зачем я пришел, она молча достала из буфета и положила на стол документы и фотографии, постояла минуту в нерешительности и прибавила к ним партизанскую медаль и орден «Материнской славы».

— Это мои, не Тимы. Да вы уж все посмотрите!

— А кем был ваш сын?

— Секретарем комсомола в типографии «Полеспечать». Когда немцы пришли, остался в городе партизанить. Здесь и погиб, расстреляли его.

Пока я рассматривал фотографии Тимофея Бородина, женщина молчала. За стеной слышались детские голоса.

— Внуки? — спросил я.

— Они, — ответила она и заметно оживилась. — Семья большая. Два сына, три дочери: Тоня, Лида, Нина. В то время и они помогали Тиме. Грех обижаться на детей, хорошие дети. А Тима был самый лучший. Перед войной в Москве заочно институт окончил... Как подошел к нам фронт, привел Тима несколько человек, и стали они в нашем саду закапывать всякие банки, ящики, бутылки. «Зачем это, сынок?» — спросила я. А Тима в ответ: «Так надо...» Ничего больше не сказал. Барыкин, секретарь горкома партии, тоже к нам приходил. Это я помню. А потом ушел Тима с партизанами в лес, неделю там побыл и вернулся в город. Послали его партизаны, чтобы тут, в Гомеле, основать подполье... Здесь его и арестовали. За что? А это я уже потом допыталась у Тимы, что хотели они с Левой Шулькиным элеватор взорвать. Их и схватили, отвели в комендатуру. Ходила я туда, о свиданиях хлопотала. Всякий раз гнали меня оттуда в шею. Потом переводчик сказал, чтобы собрала восемнадцать подписей — поручительство за сына. Что он, дескать, не коммунист и не партизан. Пошли мы со старшей дочкой по всему городу. С опаской пошли: не знали, кто даст подпись, а кто и откажет. Но нашлись хорошие люди, поручились за моего, хотя и знали, что он комсомолец, коммунист. Выходит, люди-то эти на риск шли, своей головой рисковали и Тиму выручили. Выпустили его, а Леву Шулькина расстреляли. Когда сын вернулся, я обрадовалась, а он суровый такой, говорит: «Нечего радоваться, мама, моя жизнь все равно на волоске висит. Будут они за мной следить. И пускай следят, черт с ними!»

Немецкие документы, которыми Бородин снабжал партизан.

— А дальше что было?

— Дальше? — Мария Александровна посмотрела в окно и вдруг поднялась.— Вон Тоня идет, дочка моя. Она вам и расскажет, больше моего знает.

К нам подошла невысокого роста худенькая женщина. Ее сразу окружила появившаяся как из-под земли детвора. Не скоро смогли мы продолжить беседу. Наконец Антонина, присев у стола, начала вспоминать все, что она знала о своем брате:

— Когда арестовали Тиму и Леву Шулькина, я как раз мины для них в кошелке несла. Еле успела спрятаться. Тима потом рассказывал, что у Шулькина была при себе схема вентиляционных каналов, куда нужно было закладывать мины. Эту схему он проглотил. И на допросах они молчали. А провокатор — был такой подлец, Михаил Остриков,— больше на Леву наговаривал... Когда принесла мама восемнадцать подписей, выпустили брата. Пробрался он в лес, к Барыкину. Тот велел устраиваться на работу в типографию. Организация, видно, росла. Все чаще заявлялись к нам незнакомые люди. И Тима каждому из них доставал пропуск, паспорт, трудовую книжку. Все это он из типографии приносил. Три немецких печати вырезал из линолеума. Много документов переправил партизанам. Я сама их в лес доставляла. Москву мы тогда по радио слушали. Тима листовки приносил, а мы по ночам их на дома, на заборы...

— А еще что? — продолжал я свои расспросы, надеясь что-нибудь узнать и о подвиге Марии Евдокимовой.

— Вы к Шиловым сходите, — посоветовала Антонина. — Ваня Шилов тоже в организации состоял. Вместе с Тимой расстрелян...

На другой день я разыскал семью Шиловых. Сергей Ильич, дядя погибшего подпольщика, дал мне адреса родственников и друзей Вани. Первой откликнулась учительница из Брестской области Ольга Зарембо-Шилова. Потом пришли другие письма.

Иван Шилов работал до войны на Гомельском лесокомбинате и по путевке комсомола был направлен в военное училище. Войну он встретил старшим лейтенантом. Его часть оказалась в окружении. Шилов пробрался в оккупированный Гомель. Он хорошо знал немецкий язык, и однажды на улице города появился высокий, стройный капитан германской армии. По документам он значился Фридрихом Гонке родом из Мюнхена. Он расхаживал по Гомелю, небрежно козыряя «нижним чинам» и расправляя плечи при виде тех, кто чином повыше. Его видели возле штабных помещений, у нефтебазы, на железной дороге. Он заходил в немецкий ресторан и весело болтал с соседями по столику. Комендантские патрули скоро стали встречать его, как старого знакомого. Словом, Фридрих Гонке, он же Иван Шилов, чувствовал себя в оккупированном городе весьма уверенно.

Осенью 1941 года был взорван завод, где фашисты ремонтировали танки. Капитан Гонке оживленно толковал об этом событии в офицерском ресторане.

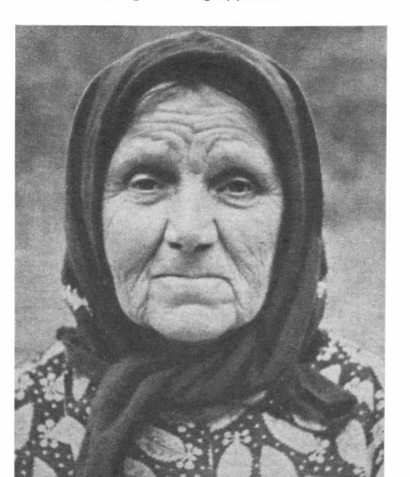
А Сергей Ильич Шилов сейчас вспоминает:

— Нелегкое было дело — такую махину на воздух поднять. Для этого с «Гомсельмаша» два воза с минами тайком утащили. Часть мин партизанам отправили, а часть подложили под танковый завод. Как бабахнули, весь город услышал!

...Новые письма, новые встречи. Постепенно прояснялась картина героической жизни и борьбы гомельских подпольщиков.

«Осенью 1941 года, — пишет мне из Ленинграда Валентина Трифоновна Медведева,— к нам пришел Тимофей Бородин. Он был знакомым моего отца, старо-

Мария Александровна, мать Тимофея Бородина.

КАК РОЖДАЛАСЬ СКУЛЬПТУРА

Когда я искал тему для дипломной работы, мне захотелось изваять скульптурную группу «Геологи».

Для своей композиции я выбрал момент, когда юноша и девушка высоко поднялись в горы, чтобы осмотреть местность. Любуясь ею, они пытливо высматривают свой путь туда, где хранятся не разведанные еще богатства земли.

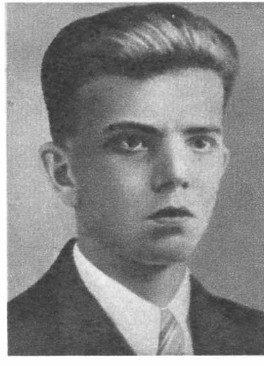
Они знают, что стране нужно много руды, каменного угля, нефти. Их труд, их мужество, стойкость, умение должны послужить успехам Родины.

Мы живем в такое время, когда вокруг нас столько замечательных тем! Только хватило бы мастерства для отображения их.

Д. ПОЛЯКОВ

Роман Тимофеенко.

Тимофей Бородин.

Иван Шилов.

Никифор Железняков.

Лев Шулькин.

Валентина Медведева.

го революционера, участника Октябрьских боев в Петрограде. Задолго перед войной отец поселился в Гомеле. Оккупацию он переживал очень тяжело. И все искал пути, которые могли бы связать его с партизанами...

Помню, было раннее утро. Отец и Бородин долго о чем-то разговаривали. Тут-то отец и познакомил меня с Бородиным. Я спросила шутя: «Как вас величать?» Он ответил: «Зовите товарищ Тимофей».

Спустя некоторое время ко мне пришла моя подруга комсомолка Зина Ермолаева. Она сказала, что хочет привести к нам надежного человека, Ваню Шилова. И привела. Мы познакомились. Он располагал к себе прямо с первого взгляда — бывают такие люди.

Ваня Шилов с тех пор приходил к нам почти каждый вечер. С ним приходили товарищи. Фамилий, к сожалению, не знаю. Были там и Леонид, и Аркадий, и Владимир — всех не припомнишь. Разговоры шли про элеватор, железную дорогу, танковые мастерские...

Потом в ненастный день — было холодно — снова пришел Бородин. Отец послал меня за Шиловым. С тех пор они часто встречались в нашем доме. Как-то Бородин принес свертки в карманах, а Ваня Шилов — банки, похожие на консервные. Они посовещались с отцом и стали все это прятать в сарае и в саду...

Ваня часто приносил листовки, даже газету «Правда». Мы с Зиной Ермолаевой разбрасывали эти листовки по дворам и почтовым ящикам на улицах Дзержинского, Котовского, Ярославской...

Тимофей был высокий, с открытым лицом и ясным взглядом. А Шилов Ваня — стройный такой, подтянутый; он отрастил себе усики, чтобы еще больше походить на немецкого офицера...»

Так, по письмам, по документам, по рассказам очевидцев восстанавливал я историю гомельских подпольщиков. Прибавлялись новые и новые факты. Но я попрежнему не упускал из виду подвиг Марии Евдокимовой — взрыв немецкого ресторана. Я спрашивал об этом всех, с кем встречался и переписывался. Пока еще не было никаких следов. Я искал их, и эти поиски снова привели к Бородиным.

На сей раз я встретился с молодыми братьями Тимофея Бородина — Евгением и Владимиром. Это рослые, статные юноши, очень похожие на брата, каким я увидал его на фотографии. Такой же высокий и чистый лоб, упрямый взгляд, густые брови, русые непослушные волосы. Евгений — офицер Советской Армии; Владимир — учитель. Братья охотно поделились со мной всем, что им запомнилось.

Тимофей в ту суровую осень велел своим сестрам Лидии и Тоне, поступившим на работу в госпиталь, приносить для партизан бинты. Потом он потребовал доставать в госпитале пробирки.

— Мы долго удивлялись, зачем они нужны, — рассказывает Владимир, — а брат только ухмылялся и отмалчивался.

— Залез я как-то на дерево, — подхватил Евгений, — и вижу, что Тима в глубине сада разливает по пробиркам какую-то жидкость. Лишь потом раскрылся секрет его «опытов». В пробирке, заклеенной бумажкой, была самовоспламеняющаяся горючая жидкость...

Так Бородин дал подпольщикам грозное оружие. В сентябре два дня рвались и горели крупные артиллерийские склады за Новобелицей. В октябре заполыхали нефтесклады. В ноябре в центре города была взорвана бензозаправочная станция.

— Как начали артиллерийские снаряды рваться, — добавил Владимир, — все немцы из города выехали. Два дня гремели взрывы. А Тима, помню, ходил веселый, довольный. Мать его спрашивает: «Чего ты улыбаешься?» А он говорит: «Это, мама, наша работа».

Я спросил у Бородиных, знают ли они о взрыве ресторана.

— Да, да, это было, — сказала Мария Александровна. — Целую ночь я глаз не сомкнула, ждала Тиму. Он явился под утро усталый, бледный. «Где же ты был?» — спрашиваю. «Мама, мы большую группу уничтожили. Пьянствовали они. Ни один не ушел».

Этот рассказ был позднее подтвержден письмом Валентины Медведевой. В нем говорилось:

«Как-то пришел Бородин осенью и принес взрывчатку. Был он у нас до ночи. Часов в одиннадцать вечера явился Шилов в форме немецкого офицера. Ночью они ушли. На следующий день Ваня смеялся и говорил: «Досталось немцам! Никто не успел уйти. Все полегли».

После встречи с братьями Бородиными я послал в журнал «Огонек» небольшую заметку о Бородине и Шилове. Она опубликована в № 30 за этот год. И снова поток писем. Писали знакомые Бородина и Шилова, родственники, бывшие партизаны. Прислал письмо и подполковник Кухта, живущий в Киеве. Вот оно:

«Мне было очень приятно читать в журнале «Огонек» заметку о Бородине. Советские люди должны знать и гордиться такими замечательными патриотами нашей Родины, какими были Шилов, Бородин и их товарищи.

Теперь по существу. В 1943 году я в составе группы сотрудников органов госбезопасности в день освобождения Гомеля от немецких захватчиков прибыл в город и занимался выявлением лиц, выдавших гитлеровцам Шилова и его группу...

...В числе других немецких военнопленных нами были захвачены начальник «Абверкоманды-315» и его заместитель майор Гартман. Начальник «Абверкоманды» признался на следствии, что лично он занимался Шиловым и его группой. Гартман был доставлен в г. Гомель, как мне помнится, в 1945 году. При следствии он также подтвердил, что за группой Шилова следили они...»

Так из письма подполковника К. Я. Кухты выяснилось, какая серьезная опасность нависла над подпольщиками весной 1942 года. Гитлеровские контрразведчики чувствовали, что в городе существует сильная и тщательно замаскированная организация, и не жалели ни сил, ни средств, чтобы покончить с ней. Восемь месяцев гитлеровские ищейки искали гомельских патриотов и не могли найти: наученный горьким опытом первого ареста, Тимофей Бородин соблюдал строжайшую конспирацию. Так же вел себя и Иван Шилов. Все встречи с нужными людьми и подготовка к диверсиям проводились на тайных квартирах. На улице Дзержинского, в доме Медведевых, встречались руководители организации; на улице Песина хранилось оружие; на улице Комиссарова шла проверка новых членов. И хотя гитлеровцы поселили провокатора по соседству с домом Бородина, он ничего не мог им сообщить утешительного...

А в ту пору организация уже насчитывала семьдесят человек. Молодежь рвалась в бой, требовала все новых и новых заданий. Тимофеенко и Бородину трудно было в условиях подполья руководить таким большим отрядом. Да и опасно это! Тогда по приказу подпольного горкома партии сорок человек были переправлены в лес, к партизанам. Эту дерзкую операцию блестяще провели Тимофеенко и Шилов.

Медведева рассказывает:

— Весной Ваня увел в лес большую группу юношей. Он был в немецкой форме и сопровождал ребят под видом заключенных. Они шли по улице, навстречу попадались немцы, козыряли Ване: они думали, что он гонит ребят на работу за город... Все обошлось благополучно, и Ваня вернулся через несколько дней...

Фашисты тем временем не дремали. Долго они пытались заслать в организацию своего агента, и это наконец им удалось... Провокатор назвал себя бывшим командиром Советской Армии и попросил Шилова дать ему любое задание. Без испытаний ни один человек в подпольную группу не допускался. «Жене из Новобелицы» (так звали новичка) было поручено проплыть под мостом на реке Сож и разведать места, где можно заложить взрывчатку. Новичок задание выполнил, но тут же пожаловался на простуду. Шилов оставил его на конспиративной квартире по улице Комиссарова. Здесь жили три девушки-подружки. Вера и Поля работали на электростанции и были членами организации. Галя вела домашнее хозяйство.

Новичок лег в постель, метался в жару и бредил. Всполошившиеся девушки послали Галю к соседке, медсестре Татьяне Сысоевне Отрожко. Она и сейчас живет в Гомеле. Вот что она мне сообщила:

— Когда я осмотрела больного, мне стало ясно, что он вполне здоров. Температура у него была 37,1. Такая, что никакого бреда и быть не может. Все это показалось мне очень подозрительным. А при осмотре я заметила на нем белоснежное шелковое белье иностранной марки. Такое белье наши люди не носили. Мне этот человек не понравился, и я сказала об этом девушкам. Но уже было поздно...

Да, поздно! Провокатор, подслушав в «бреду» разговор девушек, узнал, что на следующий день в их доме назначено собрание руководителей подпольных групп. Узнал и доложил обо всем в «Абверкоманду-315» майору Гартману...

Собрание должно было проходить под видом вечеринки. Когда явились гестаповцы, в доме была одна только Вера. Она хотела закрыть форточку, что означало «У нас непрошеные гости». Но гитлеровец не пустил ее к окну. Вскоре пришли Поля и Галя. Увидев незнакомых людей, подруги растерялись.

— Что, не этих ждали? — ехидно сказал гестаповец. — Садитесь, милости просим.

Поля и Галя молча уселись у стены. Вера схватила ведро и побежала к колонке. Следом за ней выскочил немец, но девушка все-таки успела моргнуть проходившему связному. Это был комсомолец Федя Алексеев, паренек лет пятнадцати. Он все понял и бросился предупреждать товарищей. Но не успел: Бородин и Шилов уже подходили к дому...

В этот день были арестованы и брошены в гитлеровский застенок Бородин, Шилов, Вера Андреен-

ко, Полина Чистякова и Галя Федорченко. Никифору Железнякову, которого предупредил связной Федя, удалось скрыться. На следующее утро гитлеровцы напали на его след. Железняков спал у себя дома, в Новобелице. Его разбудили лай собак, шаги и голоса. Никифор выпрыгнул в окно.

Тайными тропами вернулся он через несколько дней в Новобелицу. Здесь у родственницы хранилось его оружие.

— Он взял пистолет и гранаты, — вспоминает эта женщина, — и собирался уходить. Потом посмотрел в окно и весь побелел. «Вот, — говорит, — приметь этого человека. Подлец он. Женькой его зовут. На химзаводе работает в Новобелице».

...В первой же записке, которую Тимофей Бородин передал на волю, он просил мать найти Тимофеенко и сказать ему, что организация раскрыта, а оставшихся людей нужно увести в лес.

Мария Александровна тотчас нашла Тимофеенко. До войны это был их сосед, школьный учитель. Она знала, что Роман Илларионович по поручению горкома партии руководит подпольной молодежной организацией, он дал сыну радиоприемник, снабжал подпольщиков оружием и патронами.

Скорбной была их встреча. Тимофеенко выслушал Марию Александровну, покачал головой и сказал:

— Ничего, мамаша, будем надеяться... Надо надеяться. Еще увидим Тиму.

Но он больше не увидел Тимофея Бородина. Он погиб сам, погиб геройски, выполняя долг коммуниста. Утром он с боем вывел из города группу подпольщиков, а сам...

Два дня, прячась от немцев, бродил он по дворам и закоулкам. Наконец удалось перейти мост и проникнуть в центр города. Здесь была его конспиративная квартира. Что же произошло дальше?

Жильцы соседних домов на улице Песина рассказывают, что в квартире Тимофеенко несколько дней его ждали гестаповцы. Они хотели взять его живым. Но Тимофеенко не дался им в руки. Он завязал бой — неравный, но отчаянно смелый.

Он убил из пистолета жандарма, караулившего за дверью, вторую пулю пустил в офицера, прибежавшего на выстрелы. Хотел еще метнуть гранату в солдат, которые залегли в саду. Но не успел...

А в это время в тюрьме гестаповцы истязали Бородина и Шилова. Допросы продолжались и днем и ночью, арестованных били плетьми, выворачивали им руки, полосовали спины шомполами. Бородин и Шилов молчали. Всякий раз их приносили в камеры без сознания.

— Принесут, бросят, — вспоминает старый новобелицкий житель Андрей Иванович Австрейкин, который сидел тогда вместе с Шиловым, — оставят котелок с водой и тряпку... Вот этим и лечили мы их, раны обмывали. Отойдет он чуток и тихонько песню начинает: «Орленок, орленок...» Очень любил эту песню...

Однажды гестаповцы вывезли арестованных на центральный рынок. Там была виселица. Палачи думали, что при виде ее всякий заговорит. Но Бородин и Шилов молчали. И снова дни и ночи, полные пыток...

В эти-то дни Шилову и удалось переправить родным первое свое письмо из тюрьмы. Его вынесла старушка-уборщица Матрена Авраамовна Ковалева. В Гомеле все зовут ее ласково: тетя Мотя. Она спрятала клочок бумаги на груди и доставила его Сергею Ильичу Шилову. Вот это письмо.

«9 мая 1942 года.

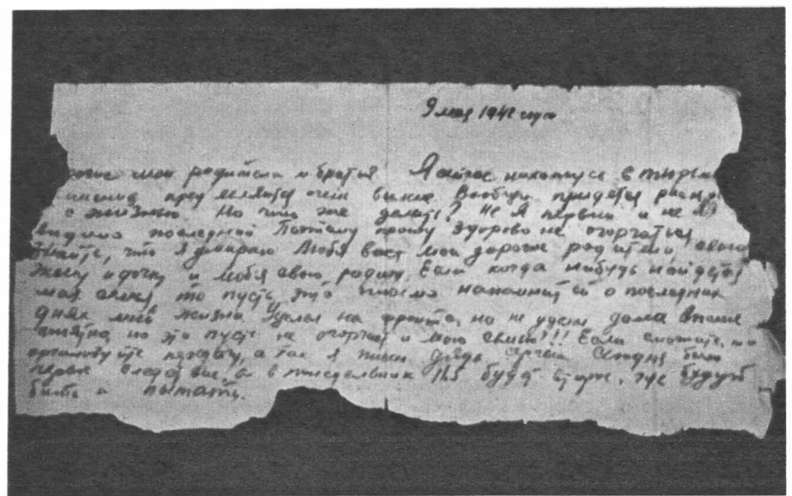
Дорогие мои родители и братья! Я сейчас нахожусь в тюрьме. Обвинения предъявляются очень веские. В общем придется распрощаться с жизнью. Ну что же делать! Не я первый, и не я, видимо, последний. Поэтому прошу здорово не огорчаться. Знайте, что я умираю, любя вас, мои дорогие родители, свою жену и дочку, любя свою Родину. Если когда-нибудь найдется моя семья, то пусть это письмо напомнит ей о последних днях моей жизни. Уцелел на фронте, но не уцелел дома. Вполне понятно, но это пусть не огорчает и мою семью.

Сегодня было первое следствие, а в понедельник, 11.5 будет второе, где будут бить и пытать. Я боюсь одного, как бы из-за этого пустяка не пострадали и вы. На этом кончаю сегодня. Будет возможность, напишу еще, а пока прощайте, целую всех. Ваш Ваня».

Целый месяц продолжались допросы и пытки. Бородин и Шилов молчали. Ничего не сказали гестаповцам и арестованные девушки.

Последний допрос вел майор Гартман. К нему привели опухших, с запекшимися ранами Шилова и Бородина.

— У вас есть средство облегчить свою участь, — заявил им Гартман. — Скажите только, где находится партизанский отряд, где скрываются ваши подпольщики. Мы заменим вам смертную казнь концлагерем.

9 мая 1942 года

Первое письмо Шилова из тюрьмы.

Здание ресторана, взорванное и сожженное подпольщиками.

— Чтобы погибнуть там от голода и болезней? — перебил фашиста Тимофей.

— Кончайте скорей! — сдерживаясь, чтобы не застонать, проговорил Шилов. — Все равно ничего от нас не услышите...

После допроса утром, когда Матрена Авраамовна разносила по камерам кипяток, Бородин передал ей туго скатанный в трубочку свой носовой платок.

— Тетя Мотя, это маме, пусть люди знают, как мы погибаем.

А вот последнее письмо Шилова, которое он написал за день до расстрела:

«19 июня, пятница 1942 г.

Здравствуйте, тетя и дядя!

Сегодня, как и всегда, я жду, притаив дыхание, жду кончины своей судьбы. Но за последние дни я уже привык к этому и хладнокровно жду конца. Вчера наши ребята передали, что вы были вдвоем, я очень рад, что вы поговорили с людьми, сидящими со мной в одной камере.

В отношении здоровья я немножко поправился, последнее время нет уже таких головокружений, как раньше. Хочется мне только одного, в случае чего, чтобы вас не трогали, хотя бы сохранить память обо мне...»

20 июня 1942 года Тимофея Бородина, Ивана Шилова, Веру Андреенко и Полину Чистякову вместе с группой других арестованных вывели в тюремный двор.

— Сначала поставили их лицом к стене, — рассказывает тетя Мотя, — по списку проверяли. Все, кто на кухне работал, видели это... А когда повели ребят к машине, выкрикнул что-то Бородин, но солдаты загнали его прикладами в душегубку. Ваня, тот успел махнуть рукой и крикнул:

«Прощайте, товарищи! Мы погибаем, но за нами победа!»

Машины отправились в район Лещинца — пригород Гомеля. Здесь растет молодой сосновый лес. День был солнечный, тихий...

«Вместе с матерью Бородина, — пишет мне учительница Зарембо-Шилова, — я ходила на другой день после казни на то место, где их расстреляли. Из ямы, засыпанной свежей землей, сочилась пена с кровью. Мать Бородина хотела раскопать могилу и достать тело Тимофея. Но мы заметили, что приближается патруль, и ушли, не откопав своих мучеников...»

Так погибли руководители молодежной подпольной организации Роман Илларионович Тимофеенко, Тимофей Бородин и Иван Шилов. Теперь известно, что в эту организацию входили Никифор Железняков, Вера Андреенко, Полина Чистякова, Алексей Прищепов, Антонина Бородина, Валентина Медведева, Федя Алексеев, Зина Ермолаева, Гапеев, Пупынин и многие другие молодые патриоты, имена которых еще не установлены.

Фашистам удалось раскрыть первую подпольную организацию, но на месте ее в Гомеле выросли еще пять. Их возглавили славные молодые патриоты Иван Железняков, Петр Воронин, Ольга Радькова, Федор Соломин и Иван Грицев. Борьба продолжалась. Тимофей Бородин и Иван Шилов не успели осуществить взрыв электростанции, но через некоторое время она все-таки взлетела на воздух. Это сделали те, кто стал на смену павшим.

Такой, после целого года поисков, открылась картина героической деятельности подпольщиков...

Теперь уже ясно, что взрыв немецкого ресторана в Гомеле осуществила подпольная комсомольская организация, которой руководил Тимофеенко. Но все еще нет дополнительных сведений о комсомолке Марии Евдокимовой. Где, в каком архиве хранятся ее документы? Кто она, юная героиня?

Может быть, читатели «Огонька» помогут нам ответить на эти вопросы.

...Я снова и снова брожу по родному городу. Теперь уже иными глазами смотрю на восстановленное здание ресторана, где в начале войны нашли свою гибель гитлеровские вояки, на здание научно-исследовательского института, в котором фашисты пытали молодых подпольщиков. Нет, поиски еще не закончены! Пройдет немного времени, и станут известны новые подробности смелой борьбы отважных сыновей и дочерей своей Родины — гомельских комсомольцев, отдавших жизни за честь, свободу и счастье советских людей.

Кадр из фильма «Комсомольск». Приезд отряда комсомольцев-строителей.

Герой нашего времени

С. ГЕРАСИМОВ,
народный артист СССР

Зимой 1935 года я ехал на север снимать картину «Семеро смелых». Поезд шел через тундру. Мой сосед пил чай и отдувался в седеющие усы. Я не видел его глаз, он смотрел в стакан, внимательно размачивал сухарь, прихлебывал и опять отдувался.

— Так,— сказал он, отодвинул стакан и поглядел на меня.— Ну-с, и дальше?

Мне не хотелось рассказывать сценарий, но взгляд у соседа был суровый, непреклонный. И я стал рассказывать дальше. Я очень любил свой сценарий. Он казался мне естественным и верным по изображению характеров людей, которых мы, как нам казалось с писателем Германом, скорее знали, чем придумали. Мы писали этот сценарий, постоянно видя перед собой судьбу Кости Званцева, комсомольца-полярника, с которым я дружил с юношеских лет, знал его приятелей, зимовавших с ним на Новой Земле. Но под суровым взглядом своего спутника я рассказывал вяло и бледно, и по глазам его видел, что сценарий ему совсем не нравится, даже, видимо, чем-то раздражает его.

— Так,— сказал опять он, когда я кое-как закончил рассказ.— Тэк-с... И, значит, все они были комсомольцы?

— Комсомольцы,— сказал я, вздохнув.

— Непременно комсомольцы?

Это было похоже на допрос, и отвечать не хотелось.

Не дождавшись ответа, сосед закурил и, искоса взглянув на меня, спросил:

— А вы знаете, кто строил дорогу, по которой мы сейчас с вами едем? Не знаете!.. А это одна из самых трудных дорог на земле. И строили ее без песен и флагов люди, о которых мы с вами никогда и ничего не узнаем. А мы с вами вот сейчас едем по этой дороге, пьем чай в удобном спальном вагоне. Дорога положена ровно, не трясет.

Я молчал. Молчание раздражало моего спутника. Мы ничего не знали друг про друга: ни имени, ни фамилии,— да и не хотелось узнавать: симпатия не сложилась.

— А у нас,— снова заговорил сосед, щурясь на черное ночное окно (и, когда он сказал «у нас», ясно прослышалось «у вас»), а у нас везде героический комсомол. Некая новая соль земли. Создается странное впечатление, что люди старшего поколения, вышедшие уже, так сказать, из комсомольского возраста,—люди второго сорта, не способны на подвиг, на геройство, обыватели, подлежащие постепенному искоренению. Чепуха все это! Вам, простите за нескромность, самому-то сколько?

«Вот тип!» — сказал я про себя, но вслух ответил:

— Двадцать восемь лет.

— Ну, вот,— холодновато рассмеялся сосед.— Скоро и вас спишут в тираж за отсутствие героического пафоса. Не так все просто, уважаемый, извините, не знаю имени и отчества...

За окном замелькали редкие огни станции. Мой неласковый собеседник встал, раскрыл саквояж и привычно стал кидать в него разную дорожную мелочь, разложенную на столе. Рука его задержалась на книге. Это было «Время, вперед!» Катаева.

— Так-то я уж не берусь судить,— продолжал он,— сочинения вашего не читал, пользуюсь рассказом. Но вот и литераторы со стажем (он поднял книжку) трезвонят в те же колокола. А мы читаем — и не верим!

И, кратко сверкнув на меня из-под бровей, он швырнул книжку в саквояж и клацнул замком.

Поезд остановился. Надевая шапку, сосед кивнул мне и сказал на прощание:

— Ну, что ж, желаю успеха!

И дверь за ним захлопнулась. Поезд прогудел и пошел дальше, а от собеседника остался в купе горький папиросный дым.

Теперь я мог размышлять на свободе. Разговор глубоко задел меня, и я уже жалел, что отмалчивался, не спорил, не опрокинул своего спутника с его железным недоброжелательством. Как всегда бывает в этих случаях, когда мы корим себя за душевную слабость, я громко сказал в пустом купе: «Ну и черт с ним!» Но продолжал думать об этом разговоре весь конец пути и возвращался к нему мыслями не раз, когда работал с актерами и не всегда удавалось, когда разыскивал нужное слово или верное душевное движение для своих героев.

Картину «Семеро смелых» делали сверстники своего молодого времени, свидетели коллективизации и первой пятилетки. Она снималась вскоре после того, как на ледяном ветру комсомольцы монтировали фермы цехов Сталинградского тракторного завода, начинала свою жизнь Магнитка, а на берегу Амура строились первые шалаши Комсомольска. Эти первые годы социалистической стройки на бескрайних раздольях Заволжья, Севера, Дальнего Востока повторяли славу подвигов комсомола в годы гражданской войны. Традиции первых ленинских субботников, традиции рабочего класса, не избалованного перинами, долгим сном и жирной едой, формировали легкую, подвижную силу комсомола.

Тысячи и десятки тысяч молодых людей передвигались уже тогда из края в край нашей огромной земли по генеральному плану строительства нового, социалистического государства. Среди них были смелые и робкие, бывалые и находчивые и совсем еще неумелые, наивные. У них были семьи, давшие им различное воспитание; они учились друг у друга, учились у старших, у коммунистов понимать цель жизни.

Широко и разносторонне я увидел комсомольцев только на следующей своей работе — в «Комсомольске-на-Амуре», где перед глазами киногруппы прошли тысячи и тысячи юношей и девушек, таких схожих в своем трудовом единстве и таких различных в своих характерах, в своих человеческих судьбах.

И сейчас, когда комсомолу сорок лет, а пишущему эти строки даже еще больше, я вспоминаю тот недобрый вагонный разговор с двояким чувством. Конечно, мой собеседник был человеком неприязненным, и, быть может, в слове «комсомол» его больше всего раздражали первые три буквы, которые обозначают слово «коммунистический». И дело было тут скорее не в поколениях, а в убеждениях.

Работая над фильмом о Комсомольске, где суровая жизнь на новых, не освоенных еще местах вскрывала человека до самой его сердцевины, мы и героику комсомольского труда стали понимать иначе — серьезнее, глубже. Как никогда, почувствовал я в работе над этой картиной удивительную силу кинематографа, искусства, призванного фиксировать реальную жизнь, давать зрителям вещественное, предметное изображение ее и в то же время способного обнажать ее тайные пружины, незримые ее связи с такой энергией и убедительностью, какими владеет, быть может, только всемогущая литература.

Помню, как перед началом работы над фильмом «Комсомольск» нам пришлось выдержать борьбу за поездку в Комсомольск-на-Амуре для съемок натурных сцен. Помню, как нам доказывали бесцельность, нелепость такой экспедиции.

— Ну, слушайте,— говорили нам,— что такое Комсомольск? Новостройка! Чем эта новостройка отличается от любой подмосковной? Пейзаж тот же — береза, ель, сосна. Да поди, и леса уже не осталось: весь вырубили! Бараки те же, механизмы те же, и комсомольцы те же. Пошлите оператора, он вам подснимет Амур. Смонтируете, и будет у вас отличнейший Комсомольск-на-Амуре.

Мы яростно отбивались; мы ведь побывали уже в Комсомольске и видели, что там все не так, все по-иному и даже сам воздух не тот. Доказать было трудно, но все же доказали. А сейчас, когда я вспоминаю этот спор, мне думается, что он возник вокруг самого главного вопроса — о предназначении и особенностях киноискусства. Это был спор между развлекательной, так сказать, беллетристической, тенденцией и тенденцией познавательной в самом глубоком значении этого слова, то есть такой силой киноискусства, какая способна давать нашему жадному зрителю представление о реальной, действительной жизни со всей ее неповторимой конкретностью.

Кадр из фильма «Добровольцы». Собрание молодых строителей метро.

Общие места — враг всякого живого искусства. Особенно недопустимы общие места, когда дело касается жизни молодежи. Изображение комсомольца, то есть самого передового молодого человека, в заведомом кругу готовых, предвзятых обстоятельств, с готовым, предвзятым характером и кругом интересов мешает зрителю — юноше и девушке — познать самих себя, свою истинную глубину, свободно и широко осмотреться в окружающем мире, зримо увидеть жизненную цель и вступить за эту цель в жизненную битву.

Сейчас молодежь много спорит об искусстве. А в кинематографе молодые сценаристы, режиссеры спорят не только словом, но и фильмами. Ученики в институте кинематографии задают нам пытливые, а иной раз и ехидные вопросы. Одни видят путь в восстановлении романтической традиции первых комсомольских картин, другие рвутся к «общечеловеческим» проблемам... на базе этики и эстетики современных буржуазных боевиков. Третьи, те, что поглубже умом и сердцем, хотят искренне и до конца понять свое время, понять его новое величие, новую красоту.

Путь художника всегда не прост и не должен быть простым. Он так же не прост, как не прост путь самого народа, его нового, молодого поколения. И сейчас уже появляются на экране фильмы, посвященные молодежи, сделанные руками двадцатипятилетних, тридцатилетних и уже совсем зрелых режиссеров, и зритель сразу и безошибочно выделяет тех героев, в каких он узнает себя, свои убеждения и сомнения, свои взлеты и провалы и — что самое важное — свою вечную, неменркнущую жизненную цель, без чего невозможно ни жить, ни работать, ни любить, ни гневаться человеку нового мира.

Что он хочет, этот человек, будь то верхолаз Пасечник в кинокартине «Высота», или Варя Степанова в фильме «Дорогой мой человек», или молодой солдат, а затем геолог Сережа из киноповествования «Дом, в котором я живу»?

Вы скажете, что все это личности, а у личности всегда свои личные интересы, свои замыслы, своя любовь, своя ревность, своя гордость, свои слабости. Все это так, конечно, но есть и общее. И общее это и есть главное: это — чувство собственного достоинства, достоинства свободного человека, это — чувство ответственности за настоящее и будущее человечества, чувство, завещанное Октябрем молодому поколению.

— Вот видите, как все грандиозно! — воскликнут тут, быть может, наши враги.— А любопытно знать: кто это, собственно, поручил вашей комсомолии такую важную заботу, да и по плечу ли она ей? Человек есть человек, и как его ни назовите, человеком останется. И что там ни говори, первой его заботой будет устройство своей жизни, своего крова, своей любви, своей семьи...

Да, старому миру было бы очень удобно, если бы на самом деле было так. Но жизнь показывает, что, к счастью, дело обстоит иначе.

Разумеется, разные у нас есть люди, есть они и в комсомоле. Иной раз, беседуя с молодым соотечественником за экзаменационным столом, спросишь его:

— Комсомолец?

— Ну, конечно! — отвечает он, говоря это как нечто само собой разумеющееся. А потом знакомишься с ним ближе и видишь, что произнес он это слово так, зря, по бездумной привычке, не сопоставляя с ним ни чувств, ни мыслей, ни прав, ни обязанностей. Но даже и у такого бездумного приятеля в острую минуту жизни, когда встают вопросы, связанные с судьбой коллектива, судьбой народа, услышишь по его живой, пытливой реплике, увидишь по блеску глаз, что в этом мире многое, о чем он говорит порой с наигранной усмешкой, ему далеко не безразлично. И тянется он к организации, а в ней — к тому человеку, чей авторитет заработан бескорыстным трудом, серьезным умом и чистым, открытым сердцем. А этот человек и есть истинный комсомолец, воспитанник партии, которая сама честь и совесть народа, честь и совесть нового мира.

Вы видите его, комсомольца, в электричке, в трамвае или автобусе: он сидит у окна, поближе к свету, или, уцепившись за поручень, балансирует на одной ноге, а в руке у него книга. Выходя на остановке у завода, он кладет книгу в карман и переходит в область труда, где все ему знакомо и сподручно. И, стоя у станка или у мартена, он выполняет свою работу с тем изяществом, какое отличает истинного мастера, любителя и знатока своей профессии. Он очень красив тогда, этот юноша с «заурядным» лицом, с негромким голосом и потемневшими от работы руками.

Вы узнаете его и на комсомольском собрании по серьезному, небрезгливому отношению к жизни, по той ранней вдумчивости, какая рождается у каждого человека, знающего цену труду. Он не кровожаден при обсуждении личных дел членов организации, но, когда дело касается вопросов комсомольской чести, неподкупен в своей принципиальности. Именно за это-то его больше всего и уважают товарищи.

Как раз вследствие внешней простоты очень трудно показать в искусстве этого прекрасного нового человека. Но тот не художник, кто, будучи сверстником своего времени, проходит мимо главного своего героя. Романтика крайних натур часто заслоняет тех истинных героев нашего времени, на которых опирается вся наша жизнь. Но лучшие наши художники упрямы, они сердцем понимают, что истинная красота лежит именно здесь, в этом рядовом человеке, и жадно желают его показать.

Я не могу, разумеется, сейчас перечислить всех молодых героев нашего кинематографа, которые этого заслужили, да и не в этом цель статьи. Хочется только сказать всем дорогим моим молодым соратникам, и тем, о ком мы делаем свои картины, и тем, кто эти картины делает рядом с нами: мы бесконечно много успели за эти сорок лет, и то, что мы успели сделать, никто у нас не отнимет. Но советский человек беспокоен, и духовная цель его бесконечно высока! В последней своей посмертной работе, «Поэме о море», великий советский сценарист и режиссер Александр Довженко поставил такие моральные проблемы, какие заставят заглянуть многих и многих людей в самую свою глубину. Вопросы, которые занимали широкий, всесторонний ум этого удивительного художника и человека, не выдуманы им, а взяты из самой гущи нашей человеческой жизни. В этой своей работе он сопоставляет красоту и уродство, с яростью отбрасывает со своего пути уродство и страстно прижимает к сердцу человеческую красоту. И недаром герои его в большинстве — молодые люди, комсомольцы и комсомолки. Он видел в них как бы самого себя, шагающего вперед, к нашей священной цели, к упрочению на земле самого честного, самого справедливого строя жизни.

Возвращаясь из отпуска, я впервые увидел море, которое Довженко воспел в этой своей работе. Три года я не был в этих местах, и в памяти моей запечатлелись бескрайние просторы сухой степи, прожженной солнцем, а теперь там вплотную к шоссе подошло Каховское море. Просторы его были так же бескрайни, как в прошлом степь. Но теперь перед глазами была светлая, живая вода, пригнанная сюда доброй волей человека. Над заливами, образовавшимися там, где раньше были балки и овраги, перекинулись мосты. Люди украшали берег, достраивали свои новые дома, садили новые сады. Более прекрасной картины я не видел в своей жизни!

И прекрасно было думать, что история этого моря повторена усилиями людей, среди которых молодежь, комсомол есть главная творческая сила,— повторена на Волге и Ангаре, Иртыше и Каме, на целине и что впереди еще непочатый край труда над украшением нашей огромной земли.

Интересно жить сейчас человеку, способному чувствовать и мыслить! И как же счастлив тот, кому сейчас не больше двадцати лет, кому страна вручает сегодня весь свой сорокалетний опыт и открывает дорогу ко всему самому возвышенному и лучшему, что дала природа человеку!

ХУДОЖНИК-ТРИБУН

К 75-летию со дня рождения Д. Моора

Имя Моора — имя художника, творчество которого органически слито с искусством великой эпохи,—неотделимо от революционных событий века.

Я не знаю, почему донской казак Дмитрий Орлов избрал себе псевдонимом имя шиллеровского героя, но думаю, что это не случайно: романтический бунтарский дух, ненависть к угнетателям и мракобесам, любовь к свободе и человеческому прогрессу смолоду были органически близки стремлениям и мыслям замечательного художника-трибуна. Оружием его было искусство политической сатиры, в которое вложил он весь свой огромный самобытный талант.

Моор был художником-самоучкой, ни в одной художественной школе не учился. Начал работать как карикатурист почти что случайно, но, став на этот путь, посвятил себя сатирической графике со всей страстью, убежденностью и увлеченностью своей богато одаренной, неукротимой натуры. Ему выпала счастливая доля стать вместе с В. Н. Дени основоположником и творцом русского революционного плаката, разившего в годы гражданской войны врагов молодой Республики Советов.

Хорошо помню первые плакаты Моора. Не на выставочных стендах, не на меловой бумаге монографий, а на стенах домов, обожженных огнем боев за власть Советов, видел я эти пламенные листы, «шершавым языком плаката» призывавшие к защите Революции, к уничтожению ее врагов.

Сатира Моора, могучая, гневная, непримиримая, рождала монументальные, эпические образы, создавала непревзойденные образцы плакатного искусства, ставшие классическими, меткие и ядовитые политические карикатуры, саркастические и едкие антирелигиозные рисунки-памфлеты, замечательные книжные иллюстрации. Карандашу Моора принадлежит колоссальное количество рисунков, бесконечно разнообразных по характеру, содержанию и графическим приемам, но удивительно цельных по объединяющему их ярко индивидуальному изобразительному языку художника, лаконичному и одновременно красноречивому, суровому и вместе с тем изящному, аскетичному и при этом вдохновенно-приподнятому.

Человек острого критического ума и лукавого юмора, неиссякаемого творческого беспокойства, художник-новатор, неутомимый общественник, педагог и организатор — таким остался в нашей памяти Дмитрий Стахиевич Моор.

Бор. ЕФИМОВ

РУССКАЯ БУРЖУАЗИЯ НА ТАКОМ БАРЬЕРЕ СЛОМАЛА СЕБЕ ГОЛОВУ.
Карикатура 30-х годов.

Гамлет в резиновых сапогах

Борис ЛАСКИН

Рисунки Ю. ФЕДОРОВА.

Это было просто удивительно, честное слово, если не сказать больше. Игнатий Васильевич спал. Мало того, он еще улыбался во сне. Тяжко вздохнув, Анна Викентьевна смотрела на мужа. Как он может спать, этот человек?.. Впрочем, нет, он, конечно, не спит. Он притворяется. Он, видите ли, устал от ее разговоров. Она сто раз повторяет одно и то же, она переливает из пустого в порожнее, а он?.. А он отмахивается и еще позволяет себе острить: «Анюта, если записать твои разговоры на пленку, то их вполне можно потом передавать в эстрадном концерте». Черствый, равнодушный человек!..

А ведь поначалу все было хорошо, даже замечательно. Юрка отлично сдал экзамены и был принят в театральное училище. Анна Викентьевна поздравила сына, отец подарил ему бритву «Спутник», директор училища высказался о Юрке в столь высоких и обнадеживающих выражениях, что Анна Викентьевна живо представила себе будущего артиста Юрия Сорокина, стоящего на сцене театра, озаренного жемчужным светом рампы. Она уже видела его в роли Гамлета. «Быть или не быть?» — вопрошал Гамлет, и зрительный зал молчал, позволяя принцу датскому лично ответить на волнующий его вопрос.

В первый же день, явившись домой из училища, Юрка принес новенький студенческий билет. И уже после того, как мать всласть налюбовалась этим документом, подтверждающим принадлежность ее сына к волшебному миру искусства, Юрка спокойно сообщил, что весь первый курс и он в том числе выезжает в Березовский район помочь колхозникам убрать картофель.

Анна Викентьевна безмолвно опустилась на диван. Может быть, Юрка пошутил? Нет, он сказал истинную правду, и это было ужасно. Служителей муз бросали на картошку!..

Наутро, облачившись в брезентовую куртку и в резиновые сапоги, Юрка в бодром расположении духа отбыл в Березовский район. Что же касается Анны Викентьевны, то она с момента отъезда сына лишилась душевного покоя.

Прошло уже целых двенадцать дней, как Юрки нет дома. Сегодня воскресенье. Анна Викентьевна подошла к окну. Конец сентября, осенняя хмурь. Стекло исчертили косые полоски дождя. В такую погоду самое милое дело — сидеть дома. Впрочем, очень эгоистично позволять себе думать об этом, когда именно сейчас в далеком Березовском районе ее Юрка, ее Гамлет, стоит по колено в сырой земле и копает картошку...

Анна Викентьевна растолкала мужа.

— Вставай!.. Уже девять часов.

Игнатий Васильевич открыл глаза и потянулся:

— Ах, Анюта, Анюта, какой сон не дала досмотреть! Можешь представить, я, Мохов и Каретников — секретарь партбюро — поехали на рыбалку. Рассвет, вода блестит. Закинули мы удочки, поплавки — тут же р-раз!.. Подсекаю — и, можешь представить, вот такая щука!..

— Видишь, что тебе снится: рыбалка, прогулка! Ты Юрке насчет трудовых процессов все разъяснял, а сам норовишь посмотреть что полегче. А Юрка сейчас, наверно, в поле. Погода — как назло. Дождь...

— Картошку, конечно, лучше копать, когда сухо,— рассудительно заметил Игнатий Васильевич.

— Смотрю я на тебя, Игнатий, и, клянусь честью, просто поражаюсь. Поражаюсь твоему спокойствию. Юрке семнадцать лет.

— Скоро восемнадцать...

— Он же еще мальчик!

— Я этому мальчику бритву подарил.

— Он еще слабый совсем.

— Слабый?.. А ты видела, когда они волейбольную площадку делали, он такое вот бревно волок на себе. И ничего!

— Ничего?.. Тебе все ничего.

— Правильно. Я в его годы, мамочка, вкалывал от зари до зари и, как видишь, устоял. Не согнулся.

— Я одного понять не могу: зачем будущих артистов на такую работу посылать? Они ж не агрономы, не мичуринцы, они ж артисты.

— Ну и что?.. Я где-то читал, что народный артист Советского Союза Хмелев в юные годы работал то ли в Сормове, то ли еще где,— в общем на заводе. И что, помешало это ему стать большим артистом?

— Может, не помешало, но и не помогло.

— Напрасно так думаешь! Артист — это художник, так? А художник обязан знать жизнь, и труд, и людей, и то, что творог не из ватрушек добывают.

— Я смотрю, очень ты сознательный! Чем так красиво рассуждать, ты бы поехал Юрку подменил.

— Нет, мамочка, так дело не пойдет. Он свое отработает, картошечки накопает и приедет. А тогда, пожалуйста, может приступать: карету мне, карету!.. Пойду искать по белу свету...

Анна Викентьевна вздохнула:

— Ну, хорошо, а если я достану справку от врача, что ему это дело противопоказано?

— Если такую справку достанешь, его сразу же снимут с работы...

В глазах у Анны Викентьевны затеплился огонек надежды.

— Да?..

— Врача с работы снимут,— пояснил Игнатий Васильевич.— За обман.

— Ну, ладно, — рассердилась Анна Викентьевна,— с тобой говорить — это как с глухим дуэты петь! Имей в виду, я найду ход, не беспокойся. Прилетишь из Челябинска через три дня — Юрка тебя встречать будет.

Теперь уже рассердился Игнатий Васильевич.

— Если ты это сделаешь, Анюта, учти: отвезу Юрку обратно. Лично отвезу и попутно так ему всыплю, что он после сидячие роли стоя играть будет!..

Игнатий Васильевич улетел в понедельник на рассвете. В тот же день Анна Викентьевна вызвала с завода Лешу — шофера Игнатия Васильевича.

— Вот что, Леша,— сказала Анна Викентьевна,— у меня к вам личное дело. Игнатию Васильевичу ни слова, поняли? Ни слова! Вы Юрку нашего знаете?

— Пока незнаком. Ведь я совсем недавно с Игнатием Васильевичем.

— Ну, это неважно! Наш Юрка поступил учиться на артиста.

— На киноартиста?

— На театрального.

— Это, конечно, похуже, но тоже неплохо.

— Так случилось, Леша, что наш сын уже две недели выступает не в своей роли. Его послали копать картошку...

— Ну, что ж, это, я считаю, роль неплохая. Современная роль.

— Леша, у меня к вам просьба. Вы знаете, где Березовский район?

— Найду.

— Там есть колхоз «Знамя труда». Поезжайте туда, найдите студента Юрия Сорокина, помогите ему немножко — и через пару дней обратно, вместе с ним. Я вам за вашу работу, конечно...

— Да это ни к чему... А вдруг его не отпустят?

— А вы там объясните: отец в командировке, мать, скажем, больна, то-се, пятое-десятое...

Леша почесал в затылке.

— М-да... Игнатий Васильевич не в курсе?

— Его в это дело посвящать совершенно не обязательно. Он приедет, а сын дома.

Спустя два часа, получив из рук Анны Викентьевны письмо и ворох домашней снеди, Леша выехал в Березовский район.

Одолев семьдесят километров асфальтового шоссе за час с небольшим, Леша свернул на проселок. Дорогу размыли осенние дожди, и ехать пришлось медленно, почти со скоростью пешехода. В колхоз Леша добрался только к вечеру. Разузнав, как доехать до поля, Леша еще с полчаса петлял по проселку и остановил машину у дороги.

Выйдя из машины, он увидел идущего по полю паренька, который, к Лешиной удаче, оказался бригадиром студенческой бригады Игорем Цветковым.

Услышав о цели Лешиного приезда, Игорь помолчал, потом вдруг постучал себя пальцем по лбу и бодро сказал:

— Друг Горацио, есть чудная идея!..

Леша вопросительно смотрел на Игоря.

— Значит, так,— продолжал Игорь,— вы приехали сюда с заданием увезти от нас Сорокина. Так и будет. Вы уедете и увезете Сорокина!..

— Легко вы отпускаете человека,— заметил Леша,— видать, не больно шибко вы им дорожите!

Игорь не ответил. Глаза его выражали активную работу мысли.

— Вот что,— сказал он,— давайте, что вы там привезли. Я передам ему в собственные руки. А вы посидите, отдохните. Он соберет свои шмутки и придет. Договорились?

— Ладно.

Взяв у Леши письмо и посылку, Игорь ушел в поле.

Далеко в поле горели костры. Холодный осенний ветер срывал с колеблющихся гребней огня хлопья сизого дыма. В свете костров виднелись работающие люди — парни и девушки с лопатами. Рядом высились горы картофеля.

Дойдя до костра, Игорь окликнул одного из парней:

— Сорокин! На минуточку...

Подошел Сорокин. Это был высокий юноша с пухлыми, по-детски очерченными губами. Из-под сдвинутой на затылок кепки выбивалась светлая прядь волос.

— Юра,— негромко сказал Игорь,— там к тебе приехал товарищ на машине из города. Привез письмо от мамы и вот, судя по запаху, весьма вдохновляющие харчи.

— Спасибо...— Сорокин наклонился к костру и начал читать письмо.

Игорь увидел: по мере того, как Сорокин читал, менялось выражение его лица. Сперва растаяла улыбка, потом на лбу появилась тяжелая складка, потом смущение сменилось сначала обиженным и под конец строгим, почти сердитым выражением.

— Ой, мама, мама! — сказал он, укоризненно покачав головой, после чего, секунду подумав, опустил письмо в огонь костра.— Мама моя — неисправимый человек, — с виноватой улыбкой пояснил он.— Просто смешно! Она наивно полагает, что я все еще ребенок. А вот насчет харчей — это мы сейчас разберем-

ся,— заметно повеселев, сказал Сорокин.— Налетай, ребята! Прибыли пирожки домашнего изготовления!..

Если бы Анна Викентьевна пожелала узнать мнение о ее кулинарных талантах, она могла бы получить послание, полное восхищения и подписанное двумя десятками фамилий друзей ее сына.

Известие о соблазнительной посылке мгновенно разнеслось далеко окрест, и тут же вокруг костра собралась шумная компания будущих артистов. В куртках, ватниках, в сатиновых штанах, в сапогах, перемазанные землей, усталые и веселые, они стояли у костра, с аппетитом уплетая стряпню Анны Викентьевны.

— Ваше копательство! — крикнул Юрка кому-то из ребят.— Кушать подано!

— Сорокин репетирует первую роль,— смеясь, сказала одна из девушек.

А Сорокин, примостившись у костра, торопливо писал ответное письмо. Игорь вырвал страничку из блокнота и тоже принялся что-то писать.

— Давай, Юрка,— сказал Игорь и взял у Сорокина исписанный листок. Он положил его в измятый конверт и туда же сунул свою записку.

— Банкет окончен! Продолжим наши игры, как говорил Остап Бендер.

Когда все разошлись по своим участкам, Игорь зашагал куда-то в темноту, светя себе под ноги карманным фонарем. Пройдя сотню шагов, он поравнялся с брезентовой туристской палаткой.

В палатке сидел унылого вида парень в лыжной куртке. Шея его была обмотана клетчатым шарфом. Парень брезгливо перетирал тарелки.

— Сорокин,— входя, сказал Игорь,— бросай свою нервную работу. Все!.. Береги интеллект. Считай, что тебе здорово повезло. Пришла машина из города, сейчас она возвращается обратно. Собирай свое хозяйство и езжай.

Сорокин-второй сделал вид, что он обижен.

— Значит, отчисляешь? — спросил он, и в голосе его прозвучало плохо скрываемое оживление.

— Ты ведь давно жалуешься, что тебе здесь трудно. Так что поезжай домой, грейся, сушись, читай Станиславского «Моя жизнь в искусстве».

— Ну что ж, пожалуйста,— сказал Сорокин-второй.— Где машина?

— Я тебя провожу...

Машина стояла там, где Игорь ее оставил. Когда они подошли с Сорокиным, выяснилось, что машина пуста.

— Садись,— сказал Игорь,— я пойду найду водителя. Он, наверно, ушел погреться.

Так оно и было. У ближнего костра Лешу угощали печеной картошкой.

— Сорокин ждет в машине,— сказал Игорь Леше.— Счастливого пути!..

— Привет, Юра! — сказал Леша, садясь в машину. Он испытывал большую неловкость, увозя из компании таких славных ребят сына Игнатия Васильевича, достойного и уважаемого на заводе человека.— Сейчас поедем,— сказал он, но не услышал ответа. Обернувшись, он увидел, что его пассажир спит.

«Наверно, ему и самому совестно,— подумал Леша.—Делает вид, что спит, а на самом деле, небось, переживает».

Но Сорокин-второй спал, и спал крепко. Его не разбудили ни тряска, ни ухабы.

В город они приехали поздно ночью. Остановив машину у подъезда, Леша увидел Анну Викентьевну. Она возвращалась домой.

Не тревожа спящего пассажира, Леша вышел из машины.

— Леша! — удивилась Анна Викентьевна (она была испугана).— Что случилось?.. Почему вы вернулись?

— Не отпускают вашего сына,— улыбаясь, сказал Леша и, увидев легкое смятение на лице Анны Викентьевны, торопливо добавил: — Смеюсь я. В машине ваш сын. Спит. Получайте своего Юрку.

— Спасибо, Леша!..

Анна Викентьевна бросилась к машине.

— Вставай, мальчик, вставай! Довольно спать!

Открыв дверцу, она просунула голову в машину и тут же испуганно подалась наружу.

— Что это?.. Кто это?..

— Сорокин. Сын ваш,— ответил Леша, но по выражению лица Анны Викентьевны понял, что случилось что-то не то.

— Где мой сын?.. Кого вы привезли?

Леша влез в машину и растормошил пассажира.

— Эй, товарищ!.. Вы кто такой?

Парень открыл глаза и, мало что соображая, не сразу ответил:

— Я?.. Я Сорокин...

— Какой вы Сорокин? — возмутилась Анна Викентьевна.

— Эдуард Сорокин. А в чем дело?.. Где мы находимся?

— В городе мы находимся,— сухо сказал Леша.— Попрошу выйти из машины.

Эдуард Сорокин, прихватив свой чемоданчик, выбрался из машины и, испуганно пятясь, пошел по тротуару, а потом вдруг побежал.

Когда Сорокин скрылся за углом, Анна Викентьевна посмотрела на Лешу и жалобным голосом спросила:

— Леша, что это такое?..

— Мне сказали, что это Сорокин.

— Леша, по-моему, вы пьяны.

Шофер не ответил на эту более чем обидную реплику. Он просто ее не слышал.

— Посадили человека в машину,— растерянно говорил он,— сказали, что Сорокин.— Он полез в карман.— Вот письмо какое-то сунули...

Анна Викентьевна дрожащими руками раскрыла конверт и узнала Юркин почерк.

«Дорогая мамочка,— писал Юрка.— Спасибо тебе за вкусную посылку. Чувствую я себя отлично. Закаляюсь. Работаю, говорят, не хуже других. Твой план эвакуировать своего слабого, беззащитного ребеночка рухнул. Вернусь вместе со всеми, когда кончим дело. Привет папе. Скажи ему, что его «Спутник» имеет шумный успех в полевых условиях. Им бреются все ребята, даже те, кому и брить-то нечего, а таких, скажу тебе по секрету, большинство. Да, и вот еще что, если тебя спросят, что такое полезное ископаемое, знай: это картошка, добытая собственными руками, испеченная на костре и пахнущая дымком. Целую еще раз. Твой Юрка».

Анна Викентьевна молча передала Юркино письмо Леше и достала из конверта вторую записку. Ее автор писал твердым размашистым почерком:

«Уважаемая мама Юрия Сорокина! Горячий привет вам от товарищей вашего сына! Как бригадир, благодарю вас за то, что вы воспитали такого хорошего, скромного парня, который не боится трудностей и прекрасно работает. Коллективное спасибо за посылочку! Незабываемые пирожки! Это первое. Теперь второе. Извините, что мы воспользовались машиной, но мы давно ждали удобного случая, чтобы отгрузить в город крупнейшего симулянта и выдающегося дармоеда нашего времени Эдуарда Сорокина. Вот и все. Желаем Вам здоровья и всего, всего хорошего. Игорь Цветков, бригадир».

Прочитав записку Игоря, Анна Викентьевна так же молча протянула ее Леше.

Леша читал, улыбаясь и восхищенно покачивая головой.

— Вот черти, а?! Ну, сильны!.. Ну что ж, Анна Викентьевна, надо понимать, все в порядке!

— Да... Вообще, конечно, все в порядке...

Она улыбалась, открыто радуясь таким неожиданным письмам. Взглянув на Лешу, который уже уселся в машину, Анна Викентьевна сказала:

— Спасибо вам, Леша, за то, что вы туда съездили. Я очень рада, что вы теперь знаете, какой Сорокин — Сорокин и какой Сорокин — не Сорокин!..

Да здравствует романтика!

Игорь КОБЗЕВ

На танцплощадках
И в гостях, за чаем,
На скверах, среди пестрых пиджачков,
Порой еще мы с горечью встречаем
Слегка уставших
юных «старичков».

Не веря песне и строке печатной,
Они твердят: — Всему своя чреда.
Мол, что хитрить! Грохочущей тачанкой
Романтика умчалась навсегда!

...Ах, эти пустозвоны и пижоны!
Когда б мне век лечить их приказал,
Я б их затиснул в жесткие вагоны,
По промыслам, по стройкам потаскал!

Чтоб не в музейном, выставочном зале,
Где блеск паркета, мрамор и уют,
А чтоб, глотая ветер, увидали,
Как нефть со дна морского достают.

Чтобы узнали, как (без пышной фразы)
Сквозь мрак и шторм проводят корабли;
Как лихо балагурят верхолазы
На стройках — в сотне метров от земли.

Пусть поглядят, как сходит с самолета
Хирург, который многих тут спасал,
Который больше опытных пилотов —
Мильоны километров налетал!..

Тут, если кто побудет,— просто ахнет:
Такая удаль, сила и размах!
Тут воздух сам романтикою пахнет
И подвигу подобен каждый шаг.

Турнир предельного напряжения

За шахматной доской чемпион мира М. Ботвинник и голландский мастер И. Доннер.

Фото агентства ДПА.

Сало ФЛОР

В 1954 году на шахматной олимпиаде в Амстердаме сборная команда СССР обогнала своего ближайшего соперника — коллектив шахматистов Аргентины — на семь очков. Спустя два года в Москве советские шахматисты «оторвались» от второго призера — команды Югославии — на четыре с половиной очка. На этот раз в Мюнхене спортивная борьба протекает значительно упорнее, и похоже на то, что разрыв в завоеванных очках будет не очень велик.

— Неужели наша команда играет хуже, чем раньше? — спрашивают многие.

Конечно, нет. Правда, следует отметить, что матчи с США, Югославией и Аргентиной команда провела ниже своих возможностей. Известно, что эти коллективы были неоднократно побеждены с крупным счетом, когда борьба шла на большем количестве досок. Однако при встрече только на четырех досках труднее доказать превосходство. Этим и следует объяснить, что командам Югославии, Аргентины и США удалось добиться ничейного результата с советскими шахматистами. В коллективе югославов превосходно играет С. Глигорич. Он находится в замечательной спортивной форме и, по всеобщему мнению, будет самым опасным соперником советских шахматистов в турнире кандидатов на первенство мира. С блестящим результатом (в финале Глигорич набрал семь очков из восьми) он вывел команду Югославии вперед, и только в пятом туре советским шахматистам удалось догнать, а в шестом — перегнать ее. После седьмого тура разрыв был всего в пол-очка. Это вселяло радужные надежды на успех в турнире. Болельщики из югославской колонии, а также корреспонденты югославских газет, которые продолжают прибывать в Мюнхен, всячески поддерживают своих шахматистов.

Играя с советской командой, наши соперники максимально стараются. При современной технике ничейной игры многим удавалось отвоевывать у наших гроссмейстеров пол-очка. Все как огня боятся М. Таля, особенно его атак. Поэтому каждый его противник стремился к размену ферзей, что уменьшало возможность получения мата. Так именно поступил чехословацкий мастер Фихтль. Но эта тактика не дала ему желаемого успеха.

Каждое очко нашим гроссмейстерам приходится зарабатывать тяжелой, иногда кропотливой работой. Так, например, Василий Смыслов в одной партии должен был трудиться в течение тринадцати часов! Сто шесть ходов потребовалось экс-чемпиону мира, пока его упорный противник гроссмейстер М. Филип (Чехословакия) капитулировал!

Матч с шахматистами Испании вызвал большой интерес. Это была первая встреча советских и испанских спортсменов. «Шахматная надежда» Испании А. Помар считался в свое время вундеркиндом и брал уроки у покойного чемпиона мира А. Алехина. Годы шли. Помар — уже взрослый человек, но как шахматист он остался опасным противником. Его партия с чемпионом мира М. Ботвинником протекала крайне напряженно. Ботвинник, имея на пешку меньше, смело отказался от ничьей и отложил партию. Времени для домашнего анализа оставалось мало, поскольку доигрывание было назначено на следующий день, в десять утра. Все думали, что партия закончится вничью, но Ботвинник со свойственной ему энергией отказался от сна и лишь в четвертом часу ночи нашел путь к победе. Правда, выяснилось, что Ботвинник напрасно провел бессонную ночь, ибо Помар не разобрался в тонкостях сложившейся ситуации и с утра, чуть ли не «натощак», зевнул пешку и быстро проиграл.

Разгром 3,5 : 0,5 не вызвал восторга у испанцев.

В начале олимпиады было много шума вокруг команды США и особенно С. Решевского. В качестве запасного участника американцы заявили президента своей шахматной федерации мистера Спенна. До сих пор, однако, президент не сыграл ни одной партии. Мистер Спенн заявил, что Решевского годами «обижают» и что необходимо персонально пригласить его в турнир кандидатов на первенство мира. Без Решевского турнир кандидатов, по словам Спенна, неполноценен. Но результаты Решевского в Мюнхене говорят об обратном: его шахматная звезда начинает гаснуть.

В дни, когда шли полуфинальные встречи, американский гроссмейстер редко бывал в зале. Он играл всего три раза и в трех случаях закончил партии вничью. В финале Решевский сделал одну гроссмейстерскую ничью, проиграл Унцикеру (ФРГ) и забрал подставленную ладью Александера. Над Решевским шутят сами американцы. Молодой Ломбарди, например, считает, что отъезд Решевского домой... усилил бы американскую команду. Кстати, о В. Ломбарди. Он на днях допустил грубые ошибки... вне турнирного зала.

Готовясь к следующим партиям, Ломбарди решил подышать свежим воздухом и воспользовался машиной фирмы «Кока-кола». Шахматист забыл правила уличного движения и... врезался в цветочный киоск, разбив при этом и машину и киоск. Очнувшись после шока, Ломбарди допустил еще одну ошибку: он попытался убежать, но был пойман. Вечерняя газета Мюнхена сообщила об этом приключении крупным заголовком: «Чемпион мира по шахматам врезался в киоск». Читатели решили, что речь идет о Ботвиннике. Только при внимательном чтении стало ясно, что виновником является чемпион мира среди юношей. Дело Ломбарди еще разбирается. Пока неясно, кто будет платить за нанесенный ущерб: фирма «Кока-кола» или Ломбарди.

Рекордное количество зрителей было в дни седьмого и восьмого туров. Вокруг немецкого музея стояла масса автомашин — немецких и из Австрии, Швейцарии и других соседних стран, откуда приезжали любители шахмат. В восьмом туре наша команда наконец заиграла в полную силу и выиграла у упорных англичан с сухим счетом — 4 : 0. Англичане заявили, что они попросят футболистов двадцать второго в Лондоне «отомстить за нанесенное поражение».

Кстати, даже результат 4 : 0 с Англией не дал возможности нашим шахматистам сильно оторваться от команды Югославии, которая продолжает играть с подъемом и нанесла крупное поражение Чехословакии — 3 : 1.

Американцы уже перестали смотреть на кубок чемпиона мира. Ясно, что он останется в Европе.

На вкладках этого номера репродукции картин: Б. Иогансона, В. Соколова, Д. Тегина, Н. Файдыш-Крандиевской, Н. Чебакова «Выступление В. И. Ленина на III съезде комсомола», Ю. Абрамова, Н. Ращектаева «На фронт», В. Забашты «В годы подполья», Р. Диденко «У памятника Зое»; скульптура Д. Полякова «Геологи» и четыре страницы цветных фотографий.

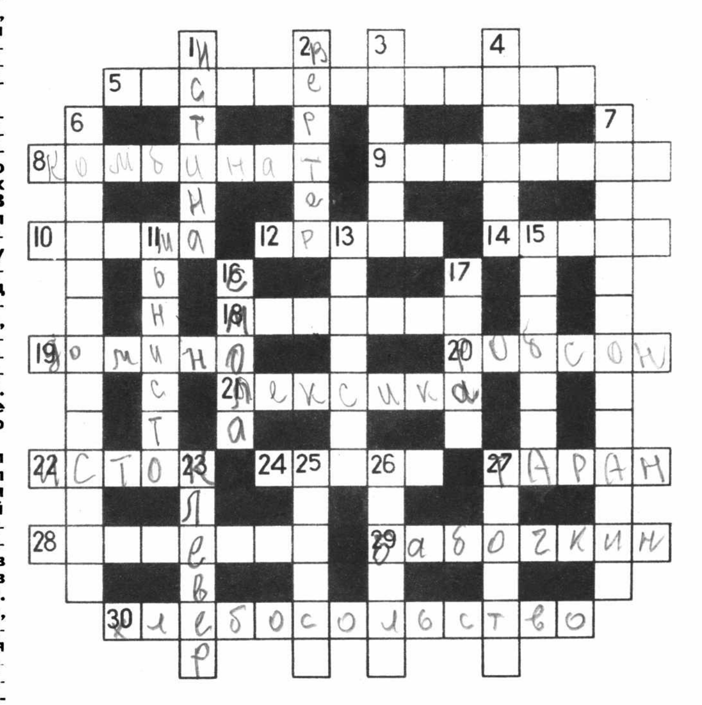
КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Химик, учитель Д. И. Менделеева. 8. Объединение промышленных предприятий. 9. Оркестровая пьеса. 10. Действующий вулкан на острове Хонсю. 12. Дикий баран. 14. Горная система в Сибири. 18. Занавеска для защиты от солнечных лучей. 19. Маскарадный костюм. 20. Американский певец. 21. Словарный состав языка. 22. Начало реки. 24. Центр золотоносного района в Челябинской области. 27. Прием воздушного боя. 28. Писатель-сатирик XVIII века. 29. Исполнитель главной роли в фильме «Чапаев». 30. Гостеприимство, радушие при угощении.

По вертикали:

1. Достоверное знание, правда. 2. Опера Ж. Массне. 3. Плотная шелковая ткань. 4. Остров в Эгейском море. 6. Стихотворение В. Маяковского. 7. Преобразование, превращение. 11. Ожерелье. 13. Представительница тюркоязычной народности. 15. Река, впадающая в Мексиканский залив. 16. Сок хвойных растений. 17. Крупная ящерица. 23. Кормовое растение. 25. Город в Греции. 26. Ценный пушной зверек. 27. Древко смычка.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 43

По горизонтали:

2. Таз. 4. Пакет. 6. «Колобок». 8. Пень. 10. Урок. 12. Поти. 13. Миг. 15. Гран. 17. Сода. 18. Гараж. 20. Муар. 22. Сова. 23. Кин. 24. «ЗИЛ». 25. Слон. 26. Марш. 28. Тагор. 30. Атом. 31. Рота. 33. Сон. 34. Григ. 35. Карс. 37. Брак. 38. Бакелит. 40. Барон. 41. Тик.

По вертикали:

1. Сако. 2. Таль. 3. Зебу. 4 Пони. 5. «Торг». 6. Кета. 7. Корм. 8. Подарок. 9. Мир. 11. Каустик. 12. Повар. 13. «Манас». 14. Газон. 16. Налог. 17. Сом. 18. Гит. 19. Жир. 21. Ром. 27. Штаб. 29. Гол. 30. Арат. 32. Араб. 34. Грин. 36. Скат. 37. Блок. 39. Ерик.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. **Рукописи не возвращаются.** **Оформление В. Епанешникова.**

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 05350. Подписано к печати 22/X 1958 г. **Формат бум. 70×108¹/₁₆.** 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 420 000. Изд. № 1068. Заказ № 2396.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Комсомольская молодость

Слова Бориса БРЯНСКОГО.

Музыка Арно БАБАДЖАНЯНА.

Молодость комсомольская
Упряма и смела.
Нас на дела геройские
Не раз она вела.
И шли вместе с нами те,
Кто счастье нашел в труде.
И партия знала,
Что мы победим везде!

Припев:
Комсомол — союз закаленных,
Молодых, горячих людей.
Это — братство сердец
окрыленных,
И в борьбу и в работу
влюбленных.
Комсомол — союз закаленных,
И размах его дел широк.
Это — счастье людей
непреклонных,
Счастье трудных, больших
дорог!

Юность в труде не ленится,
Вперед стремясь во всем.
Гордое имя ленинцев
Достойно мы несем.
Мечта, ты зовешь нас вдаль!
И сил нам своих не жаль.
Про нас тоже скажут:
Вот так закалялась сталь!

Припев:

Комсомол — союз закаленных,
Молодых, горячих людей.
Это — братство сердец
окрыленных,
И в борьбу и в работу
влюбленных.
Комсомол — союз закаленных,
И размах его дел широк.
Это — счастье людей
непреклонных,
Счастье трудных, больших
дорог!

Цена номера 3 руб.